

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

1938

СОДЕРЖАНИЕ

Речь тов. Сталина на приеме в Кремле работников высшей школы 17 мая 1938 г.	1
Передовая — День международной пролетарской солидарности	2
А. Я. Вышинский — Избирательный закон РСФСР	4
Г. Рогинский — За большевистскую перестройку работы органов прокуратуры	12
<u>С. Голунский</u> — Судебное следствие, как важнейшая стадия уголовного процесса	26
А. Тагер — Кассация в системе советского государства	35
А. Тихонов — Организационная и агитационная работа на избирательном участке	48
В. Черваков — К вопросу о криминалистической экспертизе выстрелов, оружия и боеприпасов по делам об убийствах и ранениях огнестрельным оружием	54
<u>А. Винберг</u> — Подготовка материала для графической экспертизы	59
<u>В. Покровский</u> — Как надо проверять ведомственные приказы и постановления исполкомов и советов	63
В. Лебединский — Работа прокуратуры БССР по общему надзору	69
С. Новик — БССР. Как мы перестраиваем работу отдела общего надзора	73
В. Вайсман — Против замазывания ошибок разговорами о самокритике	76
Р. Лопухов и В. Трубников — За чуткое отношение к красноармейским жалобам	78
Обмен опытом	
Неослабное внимание борьбе с преступлениями, посягающими на личность, достоинство, права женщин национальных меньшинств	81
✓ О необходимых коррективах в ГПК и УПК	84
О 423 статье УПК РСФСР	85
Несколько слов о советской адвокатуре	86
Практический вопрос	86
Дело Рекстон	86
✓ Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза	88
По союзным республикам	
Борьба с растратами в кооперации и госторговле	96
Условия работы одной районной прокуратуры	99
Подготовка прокурорских и следственных кадров в Калмыцкой АССР	100
Нарушения устава сельскохозяйственной артели в Каз-Тановском районе	101
Работа прокуратуры Киргизской ССР по следствию за 1937 г.	102
Сводка важнейших постановлений	103

ПОПРАВКА

В № 3 нашего журнала, в статье т. Полянского «К вопросу о состязательности в стадии предварительного расследования дела» на стр. 61, правая колонка, 13 строка снизу имеется опечатка.

Напечатано: Haftprüfungs ver fahren
Нужно читать: Haftprüfungsverfahren

Речь тов. СТАЛИНА

на приеме в Кремле работников высшей школы 17 мая 1938 г.

Товарищи!

Разрешите провозгласить тост за науку, за ее процветание, за здоровье людей науки.

За процветание науки, той науки, которая не отгораживается от народа, не держит себя вдали от народа, а готова служить народу, готова передать народу все завоевания науки, которая обслуживает народ не по принуждению, а добровольно, с охотой (а п л о д и с м е н т ы).

За процветание науки, той науки, которая не дает своим старым и признанным руководителям самодовольно замыкаться в скорлупу жрецов науки, в скорлупу монополистов науки, которая понимает смысл, значение, всеиллие союза старых работников науки с молодыми работниками науки, которая добровольно и охотно открывает все двери науки молодым силам нашей страны и дает им возможность завоевать вершины науки, которая признает, что будущность принадлежит молодежи от науки (а п л о д и с м е н т ы).

За процветание науки, той науки, люди которой, понимая силу и значение установившихся в науке традиций и умело используя их в интересах науки, все же не хотят быть рабами этих традиций, которая имеет смелость, решимость ломать старые традиции, нормы, установки, когда они становятся устаревшими, когда они превращаются в тормоз для движения вперед, и которая умеет создавать новые традиции, новые нормы, новые установки (а п л о д и с м е н т ы).

Наука знает в своем развитии не мало мужественных людей, которые умели ломать старое и создавать новое, несмотря ни на какие препятствия, вопреки всему. Такие мужи науки, как Галилей, Дарвин и многие другие общеизвестны. Я хотел бы остановиться на одном из таких корифеев науки, который является вместе с тем величайшим человеком современности. Я имею в виду Ленина, нашего учителя, нашего воспитателя (а п л о д и с м е н т ы). Вспомните 1917 год. На основании научного анализа общественного развития России, на основании научного анализа международного положения Ленин пришел тогда к выводу, что единственным выходом из положения является победа социализма в России. Это был более, чем неожиданный вывод для многих

людей науки того времени. Плеханов, один из выдающихся людей науки, с презрением говорил тогда о Ленине, утверждал, что Ленин находится «в бреду». Другие, не менее известные люди науки, утверждали, что «Ленин сошел с ума», что его следовало упрятать куда-нибудь подальше. Против Ленина были тогда все и всякие люди науки как против человека, разрушающего науку. Но Ленин не убоился пойти против течения, против косности. И Ленин победил (а п л о д и с м е н т ы).

Вот вам образец мужа науки, смело ведущего борьбу против устаревшей науки и прокладывающего дорогу для новой науки.

Бывает и так, что новые пути науки и техники прокладывают иногда не общеизвестные в науке люди, а совершенно неизвестные в научном мире люди, простые люди, практики, новаторы дела. Здесь за общим столом сидят товарищи Стаханов и Папанин. Люди, неизвестные в научном мире, не имеющие ученых степеней, практики своего дела. Но кому неизвестно, что Стаханов и стахановцы в своей практической работе в области промышленности опрокинули существующие нормы, установленные известными людьми науки и техники, как устаревшие, и ввели новые нормы, соответствующие требованиям действительной науки и техники? Кому неизвестно, что Папанин и папанинцы в своей практической работе на дрейфующей льдине мимоходом, без особого труда, опрокинули старое представление об Арктике, как устаревшее, и установили новое, соответствующее требованиям действительной науки? Кто может отрицать, что Стаханов и Папанин являются новаторами в науке, людьми нашей передовой науки?

Вот какие еще бывают «чудеса» в науке.

Я говорил о науке. Но наука бывает всякая. Та наука, о которой я говорил, называется **ПЕРЕДОВОЙ** наукой.

За процветание нашей передовой науки!

За здоровье людей передовой науки!

За здоровье Ленина и ленинизма!

За здоровье Стаханова и стахановцев!

За здоровье Папанина и папанинцев! (а п л о д и с м е н т ы).

День международной пролетарской солидарности

Огромными успехами и достижениями в промышленности, сельском хозяйстве, культуре, науке, искусстве, в деле укрепления обороны страны встретил в нынешнем году свой Первомайский праздник великий советский народ. Велики одержанные им победы и как никогда сплочен он вокруг партии Ленина — Сталина и советского правительства.

С каждым днем растет и крепнет моральное и политическое единство советского народа, нашедшее свое яркое выражение в блестящей победе избирательного блока коммунистов с беспартийными на выборах в Верховный Совет Союза ССР. На основе этого единства широко развертывается кампания по выборам в Верховные Советы союзных и автономных республик. Еще более организованно должны пройти эти выборы, и еще лучшими должны быть их результаты.

Решительный разгром троцкистско-бухаринской агентуры японо-германского фашизма, беспощадное выкорчевывание этих злейших врагов нашего народа, ликвидация троцкистских и иных двурушников сыграли огромную роль в деле укрепления советского государства, в очистке нашего тыла, и повышении обороноспособности нашей родины. На первомайских демонстрациях миллионы трудящихся города и деревни выразили свою искреннюю благодарность нашей партии, мудрому и любимому вождю народов товарищу Сталину за эту титаническую очистительную работу, являющуюся важнейшим условием дальнейших побед социализма.

Демонстрируя в день 1 мая под лозунгами коммунистической партии, советский народ выражает свою неуклонную волю — выкорчевать до конца троцкистско-бухаринское отродье.

«Наскорем врагов народа троцкистско-бухаринских и буржуазно-националистических шпионов и вредителей, наймитов иностранных разведок! Смерть изменникам родины! Разоблачим всех и всяких двурушников! Превратим нашу партию в неприступную крепость большевизма!» Эти первомайские лозунги Центрального Комитета нашей партии выражают чувства и мысли каждого честного труженика страны социализма. Каждый честный трудящийся за рубежом, все передовое и прогрессивное человечество горячо сочувствует и готово поддержать нас в нашей борьбе против грязных предателей и изменников, против псов и свиней умирающей буржуазии, против самых темных сил мировой реакции, которая обрела в лице троцкистско-бухаринских убийц и бандитов послушное орудие, вполне достойное своего фашистского хозяина.

Несмотря на гнусную диверсионно-вредительскую деятельность троцкистско-бухаринских предателей страна наша шла и продолжает идти вперед гигантскими шагами. Наша промышленность выросла в мощную силу. Выйдя по выпуску продукции на первое место в Европе и второе место в мире (после Соединенных Штатов Америки), она обеспечила экономическую независимость нашей родины. Промышленная продукция СССР в 1937 г. составляла 430% продукции 1929 г., в то время как промышленная продукция капиталистического мира в 1936 г.

составляла лишь 95,4% по сравнению с 1929 г. Мы обладаем теперь мощной военно-производственной базой, способной полностью удовлетворить нужды обороны как в мирное, так и в военное время. Растет производительность труда ширится и крепнет стахановское движение. Из глубочайших недр народных масс выдвинулись талантливые организаторы и командиры производства. Тысячи новых людей, передовиков, лучших стахановцев пришли на руководящую работу в народном хозяйстве. Это люди беззаветно преданные делу социализма, делу партии Ленина — Сталина, люди сталинской закалки, вожаки масс, неутомимые организаторы и борцы. В этом факте ярко и отчетливо выражен массовый политический и культурный подъем рабочего класса, в этом сказались серьезные успехи в решении поставленной товарищем Сталиным задачи «подъема культурно-технического уровня рабочего класса до уровня работников инженерно-технического труда»¹.

Бурно развивается социалистическое сельское хозяйство. 1937 год дал невиданный в истории нашей страны урожай в 7 миллиардов пудов хлеба.

Близко к выполнению задание товарища Сталина о ежегодном производстве 7—8 млрд. пудов хлеба. Ликвидация последствий вредительства в сельском хозяйстве, установление правильных севооборотов и ряд других мероприятий партии и правительства обеспечат дальнейший подъем социалистического земледелия и животноводства.

Из года в год растет материальное благосостояние советского народа. План 1938 г. намечает рост фонда заработной платы по сравнению с 1937 г. на 13%. Но этим далеко не исчерпываются мероприятия партии и правительства по повышению благосостояния народных масс. В 1938 г. значительно вырастет продукция легкой промышленности.

Растут затраты по линии народного образования, здравоохранения, социального страхования, курортного строительства, культурного обслуживания трудящихся. Законом развития социалистической страны является повседневный рост жизненного уровня и культуры широчайших народных масс.

Счастливым советский народ, гордый сознанием своих исторических побед, не забывает об опасностях, вытекающих из факта капиталистического окружения нашей страны. В нынешнем году мы празднуем 1 мая в особо обостренной международной обстановке. Итало-германский фашизм действует, как потерявший голову хищник.

Ландскнехты Гитлера и Муссолини топчут плодородные поля Испании, разрушают ее города, убивают мирное население, уничтожают величайшие культурные ценности. При прямом содействии буржуазно-демократических государств, и в первую голову Англии, германский фашизм захватил Австрию, готовится проглотить

¹ Сталин. Речь на первом всесоюзном совещании стахановцев, Партиздат ЦК ВКП(б), 1935 г., стр. 9.

Чехо-Словакию и совместно с итальянским фашизмом подготавливает передел Европы.

Японский империализм ведет кровавую хищническую войну против китайского народа, стремясь расчленив китайскую территорию, захватить ее природные богатства, превратить Китай в свою колонию. Ускоренным темпом ведется дипломатическая и военная подготовка нападения на Страну советов, вселяющую своим победным движением вперед величайший страх мировой буржуазии. После войны 1914—1918 гг. мир еще никогда не был так близок к новой всеобщей свалке.

Взгляды трудящихся всего мира, всех искренних противников войны неизменно обращаются к стране социализма, единственной стране, последовательно и непоколебимо стоящей на защите мира. В ней, в этой великой родине нового человечества, в ее великих подвигах и грандиозной созидательной работе они черпают силы для новой борьбы.

«Россия, благородная Россия,

Ты во сто крат милее сердцу стала

С тех пор, как ты, и скипетр свой и посох

Сломав навеки, серп взяла и молот».

Так испанский поэт Антонио Мачадо выразил чувства и настроения революционного испанского народа, его дружбу и симпатию к народам советской страны, указавшим путь всему угнетенному человечеству.

Растет опасность войны, и вместе с тем растут противодействующие с ней силы. Растет и крепнет народный фронт во Франции, в Испании, в Китае. Растет сопротивление испанского и китайского народов. Растут и крепнут интернациональные пролетарские связи. Международный пролетариат готовится оказать помощь нашей стране в случае нападения на нее фашистских агрессоров. А главное, растет и крепнет Союз Советских Социалистических Республик — социалистическое государство рабочих и крестьян, твердыня мировой революции, мечта и надежда всего трудового человечества.

Советский человек всегда помнит о своих братьях по классу, угнетаемых и подавляемых фашистским сапогом. Он отлично сознает свои обязанности перед рабочим классом всего мира, ибо интернационализм есть неотъемлемое свой-

ство каждого сознательного труженика страны социализма.

В своем письме к комсомольцу т. Иванову товарищ Сталин, говоря об окончательной победе социализма в нашей стране, писал:

«Вторую проблему можно разрешить лишь в порядке соединения серьезных усилий международного пролетариата с еще более серьезными усилиями всего нашего советского народа. Нужно усилить и укрепить интернациональные пролетарские связи рабочего класса СССР с рабочим классом буржуазных стран; нужно организовать политическую помощь рабочего класса буржуазных стран рабочему классу нашей страны на случай военного нападения на нашу страну, равно как организовать всяческую помощь рабочего класса нашей страны рабочему классу буржуазных стран; нужно всемерно усилить и укрепить нашу Красную армию, Красный флот, Красную авиацию, Осоавиахим. Нужно весь наш народ держать в состоянии мобилизационной готовности перед лицом опасности военного нападения, чтобы никакая «случайность» и никакие фокусы наших внешних врагов не могли застичь нас врасплох...»¹.

Эти замечательные слова нашего вождя и учителя четко определяют пути борьбы за укрепление международных пролетарских связей, за организацию отпора поджигателям войны, за организацию победы социализма над фашистскими агрессорами в случае их нападения на Советский Союз.

Первого мая трудящиеся всего мира демонстрируют свою готовность к борьбе за освобождение человечества от капиталистического рабства, за мир — против войны, за помощь республиканской Испании и китайскому народу, за международную пролетарскую солидарность.

Под знаменем Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина в едином порыве демонстрировали 1 мая миллионы трудящихся страны советов свою преданность делу социализма, свою любовь к советской родине, свою непоколебимую готовность отстаивать ее свободу и независимость от всяких покушений наших врагов.

¹ Письмо т. Иванова и ответ товарища Сталина, Партиздат, ЦК ВКП(б), 1938 г., стр. 13.

Избирательный закон РСФСР¹

Выборы в Верховный Совет РСФСР согласно постановления правительства будут происходить 26 июня этого года. Выборы будут осуществляться на основе Конституции РСФСР, опирающейся на великую Сталинскую Конституцию, на ее великие принципы и на основе «Положения о выборах в Верховный Совет РСФСР», утвержденного 4 сессией ВЦИК XVI созыва 16 февраля 1938 г.

Эти выборы имеют большое значение потому, что Российская Федерация является ведущей республикой СССР и все остальные республики будут держать равнение на нее.

Верховный Совет РСФСР — это высший орган государственной власти Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, являющейся одной из 11 союзных республик, самой большой, самой передовой, первой поднявшей победоносное знамя борьбы и восстания против царизма, против буржуазии, поведшей за собой трудящиеся массы рабочих и крестьян всех остальных республик Союза.

РСФСР является республикой, которая занимает особое место среди всех других союзных республик, как первая среди равных.

Значение РСФСР и в политическом и в экономическом отношении в Союзе Советских Социалистических Республик огромно. Достаточно напомнить тот факт, что девять десятых всех угольных запасов СССР дает нам РСФСР, четыре пятых всех железорудных запасов дает нам РСФСР; РСФСР дает две трети производства электроэнергии, свыше трех четвертей выпуска машин; в хлебном балансе Советского Союза РСФСР также занимает ведущее, первенствующее место.

Это одно говорит уже о том громадном значении, которое принадлежит Республике Российской в системе всех союзных республик, составляющих великий наш Союз Советских Социалистических Республик.

Исключительна роль РСФСР в обороне нашего отечества. Русский народ оказал неоценимые услуги братским народам СССР. Русский народ — это гигант, героически разорвавший цепи капиталистического рабства и указавший своим братьям по классу, трудящимся всех других народов, населяющих наше отечество, путь к свободной и радостной жизни под великим знаменем партии Ленина — Сталина.

Вот почему уважением и любовью окружают все народы СССР русский народ, воплотивший в себе великий опыт борьбы со всеми и всякими угнетателями и поработителями.

Наши враги — троцкистско-бухаринские изменники, предатели социализма, — прилагали все усилия к тому, чтобы поколебать авторитет русского народа, любовь и уважение к нему, как одному из самых передовых народов в нашей стране. И в частности презренный изменник Бухарин клеветал на русский народ, называя его «нацией Обломовых».

¹ Исправленная стенограмма инструктивного доклада на совещании членов окружных избирательных комиссий г. Москвы и Московской области 3 мая 1938 г.

Презренному изменнику, этому ничтожному пигмею, как и его сообщникам, разумеется, не удалось и не удастся поколебать авторитет русского рабочего и крестьянина и интеллигенции, сумевших, несмотря на весь гнет и ужас царизма, внести в сокровищницу мировой культуры гениальные произведения своего творчества. Ленин и Сталин учат нас любви и уважению к Российской республике, к русским рабочим и крестьянам, впервые поднявшим знамя борьбы за свое освобождение и научившим другие народы беспощадной борьбе со своими угнетателями и эксплуататорами, научившим другие народы бороться и побеждать, как побеждает и учит нас побеждать наша великая партия под руководством великих своих учителей Ленина и Сталина.

В свое время Ленин говорил о необходимости и естественности чувства любви к своему отечеству, о чувстве национальной гордости. «Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, — писал Ленин, — чувство национальной гордости?» И отвечал: «Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы ее трудящиеся массы (т. е. 2/3 ее населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больше всего видеть и чувствовать, каким насильем, гнетом и издевательствам подвергаются наша прекрасная родина царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилья вызывали отпор из нашей среды, из среды великоруссов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать пона и помещика».

Мы помним, как полвека тому назад великорусский демократ Чернышевский, отдавая свою жизнь делу революции, сказал: «жалкая нация, нация рабов, сверху донизу — все рабы». Откровенные и прикровенные рабы-великоруссы (рабы по отношению к царской монархии) не любят вспоминать об этих словах. А, по нашему, это были слова настоящей любви к родине, любви, тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения. Тогда ее не было. Теперь ее мало, но она уже есть. Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация тоже создала революционный класс, тоже доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм...»¹.

Прошло несколько десятков лет с тех пор, как были написаны эти замечательные слова, и вот теперь, после Великой Октябрьской социалистической революции в нашей стране, свергнувшей власть и царей, и помещиков, и капиталистов, и попов, и утвердившей диктатуру рабочего класса, высоко над нашей землей возшло великое солнце социализма, дающее нам радостную и счастливую жизнь.

Все это мы не можем не вспомнить именно сейчас, почти на пороге великого исторического

¹ Ленин, т. XVIII, стр. 81.

дня — 26 июня, когда народы Российской Советской Федеративной Социалистической Республики придут к избирательным урнам для того, чтобы послать в высший законодательный орган своей республики лучших людей нашей страны, пламенных патриотов нашей социалистической родины, преданных и способных до конца, не жалея ни сил своих, ни самой жизни своей, бороться за дело социализма, за дело Ленина — Сталина.

Можно не сомневаться, что избирательная кампания, в которую мы вступили, завершится в день 26 июня 1938 г. блестящей победой блока коммунистов и беспартийных, блестящей победой, образец которой нам уже дал незабываемый день 12 декабря 1937 г.

Мы не сомневаемся в том, что выборы в Верховные Советы союзных республик, и в том числе выборы в Верховный Совет РСФСР, пройдут с таким же блестящим успехом, с каким прошли выборы 12 декабря 1937 г., и мы хотим, чтобы этот успех был еще более умножен и увеличен, чтобы 26 июня 1938 г. на выборы пришло еще больше избирателей, чем это было в день 12 декабря 1937 г., чтобы, таким образом, победа, которую мы должны одержать в день 26 июня, была бы еще более внушительной, продемонстрировала бы перед всем миром еще более фундаментально и основательно великое чувство морального и политического единства, объединяющее весь советский народ, продемонстрировала бы еще более внушительно и осязательно нашу пламенную любовь к нашей родине, к социализму, к великому вдохновителю и организатору наших социалистических побед — к Коммунистической партии и ее Центральному Комитету, во главе с Иосифом Виссарионовичем Сталиным.

Нам нужно на выборах 26 июня проявить еще большую организованность и сплоченность, чем это было уже проявлено в исторический день 12 декабря 1937 г.

Выборы в Верховный Совет РСФСР, как и в Верховные Советы других союзных республик, будут происходить на основании всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

Нужно иметь в виду и помнить, что такого права у избирателей нет ни в одной стране мира, несмотря на то, что сплошь и рядом в конституциях капиталистических стран и в избирательных законах говорится и о всеобщем избирательном праве, и о равном и прямом избирательном праве, и о тайном голосовании.

В действительности ни одна капиталистическая страна, даже наиболее передовая, даже наиболее демократическая, не знает, никогда не знала и не будет знать всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании до тех пор, пока там не будет советской власти, а она будет, и скоро будет, мы в этом твердо уверены.

Достаточно сказать, что еще до сих пор в целом ряде капиталистических стран, например, в Бельгии¹, Швейцарии и Франции, женщины лишены избирательного права. Они не пользуются там избирательным правом ни фактически,

ни юридически, то есть им не предоставлено это избирательное право и по закону.

Но даже и в тех странах, где женщинам предоставлено по закону избирательное право, весь характер общественных отношений в этих капиталистических странах, уклад жизни, положение, которое занимает женщина в странах капитализма, мешают ей фактически осуществить избирательное право, потому что женщина в капиталистическом обществе прикована к семье, к дому, к ребенку, к кухне, к заботам о домашнем очаге и не может в силу этого воспользоваться правом, которое ей даже предоставляет в том или другом случае закон.

Только в нашей стране, где не только в самом законе закрепляются права за нашими гражданами, но где, что самое важное, наша Конституция обеспечивает фактическое пользование этими правами, обеспечивает это всем строем советской жизни, советскими общественными и государственными отношениями, только в нашей стране действительно нет никаких препятствий к тому, чтобы каждый гражданин мог осуществить принадлежащее ему избирательное право.

Значит, успех выборов в Стране Советов зависит только от одного условия — от нашей организованности и от нашей активности. Никаких препятствий к тому, чтобы осуществить действительно всеобщее избирательное право, провозглашенное нашей Сталинской Конституцией, в нашей стране нет.

В капиталистических странах всеобщее избирательное право хотя и провозглашается юридически, но фактически не проводится в жизнь. Избирательным законом в этих странах не может пользоваться громадная часть населения, благодаря характеру общественных отношений при капитализме, при котором все делается для того, чтобы отстранить широкие народные массы от участия в управлении государством, лишить их фактической возможности принимать участие в таком важнейшем деле, каким является государственное управление.

В самом деле, если обратиться к некоторым капиталистическим странам, даже наиболее «демократическим» из них, то можно увидеть, что в голосовании участвует очень незначительное количество граждан.

Так, по официальным данным капиталистической печати, значительно преувеличенным, в Англии, например, при выборах в парламент в 1935 г. в голосовании участвовало 32 млн. человек, что составило только 71,9% к числу всех избирателей, а победившая на выборах партия собрала только 53,6% всех тех голосов, какие были поданы в эту избирательную кампанию.

В Соединенных штатах Америки на президентских выборах в 1936 г. участвовало в голосовании немного более 83% причем за правящую партию было подано лишь около 60% голосов всех избирателей, участвовавших в выборах.

В Германии, Италии, Польше и Японии выборы вообще фальсифицируются, там фашисты просто ликвидировали всю выборную систему, подменив выборы прямым назначением угодных им кандидатов.

Если обратиться к трем странам, представляющим собой передовые, наиболее «демократические» в капиталистическом мире государства, — Англию, Соединенные штаты Америки и Францию, то и здесь можно видеть, во-первых, что число избирателей, имеющих право участвовать

¹ В Бельгии женщины пользуются избирательным правом лишь в виде исключения — матери, вдовы убитых во время войны и некоторые другие категории согласно ст. 2 закона от 9 мая 1919 г.

в голосовании, не превышает 80 проц. и, во-вторых, партии, оказавшаяся на этих выборах победительницей, не в состоянии собрать более 50—60 проц. голосов всех избирателей, участвующих в этих выборах.

Сравните с этими данными данные о числе голосов, полученных блоком коммунистов и беспартийных 12 декабря 1937 г., когда за блок коммунистов и беспартийных голосовало 91 113 153 избирателя, что составляет 96,8 проц. всех голосовавших.

Это действительно гигантский, совершенно невозможный в капиталистических странах успех, успех блока коммунистов и беспартийных, свидетельствующий о глубочайшем единстве советского народа, дружно и единодушно отдающего свои голоса за блок коммунистов и беспартийных, проводящего в Верховный Совет лучших людей своей страны, наиболее стойких и наиболее способных отстаивать интересы трудового народа, наиболее преданных и верных делу партии Ленина—Сталина, наиболее последовательных борцов за дело социализма, за коммунизм.

Ни в одной стране мира этого нет и быть не может, так как там самый строй хозяйственных и общественных отношений исключает возможность морального и политического единства народа. У нас же морально-политическое единство народа порождается самым фактом существования советской власти, фактом торжества пролетарской диктатуры и великих принципов пролетарской демократии, являющихся подлинной и единственной демократией во всем мире.

Вот почему перед нами сейчас, перед выборами в Верховные Советы республик, стоят задачи—обеспечить торжество нашего всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании, обеспечить волю нашего народа, которая должна выразиться в свободном и единодушном голосовании граждан за лучших людей нашей страны—будущих депутатов в Верховный Совет Российской Советской Федеративной Социалистической Республики.

Задача избирательного закона—«Положения о выборах в Верховный Совет РСФСР»—и заключается в том, чтобы обеспечить всем гражданам, каждому избирателю возможность свободно вывить свою волю, принять активное участие в выборах верховного законодательного органа нашей Российской Советской Федеративной Социалистической Республики.

Именно этому вопросу и посвящен наш избирательный закон. В нем изложен весь порядок проведения выборов, начиная от составления списков избирателей и кончая таким важным вопросом, как подсчет голосов и определение результатов голосования.

В предстоящих выборах одной из важнейших задач является правильное, исчерпывающее составление списков избирателей. Вот почему все, кто должен будет принять активное участие в избирательной кампании в Верховный Совет РСФСР, должны будут хорошо ознакомиться и усвоить в полном объеме те правила, которые содержатся в главе II «Положения о выборах в Верховный Совет РСФСР».

Правильно составленные списки избирателей—это одно из важнейших условий успеха всей избирательной кампании. По избирательному закону списки избирателей составляются не избирательными комиссиями, а городскими Советами депутатов трудящихся в городах, в сель-

ских местностях—Советами депутатов трудящихся сел, деревень, аулов, хуторов и т. д. Тем не менее, председатели избирательных комиссий и окружных, и участковых, и все члены избирательных комиссий не могут быть безучастными к тому, как будут составляться и как будут составлены списки избирателей, потому что списки избирателей являются одним из важнейших, а бы сказал, самым важным, решающим условием в успешном осуществлении тех задач, которые перед нами стоят в день самих выборов в Верховный Совет РСФСР.

Если мы допустим, что списки избирателей не охватят всех избирателей, что эти списки будут составлены с пробелами, количество избирателей, которое могло бы принять участие в выборах, может оказаться меньше, чем должно было бы быть, не говоря уже о том, что избиратели будут вполне правы, предъявляя претензии за плохо составленные списки избирателей. Это может сказаться и на итогах выборов совершенно недопустимым образом.

Поэтому составление списков избирателей является важнейшей решающей задачей в процессе подготовительной кампании по выборам.

Закон совершенно точно определяет, кто должен и кто не должен вноситься в списки избирателей.

Закон обязывает вносить в список избирателей всех тех, кто имеет право избирать, закон обязывает не вносить тех, кто по закону не имеет избирательных прав. Следовательно, вопрос о том, вносить ли в избирательный список или не вносить данного избирателя—решается не по усмотрению Совета или должностного лица Совета, которому будет поручено составление списков.

Поэтому в избирательный список должны быть включены все без исключения, без малейшего, без единого исключения, избиратели, имеющие избирательные права.

Закон прямо говорит, что в списки избирателей включаются все граждане, имеющие избирательные права. Следовательно, Советы должны включать в списки избирателей—это совершенно категорическое требование закона—всех граждан, проживающих к моменту составления списков на территории данного Совета, если только эти граждане достигли 18 лет—первое условие; если они не лишены избирательных прав по суду—второе условие, и если они не являются умалишенными—третье условие.

Статья 9 избирательного закона говорит:

«Не вносятся в списки избирателей лица, лишенные избирательных прав по судебным приговорам в течение всего установленного в приговоре срока лишения избирательных прав, а также лица, признанные в установленном законом порядке умалишенными».

Это очень важное правило, которое ограничивает деятельность Советов по исключению из избирательных списков или по внесению в избирательные списки того или иного гражданина.

Остановилось на категории людей, лишенных избирательных прав по суду. Лишенные избирательных прав по суду—это те лица, которые получили какое-либо наказание, безразлично какое, связанное с лишением избирательных прав. Суд может, рассмотрев дело о преступлении, совершенном каким-нибудь гражданином, вынести приговор о том или ином наказании подсудимому. Такой приговор еще не дает права лишать

гражданина избирательных прав. Для лишения избирательных прав по суду требуется, чтобы в приговоре было точно и определенно записано: «лишить такого-то гражданина избирательных прав на такой-то срок».

Если в приговоре не будет сказано: «лишить такого-то гражданина избирательных прав на такой-то срок», а будет сказано только об одном наказании, например, объявить ему выговор, или запретить ему заниматься своей профессией, или лишить его свободы и т. д., но не будет ничего сказано о лишении осужденного избирательных прав,—такой приговор не дает оснований для невключения такого гражданина в списки избирателей. Срок лишения избирательных прав по суду может быть не больше 5 лет.

Поэтому неправы те, которые, читая эту статью, думают, что если есть судебный приговор, значит человек лишен избирательных прав. Нет. Надо иметь в виду, что Конституция говорит об осужденных с лишением избирательных прав, то есть таких осужденных, у которых в приговоре, кроме основного наказания — например лишения свободы,—написано: «и лишить избирательных прав на такой-то срок».

Что касается умалишенных, то здесь закон требует очень большой осторожности. Закон говорит: «Лицо, признанное в установленном законом порядке умалишенным». Значит, нужно знать, какой же порядок установлен законом.

Есть специальное постановление Президиума ЦИК Союза ССР, согласно которому «невнесение в списки избирателей отдельных граждан как умалишенных или исключение их из списков избирателей в силу статьи 9 «Положения» может иметь место лишь на основании следующих документов: определения или приговора суда, основанных на соответствующих актах судебно-психиатрической экспертизы, или списков, представленных областными (краевыми) или городскими отделами здравоохранения на лиц, находящихся на лечении в психиатрических больницах и колониях».

Списки лиц, признанных умалишенными, направляются соответствующими отделами здравоохранения Советам, составляющим списки избирателей, по принадлежности.

Во всех остальных случаях невнесение в списки избирателей отдельных граждан как умалишенных может иметь место не иначе, как на основании акта освидетельствования этих лиц врачебными комиссиями, назначаемыми областными (краевыми) или городскими отделами здравоохранения по предложению Советов, составляющих списки избирателей и в соответствии со ст. 7 «Положения».

Надо сказать, что хотя списки избирателей составляют Советы, но это дело кровно затрагивает интересы нашей избирательной кампании, всех избирателей, всего нашего государства, и поэтому совершенно понятно и естественно, что к этой работе по составлению списков избирателей Советы не могут не привлечь весь наш актив, и в том числе и в первую очередь членов избирательных комиссий, представителей различных общественных организаций, доверенных и полномочных обществ трудящихся, людей, которые должны помочь Советам избежать всех тех ошибок, которые могут отрицательным образом сказаться в день выборов на итогах голосования.

Ст. 10 избирательного закона также очень важна. Она говорит о том, как составлять списки избирателей. Закон прямо указывает, что, во-первых, списки избирателей нужно составлять в алфавитном порядке. Во-вторых, в списке избирателей должны быть указаны: имя, фамилия, отчество, возраст и местожительство избирателей.

Надо сказать, что в прошлые выборы в Верховный Совет Союза ССР 12 декабря имели место факты, когда в целом ряде районов с этим требованием союзного избирательного закона, с которым совпадает и избирательный закон РСФСР, не всегда считались. В частности, допускали небрежное составление списков, заключающееся в том, что если фамилию указывали правильно, хотя тоже не всегда (например, вместо фамилии Кузнецов писали Кузмин), то имя и отчество переписывали самым безбожным образом. Вместо Петрович писали Павлович, вместо Павлович — Петрович и т. д. А некоторые для того, очевидно, чтобы не впасть в ошибку, вообще предпочитали не вносить в списки избирателей ни имени, ни отчества избирателя. Между тем, если в списке будет указана только фамилия без имени и отчества, это поставит участковую избирательную комиссию в совершенно невозможное положение в момент выборов.

В Москве несколько десятков тысяч Ивановых, из них только Иванов Иванович, говорят, чуть ли не 15 тысяч, следовательно, тут даже имя, отчество и фамилия, правильно записанные, не помогут установить, тот это или не тот избиратель. Еще нужен какой-то добавочный признак. Это — местожительство, адрес избирателя. Но если не будет ни отчества, ни фамилии, не будет установлен его возраст и местожительство, то даже при менее распространенной фамилии, чем Иванов, нельзя будет проверить, тот ли не тот это человек, который значится в избирательном списке, пришел со своим избирательным бюллетенем и требует, чтобы его допустили к голосованию.

Еще хуже, когда вместо имени и отчества поставят только начальные буквы, например, Петров К. К. А что это значит? — Кирилл Константинович, Константин Кириллович или Константин Константинович? — нельзя разобрать потому, что по одним инициалам полного представления об избирателе составить нельзя.

Некоторые думают, что это пустые формальности. Нет, это имеет большое значение. Опыт выборов в Верховный Совет Союза 12 декабря 1937 г. показал, что очень часто бывает путаница именно с именами и отчествами, когда приходится терять время на выяснение всяких осложнений и недоразумений, основная причина которых заключается в небрежном составлении списков избирателей.

Поэтому к спискам избирателей должно быть проявлено основное и максимальное внимание. Нужно добиться того, чтобы списки избирателей были составлены безукоризненно с точки зрения безошибочности указания фамилий, имен, отчества, возраста, местожительства избирателей.

При небрежном составлении списков избирателей может случиться, что данные списков избирателей не совпадут с данными паспорта или удостоверения личности. А известно, что по избирательному закону каждый избиратель должен будет предъявить удостоверение личности перед тем, как он получит избирательный бюллетень

для его заполнения. Если в списке избирателей значится одно общество, а в паспорте или в удостоверении личности избирателя значится другое, то трудно сразу что-либо решить. Избирательная комиссия будет поставлена в весьма затруднительное положение, а это несомненно может сказаться на организованности проведения выборов и на количестве голосовавших избирателей.

Поэтому необходимо обратить особое внимание на составление списков избирателей.

Списки избирателей составляются очень просто, по форме, с которой можно ознакомиться по брошюре, выпущенной Юридическим издательством НКЮ СССР «Положение о выборах в Верховный Совет РСФСР с приложением форм и документов, установленных Центральной избирательной комиссией и необходимыми пояснениями».

Следовательно, членам участковых и окружных избирательных комиссий, особенно их председателям и секретарям, очень легко ознакомиться с этими формами и затем уже проверять, насколько крепко соблюдается закон, насколько удовлетворительно с точки зрения требований избирательного закона составлены избирательные списки.

Наша задача — облегчить избирателям возможность участия в выборах. Для этого нужно раньше всего обеспечить занесение в избирательные списки решительно всех избирателей.

Наш закон, стремясь к тому, чтобы охватить выборами 100 проц. избирателей, построен, в отличие от избирательных законов капиталистических стран, — таким образом, чтобы облегчить для каждого избирателя, для каждого гражданина нашей страны возможность фактически воспользоваться своим избирательным правом.

В самом деле, в капиталистических странах избирательные законы строятся таким образом, чтобы затруднить трудящимся пользование избирательным правом.

В этих целях выборы там назначают в рабочие дни, когда на выборы не могут прийти трудящиеся, а нетрудящиеся — всевозможные паразиты, бездельники, тунеядцы, словом, те, кто ничем не занят, все эти лорды, мистеры, мистриссы и т. д., — могут прийти на выборы и в не праздничный день. Трудящимся наоборот легче и удобнее всего прийти на выборы в праздничный день, в выходной день, потому что это для них не связано с уходом с работы и потерей заработка.

Почему это делается? Это делается по одной очень простой причине — буржуазия боится миллионов масс рабочих и крестьян, которые могут голосовать, если будут участвовать в выборах, против буржуазных кандидатов, и поэтому старается искусственным образом устранить трудящихся от выборов.

Не так обстоит дело в нашей стране. Мы знаем, что день выборов, назначенный на 26 июня, не совпал с выходным днем, и, ввиду этого, специальным постановлением правительства выходной день с 24 июня был перенесен на 26 июня.

Это лучше всего доказывает особенность нашего закона, который направлен на то, чтобы обеспечить широчайшим массам трудящихся избирателям возможность фактически осуществить принадлежащее им избирательное право.

Больше того, сам характер, сама система и сам способ организации и масштабы избирательных участков, как они предусмотрены нашим избирательным законом, подчинены также этой задаче. Для того, чтобы максимальное количество избирателей могло принять участие в выборах, избирательные участки также могут быть созданы при больницах, при родильных домах, при санаториях, при различных лечебных учреждениях и пр.

Это дает очень большой эффект потому, что ни один голос тех, кто находится в больницах, санаториях, в родильных домах, таким образом, не пропадет.

Это в свою очередь свидетельствует о том, как велика забота нашей партии и правительства о привлечении всего нашего населения к участию в управлении государством.

Избирательный закон предоставляет право каждому гражданину подать заявление об ошибках, допущенных в избирательных списках. Это право предоставляется не только тому, кто заинтересован в исправлении этих ошибок, но любому гражданину. Любой гражданин нашей страны, обнаружив ошибку в избирательном списке (неправильно не внесен тот или иной гражданин в список, или внесен тот, кто не должен быть внесен), может подать заявление в местный Совет об исправлении этой ошибки.

Местный Совет обязан в трехдневный срок рассмотреть это заявление и вынести свое решение. Если заявитель не согласен с решением Совета, то он вправе обжаловать это решение в народный суд, который в трехдневный срок должен рассмотреть постановление Совета. Решение народного суда является окончательным.

Вторая глава, посвященная составлению списков избирателей, является важнейшей главой нашего избирательного закона, и для того, чтобы принять активное участие в избирательной работе, нужно хорошо изучить эту главу.

Не менее важно изучить и все остальные главы избирательного закона, в том числе главу, которая посвящена организации избирательных участков.

Для приема избирательных бюллетеней и подсчета голосов территория городов и районов, входящих в округ по выборам в Верховный Совет РСФСР, делится на избирательные участки.

Возникает вопрос, как же образуются избирательные участки? И на этот вопрос избирательный закон дает четкий ответ.

Согласно ст. 26, образование избирательных участков производится в городах — городских Советами депутатов трудящихся; в городах с районным делением — районными Советами депутатов трудящихся; в сельских местностях — районными Советами депутатов трудящихся.

Образование избирательных участков должно быть закончено не позже, чем за 45 дней до выборов. Следовательно, если избирательные участки будут образованы позже этого срока, то это будет являться прямым нарушением избирательного закона.

Ряд статей устанавливает, какое количество населения на данной территории дает основание для образования избирательного участка.

В городах, рабочих поселках, а также селах и на территории сельсоветов, насчитывающих более 2 тысяч населения, образуются избирательные участки из расчета один избирательный

участок на 1 500—2 500 человек населения (ст. 30 «Положения»).

В сельских советах территория, насчитывающая не более 2 000 населения, составляет, как правило, один избирательный участок.

В каждой деревне, насчитывающей от 500 жителей, но не более 2 000 жителей, может быть организован отдельный избирательный участок.

Степень активности участия избирателей в избирательной кампании очень сильно зависит от того, далеко или близко живет он от избирательного участка. Ст. 28 избирательного закона устанавливает, что в селениях, где меньше 500 жителей, но не меньше 300 жителей, когда расстояние таких селений до центра избирательного участка превышает 10 километров, может быть образован самостоятельный избирательный участок.

Это тоже лишний раз доказывает, какая громадная забота проявлена партией и правительством при составлении избирательного закона. Отдельные статьи этого закона направлены на то, чтобы наши избиратели поменьше тратили сил и времени для осуществления своего избирательного права.

Чтобы дать возможность гражданам осуществить это право наиболее полно, в отдаленных северных и восточных районах, где преобладают мелкие поселения, допускается организация избирательных участков с количеством не менее 100 человек населения.

Для национальных округов Севера, также для горных и кочевых районов допускается с разрешения Президиума Верховного Совета РСФСР организация избирательных участков с населением менее 100 человек, однако, не менее 50 человек (ст. 29).

Для избирателей других союзных и автономных республик, находящихся в кочевье на территории РСФСР, могут быть образованы с разрешения президиумов соответствующих ЦИК союзных и автономных республик избирательные участки, входящие в избирательные округа союзной и автономной республики, с количеством не менее 25 избирателей.

Для того, чтобы каждый гражданин, который будет участвовать в выборах, не стеснял себя, не отказался бы, например, от поездки на отдых, в отпуск и т. п., установлено, что участвовать в голосовании смогут даже граждане, находящиеся в день выборов на пароходах и на железных дорогах.

Постановлением Президиума ВЦИК от 13 мая 1938 г. разрешено образование избирательных участков на судах и пароходах морского и речного флота, находящихся в плавании в день выборов в Верховный Совет РСФСР, при наличии не менее 15 избирателей, с организацией на них участковых избирательных комиссий в составе трех человек — председателя, секретаря и члена комиссии.

На судах и пароходах с количеством избирателей менее 15 человек производится прием избирательных бюллетеней путем объезда этих судов членами или представителями участковых избирательных комиссий в день выборов.

Разрешено также местным советам и исполкомам организовать на всех пристанях избирательные участки и утвердить состав избирательных комиссий в соответствии со ст.ст. 41 и 42 «Положения о выборах в Верховный Совет РСФСР».

Таким образом, можно сказать, что все условия к тому, чтобы поголовно все избиратели приняли участие в выборах 26 июня, у нас обеспечены. Все зависит от нашей организованности и активности.

Вопрос, который касается и интересует может быть уже сейчас многих: как будут голосовать дачники, живущие на даче на расстоянии 10—20—50 км. от города? Здесь тоже никаких технических трудностей нет. Этот вопрос разрешается в полном соответствии с избирательным законом: для того, чтобы в полном объеме охранить интересы наших граждан, охранить их избирательное право, для того, чтобы дачнику не пришлось ехать в город на выборы, — ему достаточно будет, уезжая на дачу, после того как будут составлены избирательные списки, записаться в Совете «удостоверением на право голосования»; по этому «удостоверению на право голосования» он сможет беспрепятственно участвовать в голосовании там, где он будет в день выборов.

В голосовании могут участвовать также избиратели, получившие «удостоверение на право голосования» на выборах в Верховные Советы других союзных и автономных республик в случае их переезда на территорию РСФСР. Равным образом и граждане РСФСР, получив «удостоверение на право голосования», смогут принять участие на выборах в других союзных и автономных республиках.

Необходимо остановиться на вопросе, который больше всего будет интересоваться и касаться участковых избирательных комиссий. Это вопрос о порядке голосования.

Выборы в Верховный Совет РСФСР будут производиться так же, как производились выборы в Верховный Совет Союза ССР, — в течение одного общего для всей нашей республики дня. День выборов назначен, как известно, на 26 июня.

В связи с приближением выборов, на участковые комиссии возлагаются известные обязательства. Следует запомнить статью 64 избирательного закона, которая обязывает участковые избирательные комиссии ежедневно в течение 20 дней перед выборами опубликовывать или оповещать избирателей о дне и месте выборов.

Участковые избирательные комиссии, начиная с 6 июня, должны ежедневно широко оповещать избирателей о дне и месте выборов.

Нужно сказать, что некоторые участковые комиссии к этому требованию на прошлых выборах отнеслись очень невнимательно.

Между тем, ст. 64 избирательного закона — это не формальная обязанность участковой избирательной комиссии; следует учесть, что некоторые избиратели могут забыть адрес избирательного участка, перепутать день выборов. И вот для избежания путаницы каждая избирательная комиссия обязана напомнить своим избирателям, что день выборов — 26 июня. Для этого нужно использовать все возможные средства — от личного оповещения избирателей до радио включительно. Здесь каждый избиратель должен быть на счету. Каждый голос имеет очень большое значение.

В день выборов обязанности участковых избирательных комиссий определяются ст. ст. 62—75 «Положения о выборах в Верховный Совет РСФСР».

Необходимо остановиться по крайней мере на некоторых из них.

Как будут избирать неграмотные? Ст. 72 «Положения» разрешает этот вопрос так: «Избиратели, не имеющие возможности в силу неграмотности или какого-нибудь физического недостатка самостоятельно заполнить избирательный бюллетень, вправе пригласить в комнату, где заполняются избирательные бюллетени, любого другого избирателя для заполнения избирательного бюллетеня».

В законе сказано: «избирателя». Следовательно, не могут быть приглашены для этой цели дети, хотя и грамотные; не могут быть приглашены лица, лишенные избирательных прав.

Второй вопрос. Где допускается и не допускается в день выборов выборная агитация?

В законе прямо говорится: выборная агитация не допускается в избирательном помещении во время подачи голосов.

Тут возникает вопрос — что такое избирательное помещение? Представим себе, что избирательный участок будет организован в здании Моссовета. Ему будет отведено несколько комнат. Ну, а соседние комнаты, а коридоры, а залы, прилегающие к этим комнатам, принадлежат к избирательному помещению? Во время прошлых выборов многие мудрили над этим вопросом, но решать его нужно просто. Избирательным помещением нужно считать то помещение, в котором производятся выборы, где находится избирательная комиссия, где выдаются бюллетени, где стоят избирательные ящики, где устроены кабинки, а коридоры и т. п. — это уже не избирательное помещение. Поэтому там агитация допускается.

Особая обязанность лежит на участковых избирательных комиссиях по определению результатов выборов, чему посвящена глава VIII избирательного закона. Эта глава, говорящая об определении результатов выборов, имеет большое значение и с точки зрения принципиальной. В ст. 76 этой главы устанавливается, что при подсчете участковой избирательной комиссией голосов имеют право присутствовать специально на то уполномоченные представители общественных организаций и обществ трудящихся, а также представители печати.

Что должна сделать участковая избирательная комиссия? Она должна раньше всего вскрыть ящики и подсчитать число поданных конвертов, сравнить его с числом участвующих в голосовании, и результаты записать в протокол. Вообще все действия по выборам участковая избирательная комиссия обязана вносить в протокол, составляемый по установленной форме.

Участковая избирательная комиссия вскрывает ящики и проверяет число конвертов и число лиц, которые участвовали в голосовании по спискам, имеющимся в участковой избирательной комиссии. Нужно очень тщательно делать отметки в списках избирателей. На первый взгляд кажется, что это очень простая работа. А между тем, неправильные отметки в списках избирателей могут вызвать путаницу и ошибки при подсчете. Может по спискам оказаться, что голосовавших меньше, чем подано бюллетеней, или конвертов в урне меньше, чем должно быть, и т. д. Это очень важная операция. Поэтому на нее нужно обратить особое внимание.

Участковая избирательная комиссия перед вскрытием избирательных ящиков все неисполь-

зованные конверты и бюллетени должна опечатать печатью комиссии, чтобы не спутать их с конвертами, вынутыми из ящиков.

Участковая избирательная комиссия должна установить количество избирателей, внесенных в списки, сколько избирателей выбыло, сколько осталось, сколько явилось голосовать по «удостоверенным на право голосования», и результаты этого подсчета аккуратно занести в протокол. Правильность всех этих записей имеет громадное значение, иначе могут быть поводы к признанию выборов незаконными или несостоявшимися.

Огромное значение приобретает вопрос о том, какие бюллетени должны считаться действительными и какие недействительными.

Статья 80 избирательного закона РСФСР на этот вопрос отвечает: «Признаются недействительными бюллетени: а) неустановленного образца и цвета; б) поданные без конверта или в конверте неустановленного образца; в) с количеством кандидатов, превышающим число избираемых депутатов».

Особо надо сказать о количестве кандидатов, которое превышает число избираемых депутатов. Мы голосуем обычно за одного кандидата в округе, и это понятно, потому что факт политического единства наших избирателей, естественно, своим последствием имеет то, что все сговариваются на одном кандидате.

В стране, где так блестяще демонстрируется политическое единство, естественно, что по каждому избирательному округу может идти лишь один кандидат.

Но может быть, конечно, и несколько кандидатов.

Допустим, что будут фигурировать два кандидата, а в бюллетене оказывается вписанным третий кандидат. Такой бюллетень с тремя кандидатами, когда избирательной комиссией было утверждено только два кандидата, будет, конечно, недействительным, потому что по нашему избирательному закону никто не имеет права выставлять в одиночном порядке кандидатов в Верховный Совет. Кандидатов в Верховный Совет могут выставлять лишь общественные организации и общества трудящихся, как это сказано в избирательном законе. Если будет зарегистрирован один кандидат и кто-нибудь припишет другую фамилию во время выборов, ясно, что такой бюллетень будет недействителен.

У нас есть специальное разъяснение Центральной избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет Союза ССР, и им нужно будет руководствоваться и при выборах в Верховный Совет РСФСР, а именно: зачеркнутые в бюллетене фамилии считаются особо и особо отмечается в протоколе, что решением участковой избирательной комиссии признаны недействительными столько-то бюллетеней неустановленного образца и цвета, столько-то бюллетеней, поданных без конвертов, столько-то с количеством кандидатов, превышающим установленное количество, — и, наконец, особо отмечается количество бюллетеней, в которых все фамилии кандидатов оказались зачеркнутыми.

В протоколе участковой избирательной комиссии выделена специальная рубрика, в которой должно быть указано в надлежащих случаях, что решением участковой избирательной комиссии установлено, скажем, 25 бюллетеней, в которых вычеркнуты фамилии всех кандидатов.

Но это обстоятельство для подсчета голосов не имеет значения.

Если обратиться к данным по выборам в Верховный Совет Союза ССР — 12 декабря 1937 г., то можно увидеть следующее:

Количество избирателей по выборам в Верховный Совет Союза ССР 12 декабря 1937 г. окончательно определено было — 94.138.159 человек; приняло участие в голосовании 91.113.153 человека. За кандидатов блока коммунистов и беспартийных во всех участковых избирательных комиссиях при выборах в Верховный Совет Союза ССР голосовало 89.844.271 человек. Бюллетеней, признанных недействительными, как сообщалось Центральной избирательной комиссией на основании ст. 90 «Положения о выборах в Верховный Совет Союза ССР» (по «Положению о выборах в Верховный Совет РСФСР» это будет ст. 80), было 638.808; бюллетеней, в которых были зачеркнуты кандидаты, было 632 тыс. Следовательно, на 89.800 тыс. с лишним голосов, поданных за блок, оказалось недействительных бюллетеней и бюллетеней, в которых фамилии были зачеркнуты, только 1.300 тыс.

Это, конечно, ничтожный процент и он решающего значения не имеет.

Обязанности окружных избирательных комиссий и обязанности участковых избирательных комиссий очень сложны и ответственны.

Достаточно напомнить статью 83 «Положения о выборах в Верховный Совет РСФСР», согласно которой на комиссию возлагается обязанность составить протокол, в котором отмечается не только время и окончание голосования, но и число подавших бюллетени отдельно по списку, по «удостоверениям на право голосования», число поданных конвертов, затем кратко изложить поступившие жалобы и заявления и, наконец, произвести самый подсчет бюллетеней и результат подсчета голосования по каждому кандидату записать в протокол.

Это очень важно потому, что протокол будет послан в Окружную избирательную комиссию; по сами бюллетени, по которым был произведен подсчет, никуда из участковой комиссии посылаться не будут. В Окружную избирательную комиссию пойдет только второй экземпляр протокола участковой избирательной комиссии, и Окружная избирательная комиссия, которая будет сводить все результаты выборов по отдельным избирательным участкам воедино, будет руководствоваться только протоколами участковых избирательных комиссий. Она не будет иметь возможности проверить самые бюллетени, она будет целиком опираться на доверие к тому,

что будет записано в протоколе участковой избирательной комиссии. Протоколы голосования участковой избирательной комиссии — это важнейший основной документ, по которому будет определяться результат выборов.

Закон имеет в виду два случая, когда выборы аннулируются и назначаются либо перевыборы, либо новые выборы.

Статья 96 избирательного закона говорит о перевыборах в том случае, если ни один из кандидатов не получил абсолютного большинства голосов. В таком случае два кандидата, получившие большинство голосов, должны перебаллотироваться.

Ст. 97 «Положения» гласит, что если поданное количество голосов по округу меньше половины избирателей по этому округу, то в этом случае Окружная избирательная комиссия отмечает это в протоколе особо и сообщает об этом немедленно в Центральную избирательную комиссию, причем Центральная избирательная комиссия должна назначить новые выборы не позже, чем в 2-недельный срок после первых выборов.

Отсюда ясно, что каждый кандидат может считаться выбранным, если он получит абсолютное большинство голосов, то есть получит число голосов больше половины всех голосов, но при одном условии, — если осуществляет голосование не меньше половины всех избирателей этого округа, а если он получит больше половины голосов, но менее половины всех избирателей, которые могли или имели право участвовать в выборах, — то выборы считаются не состоявшимися и через две недели должны быть назначены новые выборы.

Такой факт, если он будет иметь место, явится доказательством того, что плохо подготовились к выборам наши Советы, наши участковые и окружные избирательные комиссии и наши общественные организации. Такого случая быть не может, такого случая не было, такого случая, надо надеяться, не будет.

Надо все силы приложить к тому, чтобы предстоящие выборы прошли еще более организованно, чем выборы в Верховный Совет Союза ССР, давшие блестящую победу блоку коммунистов и беспартийных, чтобы эти выборы еще раз показали, что советский народ умеет единодушно голосовать избирательным бюллетенем и что он будет также единодушно, если понадобится, голосовать оружием против любого, кто посягнет на нашу страну, на наше новое, социалистическое общество, построенное нашим героическим народом под руководством великой партии Ленина — Сталина.

За большевистскую перестройку работы органов прокуратуры¹

Настоящее совещание судебно-прокурорских работников Тамбовской области, созданное по инициативе руководящих органов Тамбовской области, имеет совершенно особое значение.

Это совещание создано после того, как работа органов юстиции Тамбовской области подверглась суровой, но вполне справедливой критике секретаря центрального комитета ВКП(б) т. Андреева А. А., ознакомившегося с работой органов прокуратуры Тамбовской области во время своего пребывания в Тамбове. Тов. Андреев вскрыл грубейшие ошибки и серьезнейшие недостатки в работе прокурорских и судебных органов Тамбовской области, и в результате руководство Прокуратуры Союза получило ряд конкретных и совершенно четких указаний, имеющих, конечно, исключительное значение для всей прокурорской системы о том, как перестроить работу прокурорской системы, как быстрее ликвидировать провалы в работе органов юстиции, в частности прокуратуры Тамбовской области.

Это совещание собралось после того, когда и 1-я Тамбовская областная партийная конференция отметила ряд грубейших ошибок и политических извращений в работе органов юстиции Тамбовской области и наметила целый ряд конкретных мероприятий по оздоровлению судебно-прокурорского аппарата области.

Казалось, что доклады заместителя прокурора области т. Терещенко и заместителя председателя областного суда т. Клевера «О мерах по перестройке работы, в связи с ликвидацией последствий подрывной деятельности врагов народа, провавшихся в аппарат юстиции Тамбовской области», должны были исходить из указаний т. Андреева и областной партийной конференции.

Между тем, как это ни странно, но оба докладчика совершенно не упомянули ни об указаниях т. Андреева, ни о решениях областной партийной конференции. Полное отсутствие самокритики, поверхностный анализ состояния работы аппарата, абсолютное непонимание острой положения, — вот что характеризует доклады и т. Терещенко и т. Клевера. Благодушием, обломовщиной и самоуспокоенностью были пронизаны оба доклада.

К сожалению, и многие районные прокуроры, выступавшие в прениях, заразились этим благодушием и самоуспокоенностью. Выступавшие товарищи, хотя и указывали на отсутствие в докладах самокритики, политической заостренности, но при этом сами забыли о самокритике по отношению к себе и своей работе, сами забыли, что и т. Андреев и областная партийная конференция, подвергнув резкой критике работу органов юстиции Тамбовской области, тем самым говорили об ошибках не только областного аппарата органов юстиции, но и каждого районного прокурора и каждого народного судьи.

Надо сказать, что ошибки, допущенные работ-

никами прокуратуры Тамбовской области, являются серьезнейшими ошибками и Прокуратуры РСФСР, которая до сих пор не перестроила своей работы по руководству периферией таким образом, чтобы во-время обнаруживать ошибки своей периферии.

Разумеется, это относится также и к Прокуратуре СССР, которая сделала для себя все необходимые выводы из вскрытых ошибок по руководству периферией. Я с полной ответственностью могу заявить, что мы перестроим свою работу таким образом, чтобы исключить возможность повторения таких ошибок в будущем.

Отсутствие самокритики привело даже к тому, что кое-кто из выступавших здесь районных прокуроров и народных судей, которые обязаны были говорить о своих ошибках, сетовали на то, что их здесь не хвалят. Это не большевистская постановка вопроса. На этом совещании надо на основе указаний ЦК партии, т. Андреева и областной партийной конференции по-настоящему разрешить задачу быстрой ликвидации последствий вредительской деятельности врагов народа из троцкистско-правого подполья, провавшихся в ряды прокурорских и судебных работников, перестроить и по-новому организовать работу прокуратуры и народного суда, чтобы поднять ее на такой высокий уровень, который соответствовал бы исключительным по своей ответственности требованиям, предъявляемым каждому прокурорскому и судебному работнику великой Сталинской Конституцией, нашей Сталинской эпохой и последними решениями ЦК нашей партии.

Задача настоящего совещания заключается в том, чтобы мобилизовать работников прокуратуры и суда для разрешения важнейших политических мероприятий, стоящих на повестке дня (выборы в Верховный Совет РСФСР, весенняя посевная кампания и т. д.), и наметить правильную организацию нашей работы.

Каждый прокурорский работник должен помнить, что враги попытаются использовать и предстоящие выборы и весеннюю посевную кампанию для своей подрывной, враждебной деятельности. И совершенно понятно, что каждый прокурорский работник, каждый судья должен быть по-настоящему готов к тому, чтобы нанести сокрушительный удар всем, кто попытается сорвать или дезорганизовать выборы в Верховный Совет РСФСР и весеннюю посевную кампанию. Уже на сегодня мы имеем ряд фактов активизации классового врага в этой области. И если спросить, ставил ли кто-либо из работников прокуратуры Тамбовской области перед собой вопрос, как он должен участвовать как прокурор в выборах в Верховный Совет РСФСР, как он должен участвовать как прокурор в весенней посевной кампании, на что он должен мобилизовать свой аппарат, где у него в районе особенно может быть неблагополучно, где особенно может активизироваться враг, — то я уверен, что вы по-честному скажете, что такого вопроса перед собой не ставили. Видно, районные прокуроры Тамбовской области строят еще свою

¹ Обработанная стенограмма выступления на областном совещании работников суда и прокуратуры Тамбовской области 5—6 апреля 1938 г.

работу по-чиновничьи — придет циркуляр из вышестоящей прокуратуры, ну, тогда зашевелимся. Это в корне неправильная организация работы. Райпрокурор — ответственный политический работник, он сам должен уметь политически мыслить, политически продумывать и практически решать стоящие перед ним задачи. Областной прокурор, прокурор РСФСР и Прокуратура СССР, конечно, должны глубоко и оперативно помогать вам правильно решать стоящие перед вами задачи, но если вы будете только ждать толчков сверху, — работа не пойдет, работа всегда будет в прорыве.

Особенность этого совещания заключается также в том, что оно собралось после судебного процесса над антисоветским «право-троцкистским блоком», после того судебного процесса, который подвел итоги 20-летней борьбы предателей и изменников из троцкистско-правого подполья и их соучастников из буржуазно-националистического, меньшевистского и эсеровского подполья — против великой пролетарской социалистической революции, против ленинизма, против великого дела Ленина — Сталина, после процесса, который подвел последние итоги преступной деятельности 21 фашистского негодая, покрыв их имена вечным и несмываемым позором, который перед всем миром ярчайшим проектором осветил разбойничью деятельность бандитов — убийц, злейших врагов трудящихся всего мира, злейших врагов всего прогрессивного человечества — Троцкого, Вухарина, Рыкова, Ягоды и других; после процесса, который до конца разоблачил политическое лицо право-троцкистских бандитов, закончивших свой позорный путь теснейшим содружеством с фашистскими разведками, убийством из-за угла в декабре 1934 г. одного из лучших людей нашей эпохи, пламенного трибуна пролетарской революции Сергея Мироновича Кирова, убийствами в последующие годы лучших людей нашей страны товарищей Куйбышева и Менжинского и великого пролетарского писателя Алексея Максимовича Горького, после того судебного процесса, который вскрыл подготовку, с хладнокровием профессиональных убийц, — террористических актов против вождей нашей страны, в частности, против славного руководителя советской разведки, Сталинского наркома внутренних дел СССР т. Ежова; после того процесса, который со всей беспощадностью вскрыл истинное лицо право-троцкистских поджигателей войны, готовых пойти во имя восстановления власти помещиков и фабрикантов на любое соглашение с фашистскими аггессорами, на любое злодеяние, готовых залить нашу социалистическую родину драгоценной кровью великих, свободных, счастливых народов многонационального Советского Союза.

Еще в 1933 г. товарищ Сталин предупреждал: «Надо иметь в виду, что рост мощи советского государства будет усиливать сопротивление последних остатков умирающих классов. Именно потому, что они умирают и доживают последние дни, они будут переходить от одних форм наскоков к другим, более резким формам наскоков, апеллируя к отсталым слоям населения и мобилизуя их против Советской власти. Нет такой шакасти и клеветы, которую бы эти бывшие люди не возвели на Советскую власть и вокруг которых не попытались бы мобилизовать отсталые элементы. На этой почве могут ожить и зашевелиться разбитые группы старых контр-ре-

волюционных партий эс-эров, меньшевиков, буржуазных националистов центра и окраин, могут ожить и зашевелиться осколки контр-революционных оппозиционных элементов из троцкистов и правых уклонистов»¹.

Прошедшие судебные процессы — процесс над убийцами С. М. Кирова — Николаевым, Каталиновым и другими; процесс троцкистско-зиновьевского террористического центра; процесс антисоветского троцкистского параллельного центра; процесс кемеровских троцкистских убийц и бандитов; процесс изменников и предателей Тухачевского, Уборевича и других, наконец, процесс антисоветского «право-троцкистского блока» полностью доказали абсолютную правоту товарища Сталина.

Для нас, прокурорских работников, которым партия и правительство поручили борьбу с врагами народа, борьбу за социалистическую законность и организацию борьбы с общей преступностью — все эти процессы, помимо их огромного общеполитического значения, должны иметь еще и специальное значение.

Каждый прокурорский и судебный работник из этих процессов должен извлечь все уроки для своей повседневной практической работы.

Каждый прокурорский и судебный работник должен со всей отчетливостью понять и осознать историческое указание товарища Сталина, данное им в марте 1937 г. на пленуме ЦК ВКП(б). Товарищ Сталин сказал: «Не ясно ли, что пока существует капиталистическое окружение, будут существовать у нас вредители, шпионы, диверсанты и убийцы, засылаемые в наши тылы агентами иностранных государств»².

Наличие капиталистического окружения не позволяет нам ни на минуту забыть о необходимости максимальной революционной бдительности. Последний процесс «антисоветского право-троцкистского блока» показал, что германская, японская и польская фашистские разведки, как и вообще любая иностранная разведка, нашли себе верную и на все готовую агентуру в лице право-троцкистских бандитов, предателей социалистической родины и их сообщников из буржуазно-националистического меньшевистского и эсеровского смрадного подполья.

Процесс «антисоветского право-троцкистского блока», как и ранее прошедшие процессы над право-троцкистскими бандитами, показал нам те каналы, по которым иностранные разведки проникают в СССР. И совершенно понятно, что каждый прокурорский и судебный работник обязан сделать из этих процессов все необходимые выводы, чтобы практически решить задачу полной ликвидации последствий подрывной деятельности врагов народа из право-троцкистского подполья, пролезших и в наш аппарат юстиции.

Каждый прокурорский и судебный работник, извлекая уроки из прошедших процессов над право-троцкистскими бандитами, ни на минуту не должен забывать указания товарища Сталина на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. о характере современного троцкизма:

«Наши партийные товарищи не заметили, что

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, 10 изд., стр. 510.

² Сталин, Доклад на пленуме ЦК ВКП(б) 3—5 марта 1937 г. О недостатках партийной работы, Партиздат, 1937 г., стр. 11.

троцкизм перестал быть политическим течением в рабочем классе, что из политического течения в рабочем классе, каким он был 7—8 лет тому назад, троцкизм превратился в оголтелую и беспринципную банду вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, действующих по заданиям разведывательных органов иностранных государств¹.

И когда мы сейчас ставим вопрос о ликвидации последствий вредительства в системе юстиции, об организации нашей работы по-новому, то каждый прокурорский и судебный работник должен отдать себе ясный отчет, что только тогда мы поднимем нашу работу на уровень тех требований, которые предъявляют к нам наша социалистическая страна, наш Центральный комитет ВКП(б), наше советское правительство, когда высокая революционная бдительность, непримиримость ко всему классово-враждебному, когда безаветная преданность делу Ленина—Сталина, когда внимательное сталински гуманное отношение к честному трудящемуся, права которого сплошь и рядом в провокационных целях попираются теми же врагами,—когда все это проникнет, войдет в плоть и кровь всей нашей прокурорской и судебной системы, когда малейшая самоуспокоенность, малейшее благодушие, обломовщина, малейшее проявление либерализма к врагам народа не будут иметь места в нашей системе.

Товарищ Сталин в своем докладе на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) указал на то, что ЦК партии еще в письме от 18 января 1935 г. всем партийным организациям по поводу злодейского убийства т. С. М. Кирова подчеркивал:

«Надо покончить с оппортунистическим благодушием, исходящим из ошибочного предположения о том, что по мере роста наших сил враг становится будто-бы все более ручным и безобидным. Такое предположение в корне неправильно. Оно является отрывкой правового уклона, уверяющего всех и вся, что враги будут потихоньку вползать в социализм, что они станут в конце концов настоящими социалистами. Не дело большевиков почитать на лаврах и ротожеествовать. Не благодушие нам нужно, а бдительность, настоящая большевистская революционная бдительность. Надо помнить, что чем безнадежнее положение врагов, тем охотнее они будут хвататься за крайние средства, как единственные средства обреченных в их борьбе с советской властью. Надо помнить это и быть бдительным»².

Эти указания ЦК ВКП(б) в первую голову относятся к нам, прокурорам и судьям.

В этом же докладе товарищ Сталин говорил и о том, что в закрытом письме от 29 июля 1936 г. по поводу шпионско-террористической деятельности троцкистско-зиновьевского блока, ЦК вновь призывал партийные организации к максимальной бдительности и к умению распознавать врагов народа, как бы хорошо они ни были замаскированы. ЦК ВКП(б) указал:

«Теперь, когда доказано, что троцкистско-зиновьевские изверги объединяют в борьбе против

советской власти всех наиболее озлобленных и заклятых врагов трудящихся нашей страны,—шпионов, провокаторов, диверсантов, белогвардейцев, кулаков и т. д., когда между этими элементами, с одной стороны, и троцкистами и зиновьевцами, с другой стороны, стерлись всякие грани,—все наши партийные организации, все члены партии должны понять, что бдительности коммунистов необходима на любом участке и во всякой обстановке. Неотъемлемым качеством каждого большевика в настоящих условиях должно быть умение распознавать врага партии, как бы хорошо он ни был замаскирован»³.

Эти указания должны быть внедрены в сознание каждого прокурорского и судебного работника, если он хочет по-настоящему перестроить свою работу, изжить отставание в своей работе, если он хочет быть политически острым, политически зрелым прокурором или судьей.

К сожалению, у нас еще немало прокуроров, не понимающих этих указаний Центрального комитета нашей партии, прокуроров, на словах кричащих о бдительности, а по существу являющихся политическими слепцами, обывателями, провинциальными мещанским благодушием и самоуспокоенностью, не замечающими врага, орудующего у них под носом.

Исключительно разнообразны методы вражеской деятельности шпионо-германских право-троцкистских агентов; они действуют, как правило, осторожно, исподволь. Товарищ Сталин указал, что: «настоящий вредитель должен время от времени показывать успехи в своей работе, ибо это — единственное средство сохраниться ему, как вредителю, втереться в доверие и продолжать свою вредительскую работу»⁴.

Это требует от нас, прокурорских работников, тем большей бдительности, тем большей настойчивости в борьбе с врагами, со всеми их попытками повредить делу социализма.

Это накладывает на нас тем большую обязанность исключительно внимательно, тщательно, ответственно, скрупулезно относиться к каждому делу, которое нам приходится расследовать.

Многие обывательски настроенные работники, а их немало и среди прокуроров, утешаются тем, что вредителей немного, а честных строителей социализма миллионы, утешаются тем, что вредительство не может поколебать мощи нашего хозяйства, силы нашей страны. Отсюда — пренебрежительное отношение к действиям вредителей, а это ведет к политической слепоте, к притуплению бдительности, к расширению тех щелей, через которые враги пробиваются в наши ряды.

Надо твердо усвоить указания товарища Сталина, что «Для того, чтобы напасть и навредить, для этого вовсе не требуется большое количество людей»⁵.

Конечно, нашей мощи ни право-троцкистским бандитам ни, вообще, кому бы то ни было никогда не поколебать. Тем не менее наша задача — задача работников прокуратуры — беспощадно разить врага за малейшую попытку напасть, навредить стране социализма. Наша задача выявлять и вытравливать «за ушко, да на солныш»

¹ Сталин, Доклад на пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г.

² Сталин, О недостатках партийной работы, доклад на пленуме ЦК ВКП(б) 3—5 марта 1937 г., Партиздат, 1937 г., стр. 7.

³ Сталин, Доклад на пленуме ЦК ВКП(б) 3—5 марта 1937 г., О недостатках партийной работы, Партиздат, 1937 г., стр. 7—8.

⁴ Там же, стр. 24.

⁵ Там же.

ко» всякого врага, в какую бы глубокую пору или щель он ни засел, какую бы маску он на себя ни надел.

Очень часто прокурорско-судебный работник выдвигает требование: «дайте нам способы, при помощи которых мы сможем разгадать врага, сорвать с него маску, дайте нам такие «рецепты».

Конечно, так ставить вопрос может только политически прогнивший работник, у которого ни на палу нет партийности, ибо тот, кто живет полной партийной жизнью, кто каждой своей частичкой связан с партией, — тот так вопроса не поставит. Он будет знать, что средством, одним из методов решения этой великой задачи — искоренения право-троцкистских бандитов и иных двурушников, является то, чему нас учит партия и на что не раз указывал товарищ Сталин, — это систематическое и последовательное разоблачение форм и методов злодейских замыслов право-троцкистских фашистских негодяев, разоблачение всей их предательской, подлой практики и техники совершения гнуснейших преступлений, это систематическое укрепление своей идейно-большевистской вооруженности, овладение большевизмом, укрепление большевистской самокритики, постоянная большевистская связь с массами, беззаветная преданность делу Ленина — Сталина, беззаветная преданность своей великой социалистической родине.

Нам необходимо со всей резкостью поставить вопрос о повышении бдительности в нашем аппарате, ибо в нашем аппарате дело обстоит неблагоприятно. Мы имеем немало случаев проявления прокурорскими работниками гнилого либерализма к врагам, благодушия, самоуспокоенности, политической слепоты, неумения сорвать с врага маску, распознать его даже тогда, когда он действует под самым носом прокурора. Нам необходимо со всей силой, со всей резкостью говорить о повышении бдительности еще и потому, что наряду с гнилым либерализмом по отношению к врагам пролетарской революции мы имеем со стороны ряда прокуроров и судей грубую и полную беспечность, ничем не оправдываемое формально-бюрократическое, бездушное отношение к людям, сплошь и рядом к честным труженикам нашего социалистического отечества, которые привлекаются к уголовной ответственности, независимо от того, являются ли достаточными основания для их привлечения или этих оснований недостаточно.

Эта беспечность, сплошь и рядом, дает возможность ускользнуть врагу и в то же время обрушивает репрессию на тех, которые не совершили преступления. Это с тем большей силой надо подчеркнуть, что одним из методов подрывной деятельности врагов из троцкистско-правого подполья, пробравшихся в ряды прокуратуры и суда, пробравшихся даже на руководящую работу в НКЮ СССР, в Верховный суд РСФСР, в Прокуратуру СССР, были, именно, попытки, иногда к нашему сожалению увенчавшиеся успехом, в провокационных целях обрушить репрессию на честных советских граждан и смазать безнаказанными действия врагов народа.

Примеров этого рода подрывной деятельности врагов народа, пробравшихся в ряды работников юстиции, не надо долго искать. Достаточно обра-

титься к положению в органах юстиции Тамбовской области.

Первая тамбовская областная партийная конференция, по докладу секретаря областного комитета ВКП(б) Чукалова в своей резолюции записала: «Особенно нетерпим стиль работы областной прокуратуры (т. Ковалев), которая совершенно неудовлетворительно вела борьбу с действительными врагами народа и допускала произвол, незаконные аресты ни в чем неповинных людей, работа районных прокуроров не контролируется. Моршанский и Большевизский прокуроры за произвол к суду не привлечены».

Это решение первой партийной конференции, особенно если его дополнить теми примерами грубейших ошибок прокурорской работы, которые были приведены здесь в выступлении начальника УНКВД СССР по Тамбовской области т. Малыгина, являются убийственной характеристикой работы органов прокуратуры и суда Тамбовской области. Каждый прокурорский и судебный работник обязан все внимание направить на то, чтобы немедленно, по-настоящему, ликвидировать все последствия подрывной деятельности врагов народа, пробравшихся в аппарат юстиции Тамбовской области, ликвидировать все последствия расхлябанности, беспечности в аппарате юстиции Тамбовской области.

Мы, большевики, не привыкли ни скрывать, ни замазывать самых неприятных фактов. На основе суровой большевистской самокритики мы вскрываем, выявляем наши собственные ошибки для того, чтобы их немедленно ликвидировать.

Видимо, Ковалев, прежний областной прокурор, присутствующий здесь на совещании, оказался гнилым руководителем, развалившим, демобилизовавшим аппарат прокуратуры, ослабившим его боеспособность и мобилизованность. Прокурорские работники Тамбовской области должны повернуть работу прокуратуры на 180 градусов, дать аппарат политически крепкий, готовый беспощадно и метко разить врага, готовый неуклонно бороться за социалистическую законность.

Я потому так долго останавливаюсь на всех этих вопросах, что стиль работы, состояние работы аппарата прокуратуры Тамбовской области были таковы, что даже и сейчас, как это ни странно, ряд работников Тамбовской областной прокуратуры и суда остаются удовлетворенными состоянием своей работы; это в первую очередь относится к докладчикам — и. о. облпрокурора т. Терещенко и и. о. председателя областного суда т. Клевера, это относится и к бывшему облпрокурору Ковалеву, который, беседуя со мной, выразил непонимание, почему его так сурово критикуют, почему его работу считают неудовлетворительной.

Мы тем более должны на этом совещании со всей большевистской беспощадностью вскрыть все крупнейшие и совершенно нетерпимые недостатки в работе органов юстиции, что I сессия Верховного Совета Союза ССР, подвергшая резкой критике работу бывшего народного комиссара юстиции СССР, ныне разоблаченного врага народа Крыленко, потребовала от всех работников юстиции — следователей, прокуроров и судей — немедленной перестройки работы, улучшения и поднятия качества этой работы.

В январе состоялся пленум ЦК нашей партии, который обсудил вопрос «об ошибках партийных организаций при исключении коммунистов из

партий, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков.

Совершенно понятно, что исторические постановления январского пленума ЦК ВКП(б) содержат руководящие указания, касающиеся не только партийной работы или партийного строительства. Решения январского пленума ЦК касаются работы всего нашего советского аппарата, и прежде всего работы прокуратуры и суда.

Решения январского пленума ЦК ВКП(б) должны быть усвоены, поняты, продуманы каждым прокурорским работником, если он действительно по-настоящему хочет перестроить свою работу и работать так, как это требуется от большевика-прокурора.

Январский пленум ЦК ВКП(б) констатировал: «В результате такого бездушного отношения к людям, членам партии и партийным работникам искусственно создается недовольство и озлобление в одной части партии.

Понятно, что троцкистские двурушники ловко поддевают таких озлобленных товарищей и умело тащат их за собой в болото троцкистского вредительства»¹.

Разве это указание январского пленума ЦК ВКП(б) прямо не относится к нам, работникам прокуратуры? Думаю, что здесь двух мнений быть не может. Это указание пленума ЦК имеет прямое и непосредственное отношение к нашей работе, работе прокурорской системы.

Я уже говорил, что у нас не мало случаев, когда в силу своей беспечности, обывательщины, небрежности, в силу отсутствия бдительности прокуроры упускают врага, привлекая в то же время к ответственности не тех, кто действительно совершил преступление. Естественно недовольство этих незаслуженно привлеченных к ответственности людей. Такая преступная работа прокуроров облегчает деятельность врагов народа, не упускающих возможности завербовать своих соучастников именно из среды обиженных или недовольных, особенно, если эти люди не обладают достаточной большевистской вооруженностью и настойчивостью.

Январский пленум ЦК нашей партии говорит далее о том, что в ряде мест наблюдаются случаи, когда исключенных из партии немедленно снимают с работы, выгоняют из квартир и т. д.

Разве эти указания январского пленума ЦК ВКП(б) не относятся в первую очередь к работе прокуроров? Эти указания ЦК ВКП(б) на нарушения закона являются прямой констатацией бездеятельности работников прокуратуры, на которых партия и советское правительство возложили прямую обязанность наблюдать за тем, чтобы закон при всех условиях был неукоснительно соблюден, и, следовательно, прокуроры обязаны были наблюдать за тем, чтобы исключенных из партии не снимали с работы, не выселяли из квартир, если для этого нет законных оснований.

Январский пленум ЦК ВКП(б) подчеркнул, что: «...многие наши парторганизации и их руководители до сих пор не сумели разглядеть и разоблачить искусно замаскированного врага, старающегося криками о бдительности замаскировать свою

враждебность и сохраниться в рядах партии—это во-первых,—и, во-вторых, стремящегося путем проведения мер репрессий—перебить наши большевистские кадры, посеять неуверенность и излишнюю подозрительность в наших рядах.

Такой замаскированный враг—злейший предатель—обычно громче всех кричит о бдительности, спешит как можно больше «разоблачить» и все это делает с целью скрыть свои собственные преступления перед партией и отвлечь внимание партийной организации от разоблачения действительно врагов народа»¹.

Эти указания январского пленума ЦК ВКП(б) должен твердо помнить каждый прокурорский и судебный работник, ибо кому же, как не прокурору и судье, в первую очередь, партия и советское правительство поручили разоблачать врагов, срывать с них маску, разить врага метко, без промаха, разить беспощадно, не допуская в то же время возможности нанести какой-либо вред, какой-либо ущерб честным труженикам советской страны, не допуская ни в коем случае их выключения из творческой работы по строительству социализма.

На этом указании январского пленума ЦК тем более мы должны заострить свое внимание, что, как я уже раньше говорил, враги народа, пробравшиеся в ряды работников юстиции, одним из основных методов своей подрывной деятельности избрали массовую репрессию против честных трудящихся и в то же время смазывание дел о действительных врагах народа.

Разоблаченные враги народа—бывший главный транспортный прокурор Сегал и бывший член главной транспортной коллегии Верховного суда СССР Немцов, признались, что во время их работы в выездных сессиях они смазывали, оstarляли безнаказанными бандитов из правотроцкистского подполья, привлекая к ответственности тех работников транспорта, которые не подлежали преданию суду.

Аналогичные показания были даны рядом других разоблаченных врагов народа—прокуроров и судей (Заславский—бывший курский обпрокурор; Фридберг—бывший восточносибирский краевой прокурор и т. д.).

Последствия этой вражеской деятельности решительно выправляются путем пересмотра дел, отмены неправильных приговоров и освобождения, со всеми вытекающими последствиями, всех тех, кто неправильно был осужден в результате вражеской бандитской деятельности пробравшихся в ряды прокуроров и судей предателей из троцкистско-бухаринского подполья.

Мы имеем не мало примеров подобного рода подрывной деятельности врагов народа, пробравшихся в ряды прокуроров и судей и в Тамбовской области.

Вот почему вопросы немедленной ликвидации последствий подрывной деятельности врагов народа, действовавших в системе органов юстиции, вопрос организации нашей работы по-новому, коренной перестройки нашей работы—должны быть продуманы до конца каждым прокурорским, следственным и судебным работником.

Недостаточно и нельзя, конечно, ограничиться

¹ Постановление пленума ЦК ВКП(б), Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, Партиздат, 1938 г., стр. 7.

¹ Постановление пленума ЦК ВКП(б), Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, Партиздат, 1938 г., стр. 16.

тем, что тот или иной участник настоящего совещания выйдет на эту трибуну, произнесет речь, покается в своих ошибках, поклонится, что он впредь не допустит этих ошибок, а затем, уезжая с этого совещания, решит, что им уже все сделано, а работа будет идти по старинке. Я думаю, что каждый участник этого совещания должен понять, что по старинке работать нельзя; работа должна быть перестроена таким образом, чтобы она исключала какую бы то ни было возможность повторения тех грубейших политических и практических прорывов в работе, о которых мы сегодня, здесь, говорим.

Это совещание происходит после того, когда разоблачены враги народа, подвизавшиеся на правовом теоретическом фронте, пробравшиеся в наши юридические учебные заведения — принесли не мало вреда своей подрывной работой, направленной против укрепления советского социалистического права, советской социалистической законности.

Грубо извращая учение Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина о государстве и праве, эти фашистские выродки фальсифицировали советское социалистическое право. В своей вредительской деятельности, направленной против укрепления советского социалистического права, Крыленко, Пашуканис и их сообщники пытались доказать, что «борьба с преступностью сама по себе может рассматриваться как педагогическо-медицинская задача, для разрешения которой юрист с его составами преступлений, кодексами, с его пониманием виновности, соучастия и т. д. — вовсе не нужен».

Эти враги народа, эти буржуазные выродки пытались разоружить органы нашей советской юстиции, внушая работникам суда и прокуратуры предательскую мысль о бесполезности и никчемности наших кодексов и самих наших юристов. Они хотели заменить беспощадную борьбу с врагами социализма «педагогическо-медицинскими» мерами, выбив, таким образом, из рук государства пролетарской диктатуры такое могучее орудие борьбы и победы, как революционный закон и революционное правосудие.

Эти замыслы врагов народа, троцкистско-бухаринские бандитов, вскрыты и разоблачены. Уже сейчас проделана, хотя и недостаточная, но все же значительная работа по искоренению вредительской подрывной работы в области права и по дальнейшему укреплению этого важнейшего участка нашего общего фронта борьбы за окончательную победу коммунизма.

Троцкистско-бухаринские фашисты и вредители, пробравшиеся в наши органы, стремились привить работникам суда и прокуратуры нигилистическое отношение к советскому закону, пытались извращать советский закон, пытались привлекать к уголовной ответственности невинных людей с целью провоцирования недовольства против советской власти, дискредитируя этим советский суд.

Великая Сталинская Конституция решительно предупреждает против недооценки роли советского закона в той грандиозной созидательной работе, которая ведется в нашей стране под руководством нашей славной партии во главе с товарищем Сталиным.

«Стабильность законов пужна нам теперь больше, чем когда бы то ни было, — сказал товарищ Сталин в своем историческом докладе о

проекте новой Конституции на Чрезвычайном VIII съезде советов.

Задача стабилизации законов требует квалифицированных, боеспособных, крепких органов суда и прокуратуры, готовых и умеющих бороться за торжество законов, за торжество советского правосудия и социалистической справедливости.

Стабильность законов требует теоретически подготовленных прокурорских и судебных работников — людей, готовых и способных отразить любую попытку врага нанести ущерб советскому государству и интересам трудящихся, готовых и способных инициативно и мужественно бороться против всяких «калужских», «казанских» законностей за единую союзную социалистическую законность, стоящую на страже великого дела построения коммунизма в нашей стране.

Мы живем в эпоху могучего развития всех производительных сил нашей страны, мы живем в эпоху расцвета совершенно нового государства нового общества, опирающегося на социалистическую экономику, создавшего новую культуру, воспитывающего новых людей. Мы не только перестраиваем общественные отношения на новых принципах, невиданных до победы Великой Октябрьской социалистической революции, но в процессе этой перестройки мы перестраиваем самих себя, перестраиваем людей, создаем новое сталинское человечество, и тем почетней и ответственней роль советской прокуратуры и суда, на которые возложена нашей партией и нашим правительством первейшая обязанность помочь нашему государству и партии в этой перестройке, первейшая обязанность борьбы со всем тем и со всеми теми, кто мешает этой перестройке.

Каждый работник суда и прокуратуры должен твердо понять, что роль прокуратуры и суда исключительно важна. Прокуратура вместе с судом разоблачают подлейшие происки и козни врагов, выносят их на суд общественного мнения, передают их гласности, в гораздо большей степени, чем какой бы то ни было другой орган пролетарской диктатуры.

В этом, как неоднократно на это указывали Ленин и Сталин, огромная политическая сила и огромное политическое значение гласного судебного процесса.

В самом деле, гласный судебный процесс, если он правильно построен, если его ведет политически подготовленный судья, если в процессе участвует политически зрелый прокурор, является огромной важности фактором, доводящим до самого отсталого человека настоящую, подлинную пролетарскую правду. Никогда нам, прокурорам и судьям, нельзя забывать того, что райпрокуратура и народный суд развивают свою деятельность в гуще народных масс, имеют дело с десятками тысяч людей по делам, на первый взгляд, маленьким, но имеющим для этих людей, подчас, огромное, жизненное значение.

Каждый прокурорский и судебный работник должен понимать, что вражеская дезорганизаторская работа выражается как в крупных заговорах, так и в мелких укусах и ударах, которые могут навредить советской власти, вызывая недовольство, озлобление широких масс трудящихся.

Враги народа, действовавшие в системе юстиции, пытались привить работникам юстиции пренебрежительное отношение к так называемым

«маленьким делам», затрагивающим бытовые нужды человека.

Прокуроры и судьи должны знать, что у нас нет и не может быть «маленьких дел», не может быть судебных дел, к которым можно подходить пренебрежительно. Такое отношение к делам является извращением действительного смысла судебного процесса и льет воду на мельницу врага.

Наш советский суд является олицетворением совести советского народа, совести социалистического государства рабочих и крестьян.

Каждое судебное решение заключает в себе решение общегосударственных задач. И каждый судья, как и каждый прокурор обязан правильно разрешить эту государственную задачу. Он должен помнить, что решение суда, касается ли оно комнаты, прикуса, алиментных дел, — всегда государственное решение.

В самом деле, решая самое «маленькое дело» о прикусе, о 25 рублях штрафа, — наш суд выносит решение именем данной союзной советской социалистической республики. Он решает дело не у себя в канцелярии, с глазу на глаз с подсудимым, а гласно, публично в зале.

Некоторые прокуроры и судьи считают, что когда они разбирают дело о Сидорове, Иванове и других, то они разбирают только вопрос об Иванове и Сидорове, — это в корне неправильно. Каждое конкретное дело, о каком бы маленьком интересе ни шла в нем речь, является делом, органически затрагивающим интересы общества, интересы государства, и должно быть разрешено по справедливости, то есть в соответствии с интересами рабочего класса, нашего социалистического государства, с интересами нашей борьбы за социализм. Ни один человек, кто может быть полезен в творческом труде нашей страны, не может быть поставлен за пределы этого творчества, и в то же время ни один враг, ни один преступник не должен ускользнуть от меча нашего социалистического правосудия.

Советский суд и советская прокуратура являются одним из основных органов пролетарской диктатуры. Каждый правильно проведенный судебный процесс, вскрывающий врага, бьет по всему вражескому делу. Каждый приговор, правильно отображающий дело и клеймящий преступление, покрывающий преступника позором от имени советского государства, воспитывает массы, помогает сплочению народа вокруг советской власти в борьбе с врагами народа, в борьбе с преступностью.

Владимир Ильич еще в 1918 г. писал:

«Новый суд нужен был прежде всего для борьбы против эксплуататоров, пытающихся восстановить свое господство или отстаивать свои привилегии, или тайком протащить, обманом заполучить ту или иную частичку этих привилегий. Но, кроме того, на суды, если они организованы действительно на принципе советских учреждений, ложится другая еще более важная задача. Это — задача обеспечить строжайшее проведение дисциплины и самодисциплины трудящихся»¹.

Советские законы, на основании которых советский суд судит врагов, являются выражением воли пролетариата, победившего в борьбе за социализм, и наша прокуратура и наш суд должны поднять свою работу на такую высоту,

чтобы решить поставленные перед ними огромные государственные задачи так, как этого требуют интересы нашего социалистического государства рабочих и крестьян.

Как же надлежит перестроить работу прокуратуры? По каким направлениям должна идти перестройка работы, для того чтобы добиться необходимого перелома в работе, для того чтобы как можно быстрее ликвидировать последствия подрывной работы врагов, пробравшихся в аппарат прокуратуры, в частности, как необходимо перестроить работу аппарата прокуратуры Тамбовской области?

Обычно, когда ставишь вопрос о перестройке работы, когда требуешь коренного перелома в работе, сейчас же областной прокурор ставит вопрос о кадрах: — дайте нам большевистски-преданных, выдержанных, крепких, юридически квалифицированных работников, — вот тогда мы вам покажем работу, вот тогда мы по-настоящему сможем работу перестроить.

Правильна ли такая постановка вопроса? В корне неправильна.

Конечно, мы знаем, что кадры, люди, решают все, и прокуроры вправе требовать от Прокуратуры Союза соответствующей помощи людьми, а наша обязанность помогать нашей прокурорской периферии кадрами. Мы не мало этим вопросом занимаемся и некоторую помощь местам оказываем.

Однако, если руководители областных, республиканских аппаратов прокуратур будут сидеть сложа руки, отмахиваться от перестройки работы в ожидании новых кадров, которые им дадут извне, то такие гнилые руководители, бюрократы-чиновники нам не нужны.

В аппарате прокуратуры Тамбовской области, как и вообще у любого областного и республиканского руководителя прокурорским аппаратом, имеются значительные внутренние людские ресурсы, мобилизовав и правильно используя которые, он всегда сможет по-настоящему оперативно организовать работу. За «ширму» бедности кадрами прячутся руководители, не способные перестроить работу.

Мы, к нашему сожалению, а может быть и к стыду, в Прокуратуре Союза слабо знаем состав работников Тамбовской облпрокуратуры, но я должен сказать, что, слушая выступления районных прокуроров на этом областном совещании, я прихожу к выводу, что у областного прокурора имеется достаточно крепкий состав районных прокуроров, чтобы по-настоящему поставить работу областной прокуратуры.

Мы слышали здесь выступления не менее 15 районных прокуроров и можем сказать, что это выступали политически подготовленные, политически зрелые, большевистски крепкие работники. Им надо только по-настоящему руководить, повседневно помогать в работе аппарата прокуратуры; от областного аппарата, от областного прокурора должны быть протянуты крепкие нити связи, которые давали бы возможность областной прокуратуре знать все, что делается в каждой данной районной прокуратуре, а районный прокурор ощущал бы все то, что делается в областной прокуратуре, и знал бы, что в любой момент областная прокуратура придет к нему на помощь, направит его работу, исправит его ошибку, укажет, как надлежит работать.

Надо, чтобы областной аппарат и, в частности, областной прокурор знал каждого районного прокурора по-настоящему, знал как работает, чем

¹ Ленин, т. XXII, стр. 424.

живет, чем дышат районный прокурор, и, зная это, воспитывал бы районного прокурора, помогал бы ему поднимать свою политическую и практическую квалификацию. Такая постановка руководства областного аппарата районными прокурорами даст сразу же огромную активность, инициативность и рост районного прокурора.

Помимо районного аппарата прокуратуры, областная прокуратура, как и каждая районная прокуратура, имеет свой общественный актив: соопосредствителей, группы содействия и т. д., иначе говоря, имеет серьезнейший источник, из которого можно черпать кадры, если, конечно, по-настоящему, по-большевистски, а не по-чиновничьи работать с этим активом.

Конечно, это не придет самоотечком. За кадры надо драться, каждого человека надо отвоевывать. И если руководитель областного аппарата прокуратуры не Обломов, не чиновник, он всегда сможет добиться того, чтобы в его распоряжение было откомандировано некоторое количество товарищей, работавших в активе прокуратуры и настолько уже усвоивших работу прокуратуры, что могут быть на этой работе использованы.

Приведу вам пример. Бывший главный транспортный прокурор Сегал, избалованный как враг народа, всякий раз, как руководство Прокуратуры Союза ССР крепко било его за промахи в работе, за волокиту, за неорганизованность, за слабость периферийного аппарата прокуратуры ж.-д. транспорта, всегда прикрывался «ширмой» отсутствия кадров, заявляя, что все, что он ни предпринимал, мол, не давало практических результатов. А надо сказать, что Прокурор Союза т. Вышинский не мало энергии и сил приложил на то, чтобы укомплектовать Главную транспортную прокуратуру и ее периферийный аппарат, не мало людей командировал туда, но враг народа Сегал добивался того, что значительная часть работников из аппарата уходила, и мы имели в Главной транспортной прокуратуре огромную текучесть прокурорских кадров. А, вот, После разоблачения Сегала, когда во главе Главной прокуратуры ж.-д. транспорта мы поставили честного, крепкого большевика т. Шарлот, который по-настоящему взялся за кадры, за изучение людей, за правильную расстановку людей, который по-настоящему начал драться за то, чтобы пополнить аппарат Главной транспортной прокуратуры людьми, технически знающими транспорт, — он добился того, что Наркомпути направил в распоряжение Прокуратуры Союза 30 командиров транспорта, учившихся в транспортной академии. Излишне, конечно, говорить, какое огромное значение имеет такое пополнение кадров транспортной прокуратуры. Мы пропустили этих людей через 2-месячные курсы, организованные Прокурором Союза, и назначили их на ответственные участки работы транспортной прокуратуры.

Для меня несомненно, что каждый руководитель областной прокуратуры, если он не будет считать, что у него есть нянька, которая будет с ним вечно нянчиться, а что он сам должен драться за кадры, получать людей, большевистски их воспитывать, то он всегда сможет получить необходимых ему людей. В частности, для Тамбовской областной прокуратуры залогом этому является то исключительно внимательное отношение к аппарату прокуратуры, которое мы имеем со стороны руководящих органов Тамбовской области, залогом этому является и само на-

стоящее партийное совещание работников суда и прокуратуры Тамбовской области, созданное по инициативе этих же руководящих органов Тамбовской области, что является показателем огромной помощи, которую руководящие органы Тамбовской области оказывают аппарату областной прокуратуры и суда.

В количественном отношении Тамбовская областная прокуратура находится в достаточно благополучном положении. В областном аппарате нехватает 3 человек, на периферии, районных прокуроров нехватает только 6 человек. Это уже такие прорехи, заделать которые нетрудно.

Надо только прекратить текучесть работников в аппарате, правильно их расставить, кое-кого передвинуть из областного аппарата в районные и обратно, из районного аппарата в областной аппарат.

Это мероприятие поможет превратить областной аппарат прокуратуры в действенный областной штаб по руководству районными прокурорами.

Тамбовская прокуратура получила недавно значительное количество новых работников, ранее не бывших на прокурорской работе. Кое-кого из них здесь выступил. Мы их слышали — это зрелые товарищи, имеющие большой политический и жизненный опыт. Ими надо заняться, пропустить их через курсы подготовки и переподготовки прокурорских работников, чтобы поднять их квалификацию и привить им вкус к прокурорской работе.

Вам необходимо продумать вопрос о введении того метода подготовки работников, который мы проводим в Прокуратуре Союза — метода стажерства. Мы вызываем в Прокуратуру Союза ежемесячно до 30—40 работников прокурорской периферии, которые практически работают месяц в Прокуратуре Союза, будучи прикреплены к наиболее ответственным и подготовленным работникам Прокуратуры Союза, параллельно проходят теоретическую подготовку по определенной разработанной программе.

Разве нельзя, конечно в меньших масштабах, провести это мероприятие и в областной прокуратуре? Скажем, вызвать для стажерства в областной аппарат прокуратуры 5—8 районных прокуроров и следователей, может быть не на месяц, на две-три недели, в зависимости от возможностей данного областного аппарата. Это все надо продумать. Это методы приближения областного аппарата к районному аппарату, это методы воспитания, методы необходимые для поднятия роста районных прокуроров и следователей.

Перехожу к вопросу, как должен работать областной аппарат прокуратуры. Я уже указывал, что областной аппарат прокуратуры, являющийся областным штабом по руководству прокурорской периферией, должен всеми своими корнями и нитями быть связан со всем районным прокурорским аппаратом и с каждым районным прокурором в отдельности. Только при такой организации работы областной прокурор сможет по-настоящему руководить районными прокурорами, сможет добиться необходимых нам результатов в работе.

Что мы имели в Тамбовском областном аппарате прокуратуры до настоящего времени? Мы имели полнейший отрыв областного аппарата прокуратуры от своей прокурорской периферии. Областной аппарат прокуратуры не знал, что делается в районах. Районные прокуроры не ви-

дели в областном аппарате своего штаба, по существу они не ощущали областного аппарата прокуратуры. Кроме бюрократически-чиновнического отношения, кроме бессмысленных требований и угроз со стороны любого работника аппарата областной прокуратуры, предъявляемых к районным прокурорам, райпрокуроры ничего не имели.

Вы слышали здесь выступления десятка районных прокуроров, которые приводили убийственные для руководства областной прокуратуры факты, свидетельствующие о полном отсутствии какой-либо связи областного прокурора с районными прокурорами. Районные прокуроры были предоставлены самим себе. Никакого инструктажа, никакой помощи они от областного аппарата не получали. Это привело к той расхлябанности, недисциплинированности, которыми характеризуется состояние аппарата прокуратуры Тамбовской области на сегодняшний день. Это привело к дезорганизации работы районного прокурора. Но все это имело и политические последствия: районный прокурор, не ощущая оперативного руководства со стороны областной прокуратуры, не ощущая связи с областной прокуратурой, переставал быть тем работником, на которого нашей Сталинской Конституцией возложена задача борьбы за социалистическую законность, за советский закон.

Районный прокурор (и вы это слышали, этому приводилось здесь много примеров) закрывал глаза на нарушения закона, плыл по течению местных настроений и местных влияний, боялся конфликтовать, ибо он не чувствовал, что получит необходимую поддержку со стороны областной прокуратуры. Конечно, это не оправдание для районного прокурора. Районный прокурор, независимо от того, как работает областной аппарат прокуратуры, должен знать, что он является тем ответственным политическим работником, которому поручена борьба со всякими извращениями социалистической законности на местах. И если он настоящий прокурор-большевик, то он никогда, ни при каких условиях не поддастся местным настроениям, а всегда, при всех условиях будет драться за торжество советского закона, за торжество социалистической законности, понимая и зная, что он всегда найдет необходимую поддержку против тех, кто посмеет обрушиться на него за выполнение им возложенных на него нашей партией и правительством государственных задач.

Но факт остается фактом — расхлябанность областного аппарата привела к дезорганизованности прокурорской работы в районах Тамбовской области. Отсюда у нового областного прокурора т. Неганова первая и основная задача — превратить областной аппарат прокуратуры в настоящий подлинный штаб, действительно руководящий своей районной прокурорской периферией, связанный с каждым районным прокурором.

Тов. Неганов должен так поставить работу областного аппарата прокуратуры, чтобы районным прокурором руководил он как областной прокурор и его заместители. Нельзя допускать того, чтобы районным прокурором руководил весь областной аппарат Тамбовской прокуратуры — все 16 прокуроров Тамбовской областной прокуратуры. Это неправильно. Это безобразие, давно запрещенное приказом Прокурора Союза т. Вышинского, приказом, который устанавливал

право руководства районным прокурором только областным прокурором или его заместителем.

Надо, чтобы каждый работник областного аппарата прокуратуры проникся сознанием того, что районный прокурор — это ответственный политический работник, который согласно Великой Сталинской Конституции назначается прокурором республики и утверждается Прокурором Союза на 5 лет.

Надо, чтобы каждый прокурор областного аппарата проникся сознанием того, что районный прокурор не может быть снят с работы иначе, как по приказу Прокурора СССР. Это подчеркивает, какое огромное значение придается районному прокурору как основному звену нашей прокурорской системы. Это должны осознать и понять как руководители областной прокуратуры, так и все работники областной прокуратуры. Надо покончить с пренебрежительным отношением к районному прокурору. Понятно, что районный прокурор — основное звено прокурорской системы, от качества работы которого зависит качество работы всей прокурорской системы в целом.

Вам в самом ближайшем времени предстоит провести аттестование районных прокуроров. Это аттестование будет проходить при непосредственном участии, под непосредственным контролем областного комитета партии Тамбовской области. Аттестование, которое будет предшествовать утверждению районного прокурора на 5 лет, должно быть проведено не бюрократически, не по-чиновничьи, а по-большевистски. Это аттестование имеет огромное значение, оно должно занять огромное место в работе областного аппарата прокуратуры. Тов. Неганов как областной прокурор должен сейчас же начать подготовку к проведению этого огромного по своей значимости мероприятия.

Аттестование должно выявить подлинного районного прокурора-большевика. Конституция СССР требует назначения районного прокурора на 5 лет. Это должно быть свято и нерушимо. Отсюда ясно, что районным прокурором может быть только крепкий большевик, беззаветно преданный делу партии Ленина — Сталина, беззаветно преданный своей социалистической родине и советской власти.

Я уже указывал, что областной аппарат прокуратуры должен быть тесно связан со своей районной периферией, должен помогать районному прокурору. Недопустимы те факты, которые вскрыты здесь на совещании, характеризующие нежелание, я подчеркиваю, именно нежелание, областной прокуратуры вмешиваться в конфликты, возникающие в районах между райпрокурором и местными органами власти. Недопустимо, когда тот или другой районный прокурор, обращаясь за инструктажем в областную прокуратуру, не получает никакого ответа.

Вот прокурор Бондарского района в ноябре 1937 г., возмущенный бюрократически-чиновничьим отношением аппарата областной прокуратуры к себе, как к районному прокурору — написал, что «он крайне возмущен чиновническим отношением к бондарской районной прокуратуре». Он прав, ибо он просил ему разъяснить ряд вопросов, а областная прокуратура молчала. Такого рода положение дезориентирует аппарат, приводит к недисциплинированности. Вы не будете отвечать на запросы районного прокурора, районный прокурор не будет отвечать на ваши за-

просы, и в результате прокурорский аппарат раздвигается во все стороны. Разве не результатом оторванности Тамбовской областной прокуратуры от своей периферии является то, о чем здесь говорили некоторые районные прокуроры, когда ставили вопрос о взаимоотношениях с органами районной милиции? Мне казалось, что эти вопросы «о взаимоотношениях» давно уже сняты с повестки дня, а вот в Тамбовской области, оказывается, еще говорят о взаимоотношениях с милицией, причем как раз говорят по таким вопросам, о которых районному прокурору стыдно говорить.

Один из районных прокуроров говорил здесь о том, что милиция изымала дела из народного суда, а он не мог призвать к порядку начальника районного отделения милиции. Ведь это же курам на-смех. Ежели бы районный прокурор чувствовал себя районным прокурором, то он, конечно, давным-давно такого начальника районного отделения милиции, грубо нарушающего закон, призвал бы к порядку, но он этого не сделал. Он этот факт припас для сегодняшнего совещания. Это, конечно, характеризует с очень плохой стороны этого районного прокурора, говорит об его безрукости, об его слабости, но если бы областной аппарат прокуратуры был связан с районным аппаратом, то этот безобразный факт был бы давным-давно выявлен и эти нарушители законов были бы уже давным-давно вытнуты «за ушко да на солнышко».

Итак, первой и основной задачей т. Неганова является — организовать боеспособный, оперативно гибкий аппарат областной прокуратуры. Надо искоренить, изжить всякую расхлябанность в этом аппарате, недисциплинированность, надо правильно распределить силы внутри областного аппарата и по-настоящему руководить всеми частями этого аппарата. Тов. Неганов не должен бояться круто взяться за это дело, как бы кому это было не неприятно. Прорывов в работе Тамбовской прокуратуры масса, надо немедленно их ликвидировать, ликвидировать по-большевистски, как это учит делать наша партия, наш великий вождем товарищ Сталин.

Я уже говорил, что основным звеном нашей прокурорской системы является наша районная прокуратура. К сожалению, надо констатировать, что качество работы районной прокуратуры, и в частности в Тамбовской области, находится на очень и очень низком уровне. Районный прокурор, как правило, не умеет уловить основное звено работы, чтобы на нем сосредоточить свое внимание; работа райпрокурора, как правило, не организована, находится целиком во власти того, что мы называем текучкой.

Когда говоришь с районным прокурором, требуешь от него перестроить работу так, чтобы он знал, за что необходимо взяться, куда обратить свое основное внимание, то районный прокурор обычно отвечает: «Вот текущая работа захлестывает». Но, товарищи, текучка захлестывает того, кто не умеет правильно организовать работу. Это относится и к областному аппарату прокуратуры. Правильно организуйте работу, и текучка вас не будет давить.

Какие основные вопросы стоят перед районным прокурором?

Прежде всего — правильная организация и правильное построение надзора и руководства следственной работой. Одной из основных бед

прокурорской системы является неудовлетворительная работа следователей. Если мы не изменим положения в следственном аппарате, не поднимем качество следствия, то впустую окажутся все наши разговоры о перестройке работы, о коренном переломе в работе.

Январский пленум Центрального Комитета партии указал:

«Пора понять, что существо большевистской деятельности состоит в том, чтобы уметь разоблачать врага, как бы хитер и изворотлив он ни был, в какую бы тогу он ни рядился, а не в том, чтобы без разбора или «на всякий случай» исключать десятки и сотни из партии всех, кто попадется под руку»¹.

Это указание январского пленума ЦК, имеющее самое прямое и непосредственное отношение к работе прокуратуры, в первую голову относится к работе нашего следственного аппарата, ибо до последнего времени мы имеем случаи привлечения к уголовной ответственности трудящихся без достаточных оснований, наряду вместе с тем с явным попустительством и смазыванием дел о подрывной деятельности врагов народа, в частности, дел о преступлениях троцкистско-зиновьевских, бухаринских и иных бандитских групп.

Если мы на этом совещании, как и на любом нашем прокурорском совещании, будем по-большевистски самокритичны, то мы должны сказать, что в нашей следственной работе имеются вопиющие факты, свидетельствующие о том, что неоднократные указания Центрального комитета ВКП(б) и Совнаркома Союза ССР о серьезном подходе к разрешению вопроса, связанного с привлечением к ответственности, к нашему стыду, еще в жизнь по-настоящему не проведены.

Качество следственной работы до сих пор остается неудовлетворительным. При возбуждении уголовного дела прокуроры и следователи не проявляют необходимой требовательности и подходят формально-бюрократически к оценке представляемых им материалов, не вникая в существо дела, вследствие чего в ряде мест, в частности у вас в Тамбовской области, имеет место неправильное и неосновательное привлечение граждан к уголовной ответственности, а иногда и арест граждан и возбуждение уголовных дел, значительная часть которых впоследствии прекращается вышестоящими органами прокуратуры и судом.

К этому надо добавить, что наряду с этим имеет место оставление безнаказанными действительных преступников и даже врагов народа, продолжающих свою подрывную деятельность под носом у прокурора или у следователя.

Почему так плохо обстоит дело со следственным аппаратом? Потому что до сих пор он предоставлен самому себе. Потому что несмотря на неоднократные указания Прокуратуры Союза районные прокуроры не руководят по-настоящему следствием. Районный прокурор либо направляет следователя с предложением начать расследование в уголовном порядке и привлечь к уголовной ответственности материал, в котором нет достаточных для этого оснований, либо штампует, утверждает без всякой проверки привлечение к уголовной ответственности граждан на

¹ Постановление пленума ЦК ВКП(б), Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, Партиздат, 1938 г., стр. 20.

основании поступившего к нему материала от следователя.

Слабость работы районных прокуроров и слабость работы прокурорско-следственного аппарата заставили Прокуратуру Союза запретить районным прокурорам привлекать к ответственности по контрреволюционным делам и производить аресты без санкции областного прокурора.

Это говорит о том, что районный прокурор не справился с работой по возбуждению уголовных дел и по руководству следственным аппаратом и что следственный аппарат прокуратуры оказался не на высоте тех требований, которые к нему как к следственному аппарату предъявлялись.

Для того чтобы по-большевистски выполнить указания ЦК ВКП(б), указания т. Андреева и указания, которые были сделаны на первой Тамбовской партийной конференции, если вы хотите по-настоящему перестроить свою работу так, чтобы метко, без промаха, бить по врагам и чтобы не допускать неосновательного привлечения к уголовной ответственности, то прокуроры должны организовать по-настоящему надзор за следствием, за следственным аппаратом.

Районный прокурор должен быть в курсе того, что делается в следственном портфеле следователя, и ежедневно проверять следственную работу, давать направление следователю, причем все это должно найти отражение в соответствующих актах, которые должны быть приобщены к делу.

Надо покончить с кустарщиной и семейственностью, когда районный прокурор на словах дает те или иные указания следователям, но это никакого отражения в деле не находит; а выполняется или не выполняется такое указание, неизвестно.

Надзор за следствием будет действительным тогда, когда районный прокурор по существу будет вникать в каждое следственное дело. Нельзя закрывать глаза на то, что работники нашего следственного аппарата по своей квалификации нас удовлетворить не могут. Надо поэтому серьезно заняться повышением их квалификации. Районный прокурор должен найти время и для того, чтобы созывать следственные совещания для проработки вопросов, связанных с работой следователя; к этим совещаниям должны быть привлечены и народные судьи и начальники районного отделения милиции. Это ведь нетрудно провести и это не отнимет много времени, а пользу может принести очень большую.

Прокуратурой Союза разработано и разослано местам не мало методических указаний по следственным вопросам. Думаю, что каждый районный прокурор эти методические письма имеет, но получить такое методическое письмо, даже прочесть и изучить его еще мало. Надо уметь извлечь из этих писем необходимые практические уроки для своей повседневной, конкретной следственной работы. Это можно сделать только в том случае, если районный прокурор по-настоящему этим делом займется, организует изучение этих писем применительно к конкретной следственной работе данного следователя, и исходя из конкретного следственного дела, ведущегося данным следователем, продемонстрирует на основе наших писем следователю да и самому себе основные недостатки, дефекты в проведении следствия.

Вообще, районный прокурор считает, что он

не должен заниматься подготовкой себя как следственного работника — как следователя. Это в корне неправильная постановка вопроса.

Каждый районный прокурор, как и вообще каждый прокурорский работник, обязательно должен быть следователем, знать следственную работу, иначе он всегда будет плохим прокурором. И вот, такая организация работы со следователем, о которой я выше говорил, мне кажется, должна быть воспринята каждым районным прокурором, проведена им в жизнь.

Мы за 1938 г. выпустим еще ряд методических писем по следственным вопросам, но если эти наши методические письма не будут практически применяться на конкретной следственной работе каждым следователем, не будут использованы так, как я это здесь указал, то я считаю, что того, что мы думаем получить от этих методических писем, мы не получим.

Задача заключается в том, чтобы повернуть работу районного прокурора лицом к следствию.

Областной аппарат прокуратуры и в первую очередь следственный отдел должны знать, что делается в следственных портфелях следователей, сколько людей привлечено к уголовной ответственности следователем, каково движение следственных дел, сколько дел, по которым привлеченные находятся под стражей, и наряду с этим следственный отдел должен, обобщая практику работы всего следственного аппарата, вскрывать недостатки, ошибки, дефекты в этой работе и, исправляя работу следователей, давать методические указания, помогающие следователям понять допущенные ими ошибки, улучшить свою квалификацию, расти как следователям.

Прокуратура Союза считает необходимым выделить в следственных отделах каждой областной прокуратуры специального работника, который занимался бы обобщением следственной практики и для методических указаний следственной периферии.

Надо покончить с той безобразной неграмотностью, которая наблюдается до сегодняшнего дня у ряда наших следователей. Приведу для примера акт, составленный одним из следователей Тамбовской области. Он пишет: «Прибыв на место происшествия я нашел, что труп лежит убитый, с поднятыми вверх ногами и раскинутыми в разные стороны и поднятыми руками».

Разве можно что-нибудь понять в этой абракадабре? Ничего нельзя понять, а где был районный прокурор? Как он мог допустить приобщение к делу такого акта осмотра происшествия. Ясно, что райпрокурор дела не читал, доверился следователю.

Вот другой пример. Следователь пишет: «Он имел с ней объяснения, вытекающие из его ее убийства, хотя сам доказал алиби, т. е. отсутствовал».

Вы смеетесь над этими примерами, но, ведь, товарищи, эти примеры взяты из практики работы следователей Тамбовской области, они взяты из практики работы прокуратуры Тамбовской области.

Не менее важным вопросом является вопрос о судебной работе прокуратуры, об участии прокуроров в работе суда. Меня крайне удивило, что докладчик — зам. председателя облсуда т. Клевер ни словом не обмолвился в своем докладе о работе прокуратуры в суде. Это лишний раз доказывает непродуманность, несерьезность доклада.

К Тамбовской областной прокуратуре суд может предъявить очень большой счет, ибо участие прокуроров в судебной работе находится в явно неудовлетворительном состоянии. Прокуратура, несмотря на неоднократные указания Прокуратуры Союза, почти не участвует в подготовительных заседаниях суда и в кассационных заседаниях областного суда, чрезвычайно незначительно ее участие в судебных заседаниях судов по первой инстанции. Иначе говоря, по существу, прокуратура Тамбовской области судебной работой не занимается. Это в корне неправильно. Такое отношение прокуратуры к судебной работе свидетельствует о непонимании прокурорами своих основных задач, своих основных функций. Работа в суде является основной работой прокуратуры. Можно прямо сказать: по тому, какое место отводит данная прокуратура работе в суде, можно судить о качестве работы данной прокуратуры в целом, о понимании данной прокуратурой ее основных функций, ее основных задач.

К сожалению, большинство прокуроров до сих пор не понимает этого и считает, что их участие в судебной работе — дело второстепенное. Надо немедленно добиться в этом вопросе коренного перелома, внедрить в сознание всей прокурорской периферии, что судебная работа наряду со следственной работой (ибо следственная работа неотделима от судебной) — основная работа прокуратуры.

В самом деле, куда годится такая судебная работа прокуратуры, когда участие прокуроров в судебных заседаниях по первой инстанции, когда участие прокуроров в подготовительных заседаниях суда, в кассационных заседаниях исчисляется единицами и когда, следовательно, вся судебная работа, по существу, проходит мимо прокурора? Он начинает интересоваться судебной работой, как правило, в порядке надзора, в результате рассмотрения жалоб на судебные приговоры или судебные решения судов.

Прокурор Союза т. Вышинский категорически требует обеспечить постоянное, активное участие прокуроров во всей судебной работе судов: в подготовительных заседаниях судов по всем делам, обвинительные заключения по которым утверждены прокурорами; обязательное участие прокурора в первой инстанции судов по всем делам, передаваемым в суд прокурорами, а также по всем делам, имеющим для данного района, города или области особое политическое и общественное значение и, наконец, по делам, представляющим особую сложность с фактической и уликовой стороны.

Прокурор Союза требует обязательного участия прокуроров в кассационных инстанциях областного суда по всем делам, по которым принесены протесты прокурором, а также по всем делам, по которым мерой наказания избрано лишение свободы.

Мне могут сказать, что это чрезвычайно тяжелая задача. Это верно. Но эту задачу необходимо практически разрешить так, как этого требует приказ Прокурора Союза т. Вышинского.

Я уже говорил выше, что если прокурор сможет организовать свою работу таким образом, чтобы не находиться во власти текущих, то он всегда справится со своими задачами и выполнит все указания, которые даны по линии Прокуратуры СССР. Мы не выдвигаем никаких невозможных требований, мы требуем только того,

чтобы прокурор по-настоящему, действительно осуществлял свои прокурорские функции, чтобы он по-настоящему, действительно выполнял свои основные задачи, к которым в первую голову относится активное участие прокурора в судебной работе.

Порядок надзора по нашему уголовно-процессуальному закону является порядком исключительным, а он превратился в нормальный порядок судебной работы, а нормальный порядок судебной работы прокуратуры — принесение протестов в кассационные сроки — превратился в исключительный порядок. Это недопустимо.

Мы запретили районным прокурорам требование дел в порядке надзора из народных судов тогда, когда по этим делам имеются кассационные определения. Мы это сделали неспроста, ибо мы считаем, что районный прокурор должен быть настолько в курсе судебной работы, должен принимать настолько непосредственное и активное участие в судебной работе народного суда, что надзорный порядок для него должен быть действительно исключен. Исправление судебных ошибок должно идти по линии принесения протестов в кассационные сроки, установленные законом. Это в одинаковой мере относится как к уголовным, так и к гражданским делам.

Необходимо решительно повысить качество приносимых протестов и качество вносимых в кассационные заседания кассационных заключений.

Я мог бы здесь привести ряд примеров из работы Тамбовской прокуратуры, свидетельствующих о безответственности и о безграмотности кассационных протестов и кассационных заключений. Это говорит о том, что судебная работа прокурора находится в безнадзорном состоянии, что руководство Тамбовской областной прокуратуры до настоящего времени этой стороной работы прокуроров не интересовалось, что судебный отдел Тамбовской областной прокуратуры по-настоящему, действительно судебной работой районных прокуроров не руководил.

Судебный отдел Тамбовской областной прокуратуры обязан, и в этом существо и задача его работы — подытоживать судебную практику районных прокуроров, их количественное и качественное участие в народных судах, количество и качество приносимых ими протестов на решения и приговоры народных судов, должен подытоживать и знать, насколько правильно районный прокурор строит свое участие в судебной работе, и делать отсюда необходимые руководящие выводы, помогающие районному прокурору правильно строить свою судебно-прокурорскую работу.

Судебно-уголовный и гражданский отделы Тамбовской прокуратуры, исходя из практики судебной работы районных прокуроров Тамбовской области, должны давать методические указания районным прокурорам по выступлениям их в качестве обвинителей на суде, в качестве истцов в гражданском процессе и т. д. Разве судебно-уголовный отдел Тамбовской области не может разрабатывать на основании конкретных фактов деятельности районных прокуроров методические указания, облегчающие районному прокурору выступления в суде? Конечно, может. Для этого нужна только инициатива и ответственное отношение к порученному делу. Для этого нужно, чтобы прокуратура Тамбовской об-

ласти правильно организовала работу областного аппарата, правильно организовала работу каждого звена этого областного аппарата.

Необходимо со всей решительностью покончить с пренебрежительным отношением к работе суда, которое, к сожалению, еще встречается у многих наших прокуроров.

Все прокуроры должны понять, что задача поднятия авторитета суда является не только задачей судьи, но и задачей прокурора, и каждый прокурор обязан всемерно бороться за поднятие авторитета нашего суда. Воспитание наших районных прокуроров именно в этом духе является серьезной задачей областного аппарата прокуратуры.

Мы обязаны, говоря о судебной работе, со всей силой подчеркнуть недопустимость наплевательского отношения прокуроров к соблюдению уголовно-процессуальных норм ведения дел.

Выступавший здесь начальник УНКВД по Тамбовской области т. Малыгин привел ряд примеров, когда сами прокуроры безобразно нарушают процессуальные нормы. С этим надо покончить. Я должен здесь прямо сказать, что мы, руководители Прокуратуры Союза, за всякое допущение процессуального упрощения, за всякое нарушение законов, за всякое нарушение процессуальных прав обвиняемого будем самым суровым образом наказывать прокуроров, вплоть до предания их суду. Мы всенародно заклеймим позором того прокурора, который вместо борьбы за закон позволит себе этот закон нарушать.

Пренебрежительное отношение прокуроров к участию в судебной работе приводит сплошь и рядом к тому, что явно неправильный и неправоудный приговор остается вне поля зрения прокуроров. Только непониманием своих прокурорских функций, только притуплением политической бдительности и небрежностью можно объяснить те факты, какие имели место в ряде районов Тамбовской области, когда прокурор на протяжении долгого времени не замечал извращений в практике работы судебных органов по делам сельского актива и оставлял без опротестования ряд совершенно неправоудных приговоров по пустяковым делам или даже при отсутствии вообще какой-либо вины со стороны осужденных.

Только притуплением политической бдительности и безобразным отношением к судебной работе можно объяснить, что ряд приговоров, по существу освобождающих от ответственности явных врагов народа, расхитителей общественной собственности и т. д., оставался без соответствующего реагирования со стороны прокуратуры.

Для того чтобы облегчить работу прокурора в суде, Прокуратура СССР разрабатывает ряд методических писем, связанных с выступлением прокурора в судебном процессе, выступлением прокурора в кассационных инстанциях и т. д. Мы думаем, что это облегчит работу прокуроров, но если сами прокуроры не проникнутся сознанием того, что судебная работа для них является основной работой, то, конечно, ничего путного не получится.

Все прокуроры должны понять, внедрить в свое сознание, что участие прокуроров в судебной работе есть серьезнейшая политическая работа, и, не выполняя этой работы, прокурор допускает политическое извращение. Судебная ра-

бота должна занять основное место в работе каждого прокурорского работника.

Перехожу к вопросу о работе прокуратуры по общему надзору.

В приказе Прокурора Союза от 17 марта с. т. дана краткая оценка работы органов прокуратуры по общему надзору и указаны те пути, по которым должна строиться работа прокуратуры по общему надзору.

Имеющиеся в распоряжении Прокуратуры Союза материалы показывают, что в работе по общему надзору отсутствует политическая остротность. Органы прокуратуры на местах сплошь и рядом проходят мимо злостных нарушений закона, имеющих целью подорвать проведение в жизнь мероприятий правительства и возбудить недовольство населения.

Мы знаем, из последнего процесса над антисоветским «право-троцкистским блоком», что враги народа стремились путем злостного нарушения советских законов, путем извращения в области налоговой политики и т. д., спровоцировать недовольство населения советской властью. Задача органов прокуратуры не только приносить протесты по отдельным случаям нарушения законов, но суметь во-время вскрыть и ликвидировать контрреволюционные корни этих нарушений.

В своей работе по общему надзору органы прокуратуры не проявляют необходимой инициативы в постановке политических вопросов, вытекающих из материалов по общему надзору.

Неправы были выступавшие здесь прокуроры, когда указывали, что они не знают, не понимают, как надлежит строить свою работу по общему надзору, ибо не имеют на этот счет указаний. Неправы, ибо, как я уже указывал, приказ Прокурора Союза по этому вопросу совершенно конкретно разъяснил методы работы прокуроров по общему надзору. Конечно, этот участок работы очень сложный. Здесь есть опасность размениться по мелочам и ничего не сделать или, наоборот, сузить свою работу в области общего надзора; но, товарищи, на то же вы и прокуроры, ответственные политические работники, чтобы, получив общее направление в работе, общую методологию работы по общему надзору, смогли практически реализовать эти указания в конкретной повседневной живой работе.

Трудно думать, чтобы мы из Прокуратуры Союза или из прокуратуры республики или даже из прокуратуры области могли бы дать вам такой «рецепт», который был бы пригоден на все случаи вашей живой повседневной оперативной работы. Такого «рецепта» нет и быть не может. Районный прокурор должен уметь понять и разобраться в тех постановлениях райисполкомов, сельских советов, в тех постановлениях правлений колхозов и т. д., которые он обязан, согласно нашему приказу, читать, изучать, насколько они правильны, соответствуют закону и, если неправильны, безоговорочно их опротестовывать.

Но беда в том, что районные прокуроры до сих пор не читают обязательных постановлений, не знают издаваемых ведомственных приказов, ведомственных инструкций и т. д. Беда в том, что прокуроры до сих пор не проявляют в этом вопросе необходимой инициативы, а ждут того, чтобы их натолкнули на то или иное нарушение законов, тогда они иногда зашewe-

лется. Я говорю, иногда зашевелился, потому что мы имеем немало примеров того, что даже после того, когда прокурору «прямо в нос» сунут незаконное постановление или приказ, он нос отвернет, незаконного постановления не опротестует.

Почему не опротестовывает? Иногда потому, что не хочет конфликтовать с теми, кто это незаконное постановление вынес; иногда потому, что не понимает—законно или незаконно данное постановление.

Работа по общему надзору требует большой политической подготовленности от каждого прокурорского работника, умения понимать закон, требует знания закона, умения разбираться в законе. Иначе говоря, работа по общему надзору, как вообще вся прокурорская работа, требует огромной работы над собой, требует от каждого прокурора работы по поднятию своей политической и юридической квалификации.

Здесь кое-кто из выступавших районных прокуроров сетовал на то, что у него нет необходимого законодательного материала. Это не совсем верно, ибо Прокуратура СССР сейчас отпустила средства, необходимые для того, чтобы каждый районный прокурор имел необходимый законодательный материал. Но вообще, ссылаясь на это,—значит расписаться в своей безрукости, в своем бессилии. Если у тебя нет необходимого законодательного материала, то он есть в райисполкоме, и всегда районный прокурор может навести необходимую справку по законодательству, если он по-настоящему желает изучить тот или другой интересующий его в данном случае вопрос.

У меня в распоряжении, хотя я специально и не обследовал работу Тамбовской прокуратуры по общему надзору, имеется несколько обязательных постановлений, подлежащих немедленному опротестованию, а между тем они лежат в папке отдела общего надзора областной прокуратуры без всякого реагирования, а до этого лежали в папке райпрокурора без опротестования. Чем это объяснить? Конечно, не тем, что прокуроры не имели необходимых законодательных материалов. Это объясняется той болезнью, которой страдал весь прокурорский аппарат Тамбовской области—расхлябанностью. Приведу вам только один пример.

Передо мной лежит постановление № 2476 президиума Мичуринского райисполкома Тамбовской области от 2 февраля 1938 г. Я привожу это постановление, во-первых, потому что оно издано Мичуринским райисполкомом, одним из основных районных исполнительных комитетов Тамбовской области, а во-вторых, потому что прокуратура Мичуринского района считается одной из наиболее сильных и зрелых прокуратур Тамбовской области, а между тем и здесь работа по общему надзору поставлена из рук вон плохо.

Это постановление говорит «О порядке взимания платы райветучастком за лечение животных». В этом постановлении вы читаете такие «перлы»:

«За косметические операции собак и кошек, в зависимости от операции от 5 до 25 рублей».

Ну, скажите, товарищи, кто может объяснить, что это за собаки или кошки? Косметические операции? Видимо, операцию, и не только косметическую, надо проделать в мозгах тех, которые это постановление писали, и в мозгах того

прокурора, который это постановление с февраля месяца не опротестовал.

В этом же постановлении дальше указано: «За кастрацию котом во внеурочное время—10 рублей» и т. д.

Вы смеетесь. Смеется по всей вероятности и прокурор Мичуринского района. Это было бы смешно, если не было бы печально. Почему мичуринский районный прокурор, почему тамбовский областной прокурор до настоящего времени это глупейшее постановление не опротестовали? Ответ ясен. Не опротестовали потому, что работали по-обломовски, работали по-обывательски, потому что работали безобразно, работали не как прокуроры-большевики, а как мешчане-обыватели.

В Прокуратуре Союза разрабатывается сейчас приказ о перестройке работы прокуратуры по всем линиям, в том числе и по общему надзору. В этом приказе еще раз совершенно конкретно, так же, как это было и в приказе Прокурора Союза от 17 марта 1938 г., будет сказано о задачах, методах и системе работы прокуратуры по общему надзору.

Необходимо, чтобы прокурор знакомился со всеми обязательными постановлениями соответствующих исполнительных комитетов и немедленно опротестовывал бы те из них, которые содержат нарушение законов, добиваясь рассмотрения протестов в минимальные сроки.

Необходимо усилить, связанные с работой по общему надзору, выезды на места, знакомиться при этих выездах с протокольными постановлениями сельсоветов, с постановлениями правлений колхозов и общих собраний колхозов, опротестовывая на месте все незаконные постановления и добиваясь немедленного рассмотрения приносимых протестов.

Необходимо привлечь юрисконсультов государственных и общественных учреждений и предприятий в помощь прокуратуре для получения от них сигналов о нарушениях законов в различных ведомственных инструкциях и приказах.

Если в таком направлении будет перестроена работа по общему надзору, то, я думаю, мы сможем выполнить требования, предъявляемые нашей партией, нашим правительством к прокурорской системе в борьбе за государственную дисциплину.

Вот те основные вопросы, на которых я считал необходимым остановиться в своем выступлении на этом совещании.

Я кончаю и думаю, что с полным правом смогу доложить Прокурору Союза т. Вышинскому, что в итоге нашего совещания,—в работе органов прокуратуры Тамбовской области будет настоящий действительный и полный перелом, что работники прокуратуры Тамбовской области по-настоящему, по-большевистски, поднимут свою работу на высоту тех требований, которые к ним предъявляются Великой Сталинской Конституцией, нашей великой Сталинской эпохой.

Я уверен, что каждый работник Тамбовской прокуратуры будет так работать, что к нему смогут быть отнесены слова великого вождя товарища Сталина о том, что кто работает хорошо и дает обществу то, что может дать, той герой труда и овеян славой.

Разрешите надеяться, что вы будете работать так, что явитесь героями труда и будете овеяны славой.

Судебное следствие, как важнейшая стадия уголовного процесса

Демократические принципы уголовного процесса: гласность, состязательность, устность и непосредственность находят свое наиболее полное выражение в стадии судебного рассмотрения дела. Поэтому во всяком демократическом государстве именно эта стадия процесса, а не стадия предварительного расследования должна являться основной и решающей.

Однако там, где демократизм государственной власти имеет показной, лицемерный, однобокий характер, как это имеет место в буржуазно-демократических странах, там и упомянутые выше демократические принципы уголовного процесса неизбежно становятся такими же показными, лицемерными и однобокими. Только там, где все государственное устройство построено на принципах подлинного, последовательно проведенного демократизма, и в уголовном процессе демократические принципы гласности, состязательности, устности и непосредственности находят свое полное осуществление. Это может иметь место только в социалистическом государстве.

На этом положении, сформулированном т. Вышинским в его сообщении «О некоторых юридических вопросах, возникающих в связи с процессом антисоветского право-троцкистского блока», сделанном 2 апреля 1938 г. в Институте права Академии наук СССР, необходимо остановиться особо.

В условиях феодального общества, при господствовавшей в нем «дисциплине палки» (Ленин), когда ни о какой демократии не было и разговора, упомянутые выше демократические процессуальные принципы категорически отвергались.

При господствовавшем в тот период розыском типе процесса судебное следствие вообще не имело места; дела решались исключительно по письменным материалам предварительного расследования. К чему сводилась при этих условиях роль суда, можно судить как по высказываниям теоретиков той эпохи, так и по примерам из судебной практики.

«Уголовный суд должен быть судом коллегиальным,— писал один из виднейших представителей процессуальной науки дореформенной России Я. Баршев,— и приговоры его составляются только посредством подачи голосов каждым его членом. Поэтому по самому свойству дела уголовного суда каждый член его должен бы сам прочитывать и изучать те акты, которые должны служить основанием приговора; но потому что это невозможно без большого замедления, вредного для отправления правосудия и для частного интереса, то необходимо, чтобы это дело было поручаемо кому-либо из членов суда с тем, чтобы он, рассмотрев подлинники акты, представил суду выписку, или письменное извлечение из дела в таком виде, чтобы суд был в состоянии так узнать и обсудить подлежащий уголовный случай, как будто бы каждый член его сам читал и изучал подлинники акты его»¹.

¹ Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству, СПб. 1841 г., стр. 225.

Таким образом, теория того времени учила судей не только не производить судебного следствия, но, в целях «быстроты» процесса и соблюдения «правосудия» и «частного интереса»... не читать дел, по которым они выносят приговоры.

На практике члены судов не считали нужным обременять себя работой по составлению извлечений из дел. Это делали секретари. А иногда обходились и без всяких извлечений и докладных записок.

Вот эпизод из деятельности русского дореформенного суда, описанный В. П. Карповым в книге «Харьковская старина» 1830—1860 гг. «Из воспоминаний старожил»:

В 30-х годах в Харькове был арестован крестьянин Трофим Кочанов 18 лет, подозревавшийся в убийстве. Кочанов просидел под стражей 8 лет, а дело его все еще не было рассмотрено судом. Сколько бы он еще просидел — неизвестно, но однажды губерское правление (высший административный орган губернии) предписало срочно разгрузить тюрьму, так как ожидалось прибытие новой партии заключенных. В уголовной палате начали просматривать заготовки дел (где уж тут просматривать самые дела!) и откладывать к немедленному решению те из них, которые тянулись... более 5 лет. В числе этих дел попало и дело Кочанова. Между председателем уголовной палаты и секретарем произошел следующий диалог:

«И зачем вы задерживаете такие старые дела?» — с неудовольствием говорил председатель уголовной палаты своему секретарю.

«Тут недостает свидетельского показания о его умственных способностях», — ответил секретарь.

«Какие там умственные способности? — нетерпеливо возразил председатель, — подсудимый видимый дурак! Сегодня же напишите резолюцию: наказать его 50 ударами плетей через палача и сослать в каторжные работы на 20 лет. Вы знаете, что нам нужно очистить в остроге место для нового этапа»¹.

Что подобный «метод» решения дел не был в ту эпоху исключением, можно судить по другому весьма яркому примеру, приводимому М. Н. Колмаковым в его статье «Старый суд»:

Начальник корпуса жандармов Дубельт в целях понудить суды к «неотлагательному решению» залежавшихся дел разослал на места жандармских офицеров, которым дал приказание не выезжать из города, пока все дела в судах не будут рассмотрены. «Явился жандарм в палату,— описывал Колмаков осуществление этого мероприятия,— и настойчиво требовал исполнения объявленного им поручения. Председатель задумался как быть и что делать? Засим велел принести из канцелярии все дела. Потом взял одно дело и, поднеся его к своим глазам, или, лучше сказать,— к носу, объявил:

¹ У. с., стр. 346. Цит. по статье Бочкарева «Дореформенный суд» в сборнике «Судебная реформа» под редакцией Н. В. Давыдова и Н. Н. Полянского, т. I, стр. 230—231.

решение суда утвердить¹ и положил его на правую сторону. Потом взял другое дело и, делая те же движения, заявил: решение суда отменить. Затем при тех же приемах начал быстро откладывать дела то направо, то налево, выкрикивая: утвердить, отменить и т. д. По окончании сего жандарм уехал с донесением, что все дела в палате решены².

Для нас теперь такие случаи выглядят скверными анекдотами. Но в ту эпоху они являлись нормальным методом террористической расправы феодального суда, которому было совершенно безразлично, виноват ли в чем-либо тот или иной обвиняемый, лишь бы нагнать побольше страха на закрепощенные трудящиеся массы.

Нельзя не удивляться наглости некоторых вредителей, пробравшихся в ряды работников советской правовой теории, которые позволяли себе открыто заявлять (Ундревич), что инквизиционная форма процесса, к которой относятся приведенные выше примеры, близка к советскому уголовному процессу.

По сравнению с этим типом процесса буржуазно-демократический уголовный процесс, который ввел форму гласного и состязательного судебного следствия, бесспорно являлся значительным шагом вперед, как и вообще вся буржуазная демократия являлась шагом вперед по сравнению с феодализмом.

«По сравнению с феодализмом,— писал Ленин в статье «Ответ на вопросы американского журналиста»,— капитализм был всемирно-историческим шагом вперед по пути «свободы», «равенства», «демократии», «цивилизации». Но тем не менее капитализм был и остается системой наемного рабства, порабощения миллионов трудящихся, рабочих и крестьян ничтожному меньшинству современных («modernes») рабовладельцев, помещиков и капиталистов. Буржуазная демократия изменила форму этого экономического рабства, по сравнению с феодализмом, создала особенно блестящее прикрытие для него, но не изменила и не могла изменить его сущности»³.

Провозглашенные буржуазной уголовно-процессуальной теорией принципы гласности, состязательности, устности и непосредственности процесса являлись таким же блестящим прикрытием подлинной угнетательской сущности этого процесса.

Буржуазия создала в континентальной Европе так называемый смешанный уголовный процесс, состоящий из предварительного расследования, построенного по принципам розыскного, инквизиционного процесса, и судебного рассмотрения, построенного по типу состязательного процесса.

Угнетательская природа этого процесса не бросается так ярко в глаза, как в уголовном процессе времен феодализма, но она тем не менее не только существует, но и составляет подлинную душу буржуазного уголовного процесса.

Предварительное расследование осталось инквизиционным не только по форме, но и по существу. Вот как характеризует эту стадию французского процесса (а французский процесс, как известно, послужил образцом для всех буржуазных государств континентальной Европы) французский же буржуазный автор Левелье:

«Право Людовика XIV под именем кодекса 1808 г. еще управляет Францией. Только некоторые слова изменились: уголовный лейтенант 1670 г.¹ сделался следственным судьей, но он сохранил все его права и осуществляет их в тех же самых условиях, как и в 1670 г. Это — магистрат, который единолично, при закрытых дверях, собирает все доказательства; от XVII до XIX в. он потерял по дороге только одно из своих полномочий: он не может более продолжать обвиняемого пытке, следствие не продолжается более вплоть до пролития крови. За исключением этой детали, уголовный лейтенант 1670 г. и современный следственный судья — родные братья».

Судебное рассмотрение вообще и судебное следствие, в частности, были построены иначе. В этой стадии демократические принципы гласности, состязательности, процессуального равенства сторон, устности и непосредственности были выражены, но они были выражены неполно, односторонне, так что действительную возможность использовать их имели только богатые.

В силу принципа гласности процесса каждый гражданин мог прийти в суд. Закон не делал из этого правила никаких исключений, рабочий, повидимому, мог воспользоваться этим правом так же, как и буржуа. Но судебные заседания происходили в центре города и в рабочее время. Поэтому фактически рабочий, прикованный к станку узами договора найма, не мог воспользоваться этим правом, тогда как буржуа, свободно располагавший своим временем, имел к тому полную возможность.

В силу принципа состязательности и процессуального равенства сторон и обвинитель и обвиняемый имели, как будто бы, равную возможность отстаивать на суде свою точку зрения. Но буржуазные процессуальные кодексы содержали в себе такие оговорки, которые существенно ограничивали эти демократические принципы.

Так например, согласно ст. 573 Устава уголовного судопроизводства царской России, суд не мог отказать прокурору в его «требовании» о вызове в суд тех или иных свидетелей, тогда как согласно ст. 575 того же кодекса «ходатайство» о том же обвиняемого подлежало обсуждению суда. Характерна уже разница в терминологии, не говоря о громадном значении по существу указанного различия для осуществления обвинителем и обвиняемым своих процессуальных прав.

Но даже и в тех случаях, когда закон не устанавливал, как в приведенном примере, формального неравенства между сторонами, такое неравенство в громадном большинстве случаев существовало и существует фактически. Оно является следствием неравенства сил сторон. Обвинение всегда представлено прокурором

¹ Речь идет об уголовной палате, являвшейся судом 2-й инстанции.

² «Русская старина» за 1886 г., кн. 12, стр. 533—534.

³ Ленин, т. XXIV, стр. 404 (курсив подлинника).

¹ В 1670 г. был издан известный ординар Людовика XIV, содержавший подробно разработанные процессуальные нормы инквизиционного процесса.

(по крайней мере по всем наиболее серьезным делам), обладающим и теоретической и практической подготовкой. Обвиняемый же, в большинстве случаев, несведущ теоретически и неопытен практически. При крайней сложности процессуальных форм буржуазного процесса, в котором всякое процессуальное действие, совершенное не в надлежащий момент и не в подлежащей форме, признается недействительным, недостаток юридической подготовки имеет громадное значение. Чтобы компенсировать этот недостаток путем приглашения опытного защитника, нужны большие средства.

Таким образом, только богатый обвиняемый может фактически использовать преимущества, которые дает ему состязательная форма процесса, только богатый обвиняемый может сражаться на суде равным оружием с обвинителем.

«Принцип равенства,—писал Ф. Энгельс,—устраивается ограничением его «простым равенством перед законом», которое означает равенство, несмотря на неравенство между богатыми и бедными,—равенство в пределах существующего неравенства,—которое в сущности не означает ничего, кроме того, что неравенство называется равенством»¹.

Ни настоящей гласности, ни настоящей состязательности, ни подлинного равенства сторон даже в самой демократической буржуазной стране нет и быть не может.

Тем не менее, судебное следствие, при всех ограничениях процессуальной демократии, существующих во всех буржуазных странах, все же дает обвиняемому относительно большие возможности для защиты, чем предварительное следствие, построенное на чисто инквизиционных началах.

Поэтому реакционные течения в теории буржуазного уголовного процесса были направлены на всемерное ограничение судебного следствия за счет перенесения центра тяжести процесса на предварительное следствие. Вот как ставил этот вопрос известный итальянский криминалист, впоследствии примкнувший к фашистской партии, Э. Ферри:

«Допустим, что доказательства на предварительном следствии собраны, причем мы не будем настаивать на доктринерских преувеличениях и требовать полной гласности; однако следует допустить известное (подчеркнуто мною.—С.Г.) участие самого подсудимого, в особенности в том, что касается установления на месте материальных фактов. Теперь переходим ко второй стадии процесса, то есть к обсуждению доказательств в публичных прениях на суде»².

Таким образом, Ферри хотел совершенно уничтожить судебное следствие. Границу между предварительным расследованием и судебным рассмотрением дела он видел в том, что собранные доказательства—всецело задача предварительного следствия, а задача суда—рассмотрение и оценка этих доказательств. Если бы это предложение было проведено в жизнь, судебное заседание должно было бы начинаться прямо с прений сторон.

Представители либеральных течений буржуазной процессуальной теории, отражавшие настроения мелкой буржуазии и некоторых слоев бур-

жуазной интеллигенции, наоборот, видели в присяжных заседаниях более надежных выразителей этих настроений, чем в чиновнике-следователе. Поэтому они стремились всемерно сузить объем и задачи предварительного следствия и перенести центр тяжести процесса на судебное следствие.

Наиболее отчетливо эта точка зрения была выражена в положениях Соединенной комиссии русской группы Международного союза криминалистов и Петербургского юридического общества в 1902 г.:

«Предварительное следствие должно ограничиваться выяснением дела лишь настолько, насколько это необходимо для решения вопроса об открытии по делу окончательного заседания. Не следует на предварительном следствии стремиться делать то, что с успехом может быть сделано на следствии судебном».

«Блестящее прикрытие» (Ленин), которое буржуазия набрасывала на созданное ею экономическое рабство и на такое сильное средство обеспечения этого рабства, как уголовный процесс, очень быстро потусклоло и износилось. После империалистической войны в целом ряде капиталистических государств это прикрытие стало окончательно распознаться по всем швам и было отброшено в сторону за ненадобностью. Из-за него открыто выглянула зверская морда фашизма.

На интересующем нас вопросе это отразилось тем, что в фашистских государствах был взят курс, во-первых, на всемерное ограничение судебного следствия за счет расширения объема и задач предварительного расследования, а во-вторых—на вытравление из остатков судебного следствия элементов гласности, состязательности, неопределенности и устности процесса.

9 августа 1932 г. в Германии правительством фон-Папена был издан чрезвычайный указ об исключительных судах, полностью использованный впоследствии Гитлером. § 14 этого указа гласит: «Исключительный суд может отказаться от рассмотрения тех или других доказательств, если он придет к убеждению, что таковое рассмотрение не требуется для выяснения дела». «Занесение показаний,—говорится в § 16 того же указа,—в протокол судебного заседания не является обязательным».

По тому же пути всемерного сжатия судебного следствия идет и законодательство фашистской Италии. Уголовно-процессуальный кодекс 1930 г. производство экспертиз переносит целиком в стадию предварительного следствия. На председателя суда возлагается специальная обязанность в стадии подготовительных к суду распоряжений сокращать «слишком обильный» список вызываемых в суд свидетелей. Чрезвычайно характерно, что закон говорит не о проверке председателем этого списка, а именно о его сокращении, и тем прямо ориентирует председателей судов на всемерное сжатие судебного следствия.

Применение же всякого рода мер вроде «превентивных арестов» в Германии, «мер безопасности» в Италии и т. п. производится вообще без всякого судебного следствия.

Такая тенденция фашистских законодателей понятна. Гласное и состязательное судебное следствие всегда сопряжено с необходимостью, во-первых, в той или иной мере подвергать действия суда контролю общественного мнения, а во-

¹ Маркс и Энгельс, т. V, стр. 19—20.

² Уголовная социология. М. 1908 г., стр. 481.

вторых, — предоставить обвиняемому возможность разоблачать искусственность, подстроенность обвинения. Так называемый Лейпцигский процесс по делу о поджоге рейхстага служит яркой иллюстрацией того, какое значение имеет гласное и состязательное судебное следствие даже тогда, когда оно проводится в фашистском суде. Благодаря принципу состязательности, признаваемому германским уголовно-процессуальным кодексом 1877 г., который гитлеровское правительство к тому времени еще не успело окончательно исклечить, т. Димитров смог разоблачить все происки авторов этого процесса и доказать, кто был действительным виновником поджога рейхстага. Благодаря гласности, в которой протекал этот процесс, несмотря на все попытки фашистских «вождей» ограничить эту гласность (представители советской прессы, как известно, вопреки закону, не были допущены на этот процесс), разоблачения, сделанные т. Димитровым, стали известны всему миру, и фашистские судьи были вынуждены, скрежеща зубами, вынести обвиняемым коммунистам оправдательный приговор.

Именно боязнь гласности и состязательности помешала фашистским тюремщикам вынести «дело» т. Тельмана на публичный суд. Темные дела не любят яркого света, их удобнее творить в полицейских застенках, чем в зале суда.

Уже из этого краткого обзора вопроса о судебном следствии в уголовном процессе эксплуататорских стран ясно, что гласное и состязательное судебное следствие является демократической формой процесса и что в условиях капиталистических государств принципы гласности и состязательности, лежащие в основе этой формы процесса, никогда не могут быть осуществлены вполне последовательно и всесторонне. Это возможно только в условиях социалистического государства.

«Но что такое демократия? — говорил товарищ Сталин в докладе о проекте Конституции Союза ССР на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов 25 ноября 1936 г. — Демократия в капиталистических странах, где имеются антагонистические классы, есть в последнем счете демократия для сильных, демократия для имущего меньшинства.

Демократия в СССР, наоборот, есть демократия для трудящихся, т. е. демократия для всех...

Вот почему я думаю, что Конституция СССР является единственной в мире до конца демократической конституцией»¹.

Сталинская Конституция бесспорно подняла советскую демократию на новую, высшую ступень. Но и до издания этой Конституции советское государство было неизмеримо демократичнее самых демократических буржуазных государств. 20 июля 1919 г. в «Ответе на вопросы американского журналиста» Ленин писал: «Американская буржуазия обманывает народ, хвалясь свободой, равенством, демократией в ее стране. Но ни эта, ни какая иная буржуазия, ни одно правительство в мире не сможет принять, побояться принять состязание с нашим правительством на началах действительной свободы, равенства, демократии; допустим, договор обеспечивает за нашим правительством и за любым иным свободу обмена... брошюрами, от имени правительства издаваемы-

ми на любом языке и содержащими текст законов данной страны, текст конституции, с объяснениями ее превосходства над другими.

Ни одно буржуазное правительство в мире не осмелится пойти на такой мирный, цивилизованный, свободный, равный, демократический договор с нами»¹.

Совершенно ясно, что гласное и состязательное судебное следствие как наиболее демократическая форма уголовного процесса должно было являться решающей стадией в уголовном процессе наиболее демократического государства.

Отдельные временные ограничения в этом отношении были возможны постольку же, поскольку вообще были возможны и необходимы отдельные временные ограничения демократических принципов, как например, ограничения всеобщности избирательного права. Но, допуская такие ограничения, ни Ленин, ни Сталин никогда не утверждали, что именно в них сущность социалистического государства. Наоборот, и Ленин и Сталин всегда подчеркивали временный характер подобных ограничений, их историческую обусловленность.

Пробравшиеся в ряды работников советской юстиции, в ряды работников теории социалистического права изменники и предатели, Пашуканис, Крыленко и другие, проводя на правовом фронте вредительские задания троцкистско-бухаринских «центров» и «блоков», один из своих главных ударов направили именно на судебное следствие. Они стремились обосновать в теории и провести на практике всемерное ограничение роли судебного следствия, хорошо понимая, что именно в этой стадии процесса заложены наибольшие возможности для достижения основных целей советского уголовного процесса, как в отношении обеспечения правильности решения дела по существу, так и в отношении массового воспитательного эффекта процесса.

Пашуканис характеризовал состязательный процесс как «сделку» государства с преступником, являющуюся отражением рыночных отношений капиталистического общества. Гласность процесса он изображал как возможность для каждого проверить, что эта «сделка» совершается по всем правилам. Право на защиту он истолковывал как возможность воспользоваться при заключении такой сделки услугами опытного «судебного дельца» — на подобие биржевого маклера.

Крыленко пытался претворить эти «теоретические» положения в жизнь. В своих тезисах по реформе УПК, утвержденных в июне 1927 г. коллегией Народного комиссариата юстиции РСФСР, он характеризовал наш процесс как «сделку» с буржуазного процесса и прямо призывал практических работников юстиции не соблюдать процессуальных норм как буржуазных по своему характеру.

Вот что было написано в п. 4 этих тезисов: «Чрезвычайная сложность и мелочность детализации процессуальных технических норм привела на деле к тому, что в лучшем случае эти нормы частично перестали соблюдаться, в большинстве же они воспитали в судьях и народных заседателях фетишистское преклонение перед буквой, отстраняя на задний план им-

¹ Сталин, Доклад о проекте Конституции СССР, Партиздат, 1936 г., стр. 35.

¹ Ленин, т. XXIV, стр. 405.

² Подчеркнуто мною. — С. Г.

пульс непосредственного правотворчества, а иной раз и соображения здравого смысла»¹.

Таким образом, процессуальный закон объявлялся техническими правилами, а несоблюдение закона — лучшим образом действий советского суда.

Выработанный на основе этих тезисов тем же Крыленко проект уголовно-процессуального кодекса 1927 г. всемерно ограничивал объем и задачи судебного следствия и право обвиняемого на защиту.

Вопрос о допущении защитника по делам, подсудным губернскому суду, по этому проекту решал прокурор, причем проект признавал возможным не допускать защитника, несмотря на участие в деле прокурора.

Судебное следствие сводилось к минимуму: в судебное заседание должны были вызываться только те свидетели, показания которых почему-либо вызвали у суда сомнения (поразительное сходство с сокращением «слишком обильного» списка свидетелей по итальянскому фашистскому УПК). На основании протокола допроса свидетеля на предварительном следствии можно с успехом решить вопрос, важны эти показания для дела или не важны. Но решить, вызывают ли они сомнения или нет, не допросив данного свидетеля, в большинстве случаев невозможно. Между тем, проект 1927 г. ставил решение вопроса о вызове в суд того или иного свидетеля в зависимости не от значения его показаний для дела, а только от «сомнительности» этих показаний: свидетели, показания которых могли иметь решающее значение для дела, не подлежали вызову в суд, если протокол допроса их на предварительном следствии был более или менее гладко написан.

Прения сторон из процесса исключались. Поразительное сходство этих крыленковских предложений с предложениями Э. Ферри и с фашистским законодательством бросается в глаза. Между тем, эта фашистская стряпня выдавалась за социализм высшей марки. Вредители крыленковско-пашуканисовского «блока» выбросили из процесса все лучшее, что было создано в свое время буржуазной демократией, и старались подсушить советской юстиции вместо того «теорией» периода разложения капитализма и фашистскую практику.

Благодаря бдительности ЦК и правительства проект этот не стал законом. Но пробравшимся в Наркомюст РСФСР вредителям удалось все же контрабандой протащить кое-что из своих вредительских проектов в форме ведомственных директив. В 1929 г. уголовно-кассационной коллегией Верховного суда РСФСР было издано особое инструктивное письмо «об упрощении процесса». В этом письме давались указания, рассчитанные на то, чтобы дискредитировать советский суд, уронить его авторитет в глазах народа, ослабить организующее воздействие процесса. К этой цели был направлен целый ряд содержащихся в этом письме указаний, относившихся как к форме, так и к существу работы суда.

«Сохранявшиеся от дореволюционного суда обряды, — говорилось в этом письме, — ввиду вставания публики при появлении суда и т. п. не нужны для поддержания авторитета и до-

стоинства советского суда, как создающие ненужную принудительную торжественность, не соответствующую природе нашего суда.

УКК предлагает судам обрядовую сторону ведения судебных заседаний по возможности приблизить к обычным формам ведения заседаний»¹.

Бесспорно, что авторитет советского суда покоится на существовании его деятельности, направленной на защиту действительных интересов народа. Но бесспорно также и то, что внешняя форма деятельности суда должна соответствовать важности стоящих перед ним задач и тому высокому авторитету, которым должен пользоваться суд в глазах населения. Суд выносит свои приговоры именем государства, и нет никаких оснований, почему бы трудовой народ Советского Союза должен был относиться к своему государству и к своему суду с меньшим уважением, чем буржуазия относится к своему суду и к своему государству.

Кроме того, «обычные формы ведения заседаний» неприемлемы для суда также и потому, что особый характер процессуальной деятельности и состязательность процесса требуют и особых форм судебного заседания. Для того чтобы провести судебное следствие так, чтобы всесторонне выяснить дело и чтобы судебный процесс осуществил бы то массовое воспитательное воздействие, которое составляет одну из его важнейших задач, нельзя вести судебное заседание так, как ведется, например, производственное совещание или заседание фабзавкома.

Осуществление цитированных выше указаний инструктивного письма об упрощении процесса не могло не отразиться самым отрицательным образом не только на чисто внешней стороне работы суда, но и на существе этой работы.

Но авторы письма и не предполагали ограничиваться чисто внешней, обрядовой стороной работы суда. Они прямо ориентировали суды на сжатие судебного следствия, на ограничение применения таких основных процессуальных принципов, как принцип непрерывности судебного заседания.

«По каждому делу все подлежащие исследованию доказательства могут быть разделены на спорные и бесспорные. Суд обязан проверять все спорные моменты дела» (из того же инструктивного письма). Что такое «спорные» и что такое «бесспорные» доказательства? Сплошь и рядом обстоятельства, представляющиеся бесспорными по материалам предварительного следствия, оказываются весьма спорными при исследовании их на судебном следствии. Ни один серьезный следователь не направит дела в суд, пока он не выяснит методами предварительного расследования все те моменты, которые по материалам самого предварительного следствия представляются спорными. При этих условиях наличие в деле таких моментов, «спорность» которых была бы ясна уже по материалам предварительного расследования, могло встретиться сравнительно редко. Указания инструктивного письма по этому вопросу выражали те же самые крыленковские установки на всемерное сжатие судебного следствия, на которых он строил свой проект УПК 1927 г.

¹ Ежегодник советской юстиции, 1927 г., № 47, стр. 1471.

¹ Сборник разъяснений Верховного суда РСФСР, изд. 2, 1931 г., стр. 490 и сл.

«Разрешая эти вопросы (т. е. вопросы об объеме исследования дела на суде.— С. Г.),—говорилось далее в том же письме,—суд в судебном заседании обязан, во-первых, ограничиваться проверкой действительно спорных моментов по делу, а, во-вторых, в таком порядке исследовать доказательства, который в случае отложения дела, гарантировал бы наименьший объем второго судебного следствия по делу. Особенное значение это имеет в отношении порядка допроса свидетелей. Если в процессе судебного следствия выяснились обстоятельства, требующие отложения дела, то суд обязан сделать до отложения его все возможное, чтобы избежать необходимости передопроса уже допрошенных свидетелей на втором судебном следствии». Таким образом, авторы письма, отбрасывая в сторону принцип непрерывности судебного заседания, ясно выраженный в ст. 258 УПК РСФСР и в соответствующих статьях УПК других союзных республик, рекомендовали дробить судебное заседание на две части: в первой передопросить всех вызванных свидетелей, а во второй, может быть через месяц и более, выполнить только те действия, из-за которых было отложено дело.

Такое дробление судебного заседания не могло не иметь самых отрицательных последствий для всего процесса. Прежде всего, как будет указано ниже, непрерывность судебного следствия является одним из главных преимуществ его перед предварительным следствием, непрерывность судебного следствия обеспечивает более глубокое и более всестороннее исследование дела по существу. Кроме того, только непрерывно проведенный судебный процесс может дать большой массово-политический эффект.

От первой части судебного следствия, поскольку она остается незавершенной, ждать такого эффекта не приходится. Что же касается второй части, то если она и может дать какой-либо эффект, то только отрицательный. Судебная аудитория, не слышавшая первой части судебного следствия, не поймет сущности дела, приговор суда, хотя бы и правильный по существу, покажется ей необоснованным, и она вынесет из суда только сомнения в правосудности этого приговора.

Инструктивное письмо 1929 г., конечно, далеко уступало по своей «насыщенности» проекту УПК 1927 г., вредительские установки были в нем разбросаны среди многочисленных оговорок всякого рода, но нет сомнения, что осуществление установок этого письма вело к снижению качества советского уголовного процесса, к уменьшению его эффективности, к умалению авторитета советского суда в глазах трудящихся. Все это достигалось, главным образом, путем указаний, направленных на ограничение и дезорганизацию судебного следствия.

Уже из того, что явные и тайные фашисты и их пособники всемерно стремятся к ограничению роли судебного следствия, можно прийти к выводу, что в уголовном процессе социалистического государства судебному следствию должно принадлежать основное место.

Но к тому же выводу можно прийти не только путем такого доказательства «от противного», но и путем анализа того положительного значения, которое имеет эта стадия процесса.

Сущность судебного следствия заключается в исследовании судом фактических обстоятельств дела путем проверки доказательств на началах

гласности, устности, состязательности, непосредственности и непрерывности. Возникает вопрос: не является ли вся эта работа бесполезным повторением того, что уже было проделано на предварительном следствии? Не следует ли, как предлагал Э. Ферри, перенести всю работу по установлению фактических обстоятельств дела в стадию предварительного следствия, ограничив роль суда только оценкой уже установленных фактов?

Не следует ли, с другой стороны, как это предлагали буржуазные процессуалисты либерального толка, устранить такое повторение одной и той же работы, путем всемерного ограничения объема предварительного расследования?

В наших условиях к этим вопросам добавляется еще один вопрос: если в капиталистических странах повторное исследование фактических обстоятельств дела на суде, перед лицом присяжных, могло быть оправдано недоверием к чиновничьему аппарату предварительного расследования, то есть ли в этом надобность у нас, при полном отсутствии оснований не доверять органам расследования?

Такая надобность безусловно есть, и предложения по этому вопросу буржуазных процессуалистов всех направлений для нас абсолютно неприемлемы.

В социалистическом государстве этот вопрос решается в совершенно другой плоскости, чем та, в которой двигалась мысль буржуазных процессуалистов. У нас дело не в том, что суд заслуживает больше доверия, чем органы предварительного расследования, или — наоборот. И судебные органы и органы расследования являются у нас органами диктатуры рабочего класса, и те и другие пополняются из представителей тех же трудящихся, и те и другие защищают одни и те же интересы. Дело в том, что они работают различными методами.

Исследование дела на предварительном следствии неизбежно растягивается на более или менее продолжительный период времени. Вполне возможно, что следователь допросит свидетеля А., допустим, 1 марта, а свидетеля Б., дающего показания по тому же вопросу, — 1 апреля. Какой бы памятью ни обладал следователь, как бы хорошо он ни запротоколировал показания свидетеля А., он не может уловить всех мельчайших различий в деталях, в оттенках показаний этих двух свидетелей. А всем опытным судебным работникам хорошо известно, что очень часто именно какая-нибудь деталь является концом той нити, которая ведет к раскрытию преступления. На суде свидетели А. и Б. будут всегда допрошены немедленно один за другим, что дает суду возможность с гораздо большей точностью уловить всякие расхождения в их показаниях.

Все участники процесса проходят перед следователем по одиночке. Лишь в сравнительно редких случаях два лица сходятся вместе на очной ставке. На суде все участники процесса оказываются собранными в одно время и в одном месте. А это дает такие возможности исследования дела, которыми предварительное следствие не располагает.

Образцом таких возможностей является тот метод постановки ряду обвиняемых одного и того же вопроса или нескольких, вытекающих один из другого, вопросов, который с таким

блестящим успехом был применен т. Вышинским на ряде больших политических процессов последнего времени¹.

Вот пример применения такого метода допроса на процессе антисоветского «право-троцкистского» блока:

На вечернем заседании 5 марта Бухарин заявил, что он ничего не знал о готовящемся злодейском убийстве С. М. Кирова. Тов. Вышинский тут же поставил вопрос о том же Рыкову. Рыков также заявил, что о плане убийства Кирова он не знал, но на вопрос о его преступных связях с Енукидзе дал уклончивый ответ. Тогда т. Вышинский путем постановки подсудимому Ягода ряда вопросов о том, при каких обстоятельствах происходила подготовка к убийству С. М. Кирова, полностью изобличил Бухарина и Рыкова в том, что им не могло не быть известно об этой подготовке.

Применить такой метод допроса на предварительном следствии возможно лишь в процессе очных ставок.

Громадное значение имеет состязательный характер судебного следствия. Впервые на суде обвиняемый получает возможность присутствовать при всех следственных действиях, задавать вопросы, сразу же давать объяснения по поводу каждого выявленного на суде обстоятельства. Этого нет и не может быть в таком объеме на предварительном следствии. В условиях перекрестного допроса могут быть выявлены такие факты, которые могли остаться незамеченными на предварительном следствии даже при самом добросовестном отношении к делу со стороны следователя.

Гласность процесса потеряла бы всякое значение, если бы на суде не происходило развернутого судебного следствия. Громадное воспитательное значение судебного процесса объясняется, главным образом, тем, что в отношении фактов, исследуемых на суде, никто никому не должен верить на слово. Каждый, следящий за ходом процесса, сам убеждается в существовании тех фактов, которые доказаны на суде. Приговор является для каждого участника судебной аудитории убедительным не только потому, что он верит суду, а потому, что он сам видел и слышал те доказательства, которые лежат в основе этого приговора. Устранить или ограничить судебное следствие значит, подорвать ту основу, на которой зиждется убедительность приговора и массово-политический эффект процесса.

Процесс антисоветского «право-троцкистского блока» может служить яркой иллюстрацией правильности приведенных выше положений. Как правильно отметил профессор Строгович в своем выступлении по докладу т. Вышинского «О некоторых юридических вопросах в связи с процессом антисоветского право-троцкистского блока», предварительное следствие по этому делу было проведено органами государственной безопасности с исключительной тщательностью, полнотой и всесторонностью, но это ни в какой мере не уменьшило значения судебного следствия по этому делу. Нет никакого сомнения, что процесс этот далеко не дал бы того потрясающего эффекта во всем мире, который получился в действительности, если бы суд, по рецепту Ферри —

Крыленко, ограничился по этому делу одной только оценкой фактов, установленных предварительным следствием.

Таким образом, судебное следствие вовсе не является простым повторением предварительного расследования. Это — новое, самостоятельное исследование дела, производимое другими методами, другими органами и в другой обстановке и являющееся важнейшей стадией всего уголовного процесса¹.

Но для того чтобы судебное следствие дало все те результаты, которые оно может дать, оно должно быть правильно организовано. Основные вопросы правильной организации судебного следствия сводятся к следующим трем вопросам: 1) вопрос об объеме судебного следствия, 2) вопрос о взаимоотношении суда и сторон во время судебного следствия и 3) вопрос о значении судебного следствия для массово-политического эффекта процесса.

Решение вопроса об объеме судебного следствия ясно уже из того, что было сказано выше по поводу вредительских «теорий» о сжатию судебного следствия. При решении вопроса, следует или не следует рассмотреть на судебном следствии то или иное доказательство, надо исходить только из соображения о том, имеет ли данное доказательство существенное значение для дела или не имеет, а отнюдь не из соображений о «спорности» или «бесспорности» того или иного доказательства. Дело должно быть исследовано на суде в полном объеме. Лишь в том случае, если исследование на суде того или иного доказательства невозможно (например, свидетель, допрошенный на предварительном следствии, умер), или если какое-либо доказательство имеет для дела второстепенное значение, суд может не исследовать такого доказательства, ограничившись использованием материалов предварительного расследования по этому вопросу.

Наш процессуальный закон не ограничивает свободы судейского убеждения формальным требованием всегда отдавать предпочтение данным судебного следствия перед данными предварительного следствия. Если, например, свидетель или обвиняемый показал на предварительном следствии одно, а на суде — другое, суд свободен в выборе того из этих двух противоречащих друг другу показаний, которое он положит в основу приговора. Но для того чтобы иметь возможность такого выбора и чтобы сделать этот выбор вполне обдуманно, нужно, чтобы перед судом были оба показания, то есть, чтобы дан-

¹ Можно сказать, что важнейшей стадией процесса является вынесение приговора. Но приговор в основном предопределяется результатами судебного следствия.

Из изложенного в тексте отнюдь не следует, что мы должны ограничить предварительное расследование за счет судебного следствия. Если судебное следствие отличается рядом преимуществ перед предварительным расследованием, то и последнее имеет ряд собственных ему преимуществ (оперативность, близость по времени и месту к расследуемому событию и др.).

Подробный анализ этих преимуществ выходит за пределы настоящей статьи, но можно смело утверждать, что в нашем процессе нет никаких оснований для каких бы то ни было ограничений предварительного расследования.

¹ Профессор Строгович назвал такой метод допроса «шахматный допрос».

ный свидетель был допрошен на суде, если показания его существенны для дела и если допросить его возможно. То же относится и ко всем другим доказательствам. Некоторые судьи у нас не проверяют на суде заключений экспертов, не производят осмотра вещественных доказательств. Эту практику надо признать в корне неправильной.

Значительно сложнее вопрос о взаимоотношении суда и сторон. Из истории уголовного процесса известно, что при чисто состязательном типе процесса (античная Греция, Рим) вся инициатива по ведению судебного следствия была сосредоточена в руках сторон. Суд в этой стадии процесса играл пассивную роль наблюдателя состязания сторон между собою. Наоборот, при розыскном типе процесса вся инициатива без остатка переходила в руки суда настолько, что стороны вообще вытеснялись из процесса. В смешанном процессе буржуазно-демократических стран степень активности суда и сторон менялась в зависимости от преобладания в той или иной форме процесса инквизиционных или состязательных элементов. Во французском процессе, в котором инквизиционные начала выражены очень сильно, председатель суда ассизов надежен громадной дискреционной властью. Фактически он ведет судебное следствие и своим единоличным распоряжением принимает все меры, которые он находит нужными для направления судебного следствия в ту или иную сторону. На практике во Франции председатель суда ассизов сплошь и рядом выступает в качестве обвинителя, изобличающего подсудимого.

Наоборот, в Англии, где принцип состязательности процесса выражен гораздо сильнее, председатель суда в стадии судебного следствия ограничивается решением вопросов об относимости и допустимости доказательств, предоставляя сторонам инициативу в представлении этих доказательств.

В уголовном процессе капиталистического общества, где противоречие интересов личности и государства является почти общепризнанным фактом (этот факт признают такие крупные процессуалисты, как Гарро во Франции, Липман в Германии и др.), активность суда в проведении судебного следствия всегда проявляется как ограничение активности сторон, в частности — защиты, и наоборот. Этот факт нашел себе теоретическое обоснование в конструкции уголовного процесса как юридического отношения: то, что является правом суда, то составляет обязанность сторон, и наоборот. Единства интересов суда и обвиняемого в уголовном процессе капиталистических государств быть не может.

В нашем процессе этот вопрос разрешается совершенно иначе.

«Непримиримого контраста между индивидуумом и коллективом, между интересами отдельной личности и интересами коллектива не имеется, не должно быть», — говорил товарищ Сталин в беседе с Гербертом Уэллсом. — Его не должно быть, так как коллективизм, социализм не отрицает, а совмещает индивидуальные интересы с интересами коллектива»¹.

В уголовном процессе социалистического государства такое совпадение интересов личности и коллектива имеет место так же, как и во всех

других отраслях нашей государственной и общественной жизни. Необходимо, конечно, оговориться, о каких именно интересах идет речь. Речь идет, само собою разумеется, не об «интересах» диверсанта беспрестанно совершать диверсионные акты, не об интересах бандита, заинтересованного в том, чтобы безнаказанно разбойничать, и т. п. Речь идет об интересах советского гражданина, заинтересованного в выяснении на суде объективной истины. Могут сказать, что и в условиях капитализма такого рода интересы личности тоже совпадают с интересами государства и его органа — уголовного суда. В подавляющем большинстве случаев это будет неверно.

Это будет неверно, прежде всего, в тех случаях, когда правительство по политическим мотивам прямо заинтересовано в осуждении заведомо невиновного, когда для этой цели создаются заведомо подтасованные процессы вроде дела Дрейфуса во Франции, дела Вейлиса в дореволюционной России и т. п.

Но указанное положение о совпадении интересов невинно преданного суду с интересами буржуазного суда будет неверно и в громадном большинстве рядовых уголовных дел. Если по таким делам правительство и не принимает особых мер для подтасовки доказательств, то тот же результат получается вследствие беспомощности обвиняемого и казенно-бюрократического отношения к нему судей — чиновников, представителей чуждого и враждебного ему класса. Художественная литература полна примеров такого рода («Воскресение» Толстого, «Приключение Кренкебиля» А. Франса, «Дело Маурициуса» Вассермана, «Знают что творят» Э. Оттвальда и мн. др.). Это казенно-бюрократическое отношение выражается не в простом равнодушии к судьбе подсудимого-трудящегося.

В нем всегда содержится обвинительная тенденция. Будучи прежде всего органом угнетения, буржуазный суд тем лучше выполнит свою роль, чем больше он вынесет обвинительных приговоров, чиновник ведомства юстиции, будь то прокурор, следователь или судья, при прочих равных условиях тем скорее сделает себе карьеру, чем больше людей, представителей эксплуатируемых классов, он сумеет подвести под удар уголовной репрессии.

В уголовном процессе социалистического государства такое отношение к делу со стороны работников советской юстиции может иметь место лишь в отдельных случаях бюрократических извращений. Оно глубоко противно самой сущности нашего уголовного процесса.

Поэтому в стадии судебного следствия интересы личности, в указанном выше смысле, и интересы общества в равной мере требуют точного установления объективной истины.

Для интересующего нас вопроса это означает, что активность суда и активность сторон при проведении судебного следствия не исключают, а дополняют одна другую. Уголовный процесс есть прежде всего осуществление одной из функций государственной власти. Поэтому суд, на который возложено Конституцией осуществление этой функции, прежде всего несет ответственность за полноту и правильность выяснения дела на судебном следствии. Советский суд не может ограничиться ролью пассивного наблюдателя состязания сторон. Он не может успокаиваться на том, что раз обвинитель или обвиняемый не

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 602.

позаботился о представлении того или иного существенного доказательства, тем хуже для него. Он обязан сам, по своей инициативе, добыть такое доказательство, обязан сделать все, что возможно, для установления истины. Суд является «хозяином процесса» (*dominus litis*).

Но эта активность суда ни в какой мере не должна подавлять активности сторон, являющейся одним из главных проявлений процессуальной демократии. Суд должен не препятствовать, а содействовать проявлению этой активности, поскольку она направлена на действительное выяснение дела. Инициатива суда должна проявляться там и постольку, где и постольку инициатива сторон является недостаточной.

С этой точки зрения и надо решать вопрос о порядке ведения судебного следствия. Один из основных элементов судебного следствия — допрос подсудимого — строится различно по законодательству РСФСР и УССР. Согласно ст. 283 УПК РСФСР допрос подсудимого производится сначала судьями, затем обвинителем, гражданским истцом, защитником и другими подсудимыми.

Согласно ст. 263 УПК УССР допрос подсудимого производится сначала представителями сторон и лишь после этого членами и председателем суда.

Порядок, установленный УПК УССР, несомненно более соответствует указанным выше принципиальным положениям о взаимоотношениях суда и сторон в нашем уголовном процессе, чем порядок, установленный УПК РСФСР.

Кроме того, необходимо учесть и следующее, крайне существенное соображение, которое выдвинул т. Вышинский в своем сообщении «О некоторых юридических вопросах в связи с процессом антисоветского право-троцкистского блока» в Институте права Академии наук СССР.

Допрос обвиняемого на суде вовсе не сводится к механической постановке обвиняемому вопросов и к получению на них ответов. Сплошь и рядом этот допрос превращается в своего рода состязание между допрашивающим и допрашиваемым: требование уточнения уклончивых формулировок ответов допрашиваемого, выявление противоречий в показаниях обвиняемого с прежними его показаниями и с другими доказательствами по делу, выявление несообразностей, содержащихся в показаниях обвиняемого, и т. п. «состязательные» моменты в большинстве случаев неизбежны при правильно проведенном допросе обвиняемого. Если основной допрос обвиняемого ведет председатель суда, как это предусмотрено законодательством РСФСР, то он в этих случаях окажется составляющей стороной, окажется вынужденным принять на себя в той или иной степени роль обличителя, которая никак не вяжется с положением советского судьи в процессе, с обязательным требованием полного беспристрастия суда. Как бы председатель суда ни стремился сохранить такое беспристрастие, по формулировке и по тону его вопросов, по его отношению к ответам обвиняемого, даже если он сумеет воздержаться от всяких реплик, судебная аудитория безошибочно определит, как председатель суда относится к объяснениям обвиняемого. А если судебная аудитория придет к выводу, что у председателя суда в самом начале судебного следствия уже есть определенное убеждение о виновности или невиновности обвиняемого, нельзя рассчитывать на то, что для этой

аудитории приговор суда окажется убедительным. Как бы этот приговор ни был обоснован, у присутствующих в зале суда всегда будет оставаться сомнение, не был ли бы исход процесса иным, если бы председатель суда с самого начала не составил себе определенного преждевременного убеждения по делу.

Совершенно другое дело, если основной допрос обвиняемого ведет прокурор, как это предусмотрено УПК УССР. Состязание между обвинителем и обвиняемым — вполне нормальное явление. Никто не удивится, что прокурор изобличает обвиняемого во лжи, уличает его в противоречиях и т. п.

Наоборот, это дает судебной аудитории основание правильно оценить как обоснованность обвинения, так и убедительность или неубедительность объяснений обвиняемого.

Задавая вопросы последним, председатель суда имеет возможность восполнить все пробелы и неясности, которые остались в деле после допроса обвиняемого представителями обеих сторон. Так как в этом случае председатель суда будет восполнять пробелы, допущенные как обвинением, так и защитой, он сможет при постановке этих дополнительных вопросов сохранить то беспристрастие, которое является обязательным для судьи. Руководящая роль председателя суда этим нисколько не умаляется. Она проявляется, во-первых, в том, что председатель суда руководит допросом, проводимым представителями сторон, устрояя из него все не относящееся к делу, а во-вторых, в том, что своими дополнительными вопросами он по своей инициативе выясняет все обстоятельства, которые суд находит существенными, независимо от того, находят ли их существенными представители сторон.

Все изложенные соображения применимы в равной степени и к допросу свидетелей и экспертов.

Процессы троцкистско-зиновьевского террористического центра, антисоветского троцкистского центра и, в особенности, процесс антисоветского право-троцкистского блока доказали на практике преимущество именно такого построения судебного следствия.

Если бы по этим делам основной допрос обвиняемых вел председатель суда, он был бы вынужден либо принять на себя роль обличителя и тем поставить под сомнение беспристрастность суда, либо отказаться от разоблачения всех уверток обвиняемых, что, несомненно, крайне вредно отразилось бы на полноте и ясности установленной судебным следствием картины.

Последний принципиальный вопрос, который нам необходимо разрешить, это — уже частично затронутый выше, вопрос о значении судебного следствия для обеспечения правильного массово-политического эффекта процесса. Среди некоторых прокурорских и судебных работников распространено мнение, что массово-политический эффект процесса достигается, главным образом, прениями сторон и приговором суда. Вследствие такого взгляда при проведении судебного следствия не думают о судебной аудитории, при допросе обвиняемых, свидетелей, экспертов и т. п. не касаются таких вопросов, которые, хотя и крайне существенны для дела, но бесспорно установлены материалами предварительного следствия, при формулировке во-

просов и при оценке ответов на них заботятся только о том, чтобы вопрос и ответ были понятны для суда, хотя бы они не были понятны для судебной аудитории, и т. п.

Эта точка зрения глубоко ошибочна. Как бы речи сторон и приговор суда ни были справедливы по существу, они останутся неубедительными для судебной аудитории, если она в процессе судебного следствия своими глазами и ушами не удостоверится в доказанности тех фактов, на которых основываются требования сторон и приговор суда. Громадное политическое значение процесса антисоветского право-троцкистского блока было правильно понято не только трудящимися СССР и широкими народными массами всего мира, но даже частично и врагами Советского Союза только благодаря правильно проведенному судебному следствию. Даже фашистские газеты, вроде «Фелькишер Беобахтер», были вынуждены, хотя и со всякого рода оговорками, признать обоснованность обвинения по этому делу.

Это не значит, что при условии правильного проведения судебного следствия приятия сторон становятся ненужными. Суммирование доказательств в речах сторон, развернутая оценка этих доказательств, освещение политического значения процесса, мотивированное разрешение возникающих по делу юридических вопросов, характеристика личности подсудимых и прочие элементы речей сторон имеют, без сомнения,

громадное значение для правильного уяснения дела как судом, так и судебной аудиторией.

Но все доводы сторон по всем указанным вопросам будут убедительны только в том случае, если они основываются на фактах, бесспорно установленных на судебном следствии.

Те или иные соображения, приводимые в речах сторон, могли и не притти в голову кому-либо из слушателей как из состава суда, так и из состава судебной аудитории.

Но эти соображения окажут свое действие лишь в том случае, если каждый, кто их услышит, будет иметь возможность проверить правильность этих соображений фактами, известными ему по материалам судебного следствия.

Без обвинительной речи процесс антисоветского право-троцкистского блока не произвел бы того впечатления, которое он произвел. Эта речь сыграла громадную роль в общем эффекте этого процесса. Но такую роль она смогла сыграть только потому, что каждое утверждение обвинителя было основано на фактах, бесспорно доказанных на судебном следствии.

Все изложенное дает полное основание считать, что, в нашем процессе во всяком случае, судебное следствие является важнейшей стадией процесса и что разработка связанных с ним проблем, далеко не исчерпанных в настоящей статье, является одной из важнейших задач советской процессуальной теории.

А. ТАГЕР

Кассация в системе советского государства

§ 1

Теоретическая разработка проблем советского уголовного процесса является несомненно весьма слабым участком на фронте социалистического права. Если до самого последнего времени можно было констатировать недооценку теоретической разработки правовых проблем вообще, то это в особенности и полностью относилось к уголовно-процессуальной теории.

Мы не только не имеем разработанной теории советского уголовного процесса в целом, но и самые основные проблемы советского уголовного процесса до сих пор еще не получили систематической и обобщенной теоретической разработки.

Еще в своих лекциях «Об основах ленинизма», читанных в Свердловском университете в начале апреля 1924 г., товарищ Сталин говорил: «Иные думают, что ленинизм есть примат практики перед теорией в том смысле, что главное в нем — превращение марксистских положений в дело, «исполнение» этих положений, что же касается теории, то на этот счет ленинизм довольно, будто бы, беззаботен... Многие нынешние практики-ленинцы не очень милуют теорию, особенно ввиду той бездной практической работы, которую вынуждены они нести по обстановке. Я должен заявить, что это более чем странное мнение о Ленине и ленинизме, совершенно неправильно и ни в какой мере не соответствует действительности, что стремление

практиков отмахнуться от теории противоречит всему духу ленинизма и чревато большими опасностями для дела.

Теория есть опыт рабочего движения всех стран, взятый в его общем виде. Конечно, теория становится беспредметной, если она не связывается с революционной практикой, точно так же, как и практика становится слепой, если она не освещает себе дорогу революционной теорией. Но теория может превратиться в величайшую силу рабочего движения, если она складывается в неразрывной связи с революционной практикой, ибо она, и только она, может дать движению уверенность, силу ориентировки и понимание внутренней связи окружающих событий, ибо она, и только она, может помочь практике понять не только то, как и куда двигаются классы в настоящем, но и то, как и куда должны двинуться они в ближайшем будущем»¹.

Эти слова полностью, конечно, приложимы и к общей теории права и к разработке отдельных правовых дисциплин, в том числе и советского уголовного процесса.

Совершенно естественно, что никакая отдельная правовая проблема, взятая из любой области советского права, не может быть подвергнута исследованию вне связи с общей систе-

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 12—13.

мой советского социалистического права и вне связи с общими задачами, стоящими перед советским государством. Это не значит, конечно, что изложению непосредственной темы нашей работы должно предшествовать подробное изложение вопросов общей теории советского социалистического права и государства. Но это значит, что каждая из изучаемых проблем должна быть поставлена в надлежащую политико-правовую перспективу и должна быть, поэтому, исследована в надлежащей связи с решениями, которые даются соответственным вопросам общей теории советского права и советского государства, с одной стороны, и практикой нашего социалистического строительства, с другой стороны.

Марксистско-ленинский метод постановки и исследования правовых проблем дает возможность поднять их изучение на большую научную высоту. Высказывания создателей и руководителей советского государства — Ленина и Сталина — имеют поэтому и для разрешения общих проблем в специальной области кассационного процесса первостепенную ценность, хотя бы они и не были посвящены непосредственно процессуальной тематике.

Смысл и значение каждого правового института в общей системе законодательства определяются теми задачами, которые этому институту ставятся, и пригодностью тех средств, которые институту присущи и при помощи которых только и могут быть достигаемы поставленные институту цели и задачи. Совпадением этих целей и средств, приспособлением и пригодностью средств для достижения целей определяется реальная ценность и реальное значение правового института.

Нельзя поэтому не начать с обзора тех общих целей и задач, которые могут быть поставлены судебному институту процессуальной кассации в системе советского государства.

Обзор отнюдь не имеет исчерпывающего характера. Это лишь общее предварительное вступление к дальнейшему специальному исследованию отдельных теоретических проблем советского кассационного процесса.

§ 2

Одной из основных проблем, стоящих перед Советским государством в области организации государственной деятельности, является, несомненно, проблема руководства.

Эта проблема имеет большое значение для всех решительно областей государственной работы. Она сохраняет полностью это значение и для судебной области.

Кассационный порядок проверки и отмены судебных приговоров вышестоящими судебными инстанциями и является, бесспорно, одной из форм руководства судебной деятельностью.

Это кассационное руководство имеет ряд весьма существенных особенностей, отличающих его от всех других форм и видов руководства как в судебной области, так и в других областях государственной деятельности. Именно эти особенности и заставляют в первую очередь сосредоточиться на вопросе о выполнении при помощи института процессуальной кассации функций судебного руководства.

В общей проблеме руководства заключаются, естественно, два отдельных вопроса: первый из

них — это вопрос о политическом содержании руководства; вторым является вопрос об организации руководства, то есть об организационных формах, о порядке и методах этого руководства.

Совершенно естественно, что политическое содержание руководства работой всех органов советского государства едино для всех, без исключения, ведомств и органов и определяется четкими формулировками Сталинской Конституции от 5 декабря 1936 г.

Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое государство рабочих и крестьян (ст. 1).

Вся власть в СССР принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся (ст. 3).

Политическую основу СССР составляют Советы депутатов трудящихся, выросшие и окрепшие в результате свержения власти помещиков и капиталистов и завоевания диктатуры пролетариата (ст. 2).

Наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса и других слоев трудящихся объединяются в коммунистическую партию СССР, являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя и представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся как общественных, так и государственных (ст. 126)¹.

Программа Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) является, таким образом, единым источником, определяющим политическое содержание деятельности всего советского государства, всех его органов, а тем самым и политическое содержание руководства, осуществляемого вышестоящими органами государства по отношению к нижестоящим во всех без исключения областях государственной жизни.

Вслед за вопросом о политическом содержании руководства работой органов государства, вообще, и судебных его органов, в частности, — естественно, встает следующий вопрос — об организации форм, порядка и методов руководства.

Этот вопрос о значении проблемы организации руководства в государственном аппарате был, как известно, поставлен во весь рост товарищем Сталиным на XVII съезде партии в январе 1934 г.

Делая свой отчетный доклад XVII съезду партии, товарищ Сталин подводил итоги пройденному за отчетный период пути и намечал перспективы дальнейшего движения вперед.

Мастерски изобразив хорошо известную и

¹ То же самое воспроизведено в ст. 1, 3, 2, 130 Конституции РСФСР от 21 января 1937 г.; ст. 1, 3, 2, 125 Конституции УССР от 30 января 1937 г.; ст. 1, 3, 2, 101 Конституции БССР от 19 февраля 1937 г.; ст. 1, 3, 2, 133 Конституции Аз. ССР от 14 марта 1937 г.; ст. 1, 3, 2, 129 Конституции Груз. ССР от 13 февраля 1937 г.; ст. 1, 3, 2, 101 Конституции Арм. ССР от 23 марта 1937 г.; ст. 1, 3, 2, 103 Конституции Турк. ССР от 2 марта 1937 г.; ст. 1, 3, 2, 125 Конституции Узб. ССР от 14 февраля 1937 г.; ст. 1, 3, 2, 111 Конституции Тадж. ССР от 1 марта 1937 г.; ст. 1, 3, 2, 104 Конституции Каз. ССР от 26 марта 1937 г.; ст. 1, 3, 2, 97 Конституции Кирг. ССР от 23 марта 1937 г.

памятную картину преобразований великой страны, в результате которых «СССР за этот период преобразился в корне, сбросив с себя обличье отсталости и средневековья», показав рост страны во всех областях и гигантские успехи и достижения во всех отраслях работы,—товарищ Сталин в конце своего доклада также резко наметил и ряд вопросов, окончательное разрешение которых еще впереди. «Я говорил о всемирно-историческом значении нашей победы. Это не значит, однако, что победа одержана везде и во всем и уже разрешены все вопросы. Таких успехов и побед вообще не бывает в природе. Неразрешенных вопросов и прорех всякого рода остается у нас еще не мало. Впереди у нас — куча задач, требующих разрешения»¹.

Одним из таких очередных вопросов, поставленных товарищем Сталиным на первую очередь и требующих дальнейшего забот, был вопрос о мероприятиях, необходимых для наилучшей организации руководства в советском государственном аппарате.

«Некоторые думают,—продолжал товарищ Сталин,—что достаточно выработать правильную линию партии, провозгласить ее во всеуслышание, изложить ее в виде общих тезисов и резолюций и проголосовать ее единогласно, чтобы победа пришла сама собой, так сказать, самоотеком. Это, конечно, неверно. Это большое заблуждение... Хорошие резолюции и декларации за генеральную линию партии — это только начало дела, ибо они означают лишь желание победить, но не самую победу. После того, как дана правильная линия, после того, как дано правильное решение вопроса, успех дела зависит от организационной работы, от организации борьбы за проведение в жизнь линии партии, от правильного подбора людей, от проверки исполнения решений руководящих органов. Без этого правильная линия партии и правильные решения рискуют потерпеть серьезный ущерб. Более того: после того, как дана правильная политическая линия, организационная работа решает все, в том числе и судьбу самой политической линии,—ее выполнение или ее провал».

«Бюрократизм и канцелярщина аппаратов управления; болтовня о «руководстве вообще» вместо живого и конкретного руководства; функциональное построение организаций и отсутствие личной ответственности; обезличка в работе и уравниловка в системе зарплаты; отсутствие систематической проверки исполнения; боязнь самокритики,—вот где источники наших трудностей, вот где гнездятся теперь наши трудности».

Поэтому товарищ Сталин обращает серьезное внимание на осуществление тех задач, которые связаны с этими «трудностями нашего организационного руководства» и с необходимостью их преодолеть. «...Чтобы побороть эти трудности, надо было ликвидировать отставание нашей организационной работы от требований политической линии партии, надо было поднять уровень организационного руководства во всех сферах народного хозяйства до уровня политического руководства, надо было добиться того, чтобы наша организационная работа обес-

печивала практическое проведение в жизнь политических лозунгов и решений партии...»¹

Так поставлена во весь рост проблема организации руководства работой органов государственной власти.

Поставив в такой общей форме задачу поднятия на большую высоту самой организации руководства, товарищ Сталин имел непосредственно в виду народное хозяйство и не останавливался в своем докладе на вопросе о том, как именно конкретно должна быть разрешена эта задача в отдельных ведомствах — в зависимости от особенностей той или иной работы.

Совершенно несомненно, что эта проблема имеет для судебной области не меньшее значение, чем для всех других, и в частности хозяйственных областей государственной деятельности, ибо и в судебной области столь же важно, «чтобы наша организационная работа обеспечивала практическое проведение в жизнь политических лозунгов и решений партии».

Во всякой организационной работе первенствующее положение занимает вопрос об организации руководства той или иной деятельностью.

Что же касается конкретных организационных форм, порядка и методов руководства, то они могут и даже должны быть различными в зависимости от особенностей работы того или иного ведомства. Те или иные организационные формы руководства, пригодные для одного ведомства, могут оказаться совершенно непригодными для органов другого ведомства. Порядок и методы руководства, превосходно приспособленные к особенностям работы органов административных или хозяйственных, могут оказаться совершенно неподходящими для руководства судебно-прокурорскими органами, и наоборот. Если даже сопоставить между собой органы суда, с одной стороны, и органы прокуратуры, с другой стороны, то совершенно ясно, что организационные формы, порядок и методы руководства прокурорскими органами не те, что могут и должны быть применены к руководству судебными органами.

Вопрос об организационных формах, порядке и методах руководства судебными органами приобретает, поэтому, совершенно самостоятельное значение и должен быть рассмотрен как самостоятельная проблема.

Для разрешения вопроса об организации, порядке и методах руководства работой судов мы должны исходить, с одной стороны, из постановлений о суде, формулированных в Сталинской Конституции и в Конституциях союзных и автономных республик, а с другой стороны — также из Положения о Народном комиссариате юстиции СССР.

Суды независимы и подчиняются только закону — таков один из советских конституционных принципов, лежащих в основе судебной деятельности².

¹ Сталин, там же, стр. 589—591.

² Ст. 112 Конституции СССР; ст. 116 Конституции РСФСР; ст. 111 Конституции УССР; ст. 88 Конституции БССР; ст. 119 Конституции Аз. ССР; ст. 126 Конституции Груз. ССР; ст. 88 Конституции Арм. ССР; ст. 90 Конституции Турк. ССР; ст. 111 Конституции Узб. ССР; ст. 97 Конституции Тадж. ССР; ст. 91 Конституции Каз. ССР; ст. 84 Конституции Кирг. ССР.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 553, 589.

Другим советским конституционным принципом судебной деятельности являются постановления о том, что надзор за судебной деятельностью всех судебных органов СССР и союзных республик осуществляется Верховным судом СССР и что каждый из верховных судов союзных республик осуществляет такой же надзор за судебной деятельностью судебных органов соответственной республики¹.

Наконец, руководство судебной системой осуществляется по Положению о Народном комиссариате юстиции СССР — Народным комиссариатом юстиции.

Таким образом, взаимоотношения Народного комиссариата юстиции с судебными органами характеризуются термином «руководство». Взаимоотношения высших судебных органов с низшими характеризуются термином «надзор».

Но совершенно несомненно, что нельзя руководить, не осуществляя в тех или иных пределах надзора за руководимыми органами. И столь же несомненно, что вышестоящий орган, имеющий полномочия надзора по отношению к нижестоящему, тем самым осуществляет по отношению к последнему и функции руководства. Вопрос лишь в формах, методах и пределах этого руководства. Надзор вышестоящих органов по отношению к нижестоящим — без всякого руководства последними со стороны первых — так же трудно себе представить, как и руководство без надзора.

Но эти два порядка руководства — со стороны НКЮ и со стороны вышестоящих судов — отнюдь не повторяют друг друга и друг друга не дублируют. Каждый из них имеет свое содержание и свое назначение.

Руководство Народного комиссариата юстиции есть руководство в порядке судебного управления. И нельзя преуменьшать значения этого руководства, осуществляемого народным комиссариатом и связанного с такими существенными полномочиями, какими являются обеспечение судебных кадров, производство ревизий и издание инструкций на основании и во исполнение действующих законов, а также постановлений и распоряжений Совета народных комиссаров.

Но осуществляя это руководство в порядке судебного управления, — народный комиссариат не может на ходу проверять правильность судебной деятельности, то есть правильность работы судов по разрешению ими конкретных судебных дел, и не имеет возможности принимать меры к исправлению ошибок, допускаемых при разрешении каждого отдельного судебного дела.

Все эти последние задачи осуществляются в судебном порядке, в порядке судебного руководства — высшими судами по отношению к низшим судам.

Основным видом проверки вышестоящими судебными органами судебной работы нижестоя-

щих судебных органов по разрешению ими конкретных судебных дел и является кассационная проверка, то есть надзор, осуществляемая в кассационном порядке.

Указание кассационным судом нижестоящему суду его ошибок, допущенных по тому или иному конкретному делу, и кассация на этом основании судебного приговора имеет своей задачей предохранить от тех же или аналогичных ошибок как при дальнейшем течении того же процесса, так и по другим делам.

Именно в этом состоит руководящее значение решений кассационного суда. И этого момента кассационной деятельности также не следует преуменьшать. Кассационный надзор над уже проделанной судебной работой должен быть непременно так построен и так осуществлен, чтобы он был связан с руководством дальнейшей, то есть предстоящей судебной работой.

В противоположность руководству народным комиссариата, осуществляемому в порядке судебного управления, — руководство кассационного суда, то есть кассационное руководство, есть руководство судебное и при том не только потому, что оно исходит от судебного органа, но и потому, что само содержание кассационной работы состоит в вынесении конкретных судебных решений, после судебного рассмотрения конкретных судебных дел.

Именно кассационное определение по конкретному делу является основной формой конкретного судебного руководства в конкретной ежедневной работе суда. Качеством кассационных решений определяется качество кассационного руководства. Организовать надлежащим образом кассационный процесс — это значит разрешить проблему конкретного судебного руководства в области судебной работы. Качеством кассационного процесса будет определяться качество конкретного судебного руководства.

Институт кассации, таким образом, является в судебной области основной формой осуществления конкретного судебного руководства ежедневной судебной деятельностью.

Поднять в судебной области организацию руководства на высоту политического руководства — это значит в первую очередь поднять на надлежащую организационную и политическую высоту институт кассации в советском процессе.

§ 3

Идею и задачу организации руководства товарищ Сталин сочетал в своем докладе на XVII съезде с другой идеей, о которой и он сам говорил уже не в первый раз и которую в свое время решительно и категорически выдвинул Ленин. Это — идея систематической организации проверки исполнения.

Еще ранней весной 1918 г. в своей статье об «Очередных задачах советской власти» Ленин, обращаясь к вопросу о том, как организовать управление Россией, писал: «Мы, партия большевиков, Россию убедили. Мы Россию отвоевали — у богатых для бедных, у эксплуататоров для трудящихся. Мы должны теперь Россией управлять...»

Первый раз в мировой истории социалистическая партия успела закончить в главных чертах дело завоевания власти и подавления эксплуататоров, успела подойти вплотную к задаче управления... Надо предусмотреть,

¹ Ст. 104 Конституции СССР; ст. 109 Конституции РСФСР; ст. 104 Конституции УССР; ст. 82 Конституции БССР; ст. 112 Конституции Аз. ССР; ст. 119 Конституции Груз. ССР; ст. 83 Конституции Арм. ССР; ст. 84 Конституции Турк. ССР; ст. 104 Конституции Узб. ССР; ст. 91 Конституции Тадж. ССР; ст. 85 Конституции Каз. ССР; ст. 79 Конституции Кирг. ССР. Аналогичные постановления в конституциях автономных республик.

что для успешного управления необходимо, кроме умения убедить, кроме умения победить в гражданской войне, умение практически организовать»¹.

А в своих «Тезисах об очередных задачах советской власти», написанных непосредственно после опубликования указанной выше статьи, Ленин добавлял: «Организация правильного управления, неуклонного проведения в жизнь постановлений Советской власти,—такова насущная задача советов, таково условие полной победы советского типа государства, каковой тип недостаточно формально декретировать, недостаточно учредить и ввести во всех концах страны, а необходимо практически наладить и проверять на регулярной, повседневной работе управления»².

Так уже с первых шагов по организации советской системы управления государством проверка исполнения была провозглашена одним из основных организационных принципов советского государства, одной из принципиальных составных частей советской организации государственного аппарата.

Эта проверка исполнения должна быть, по мысли Ленина, не случайной, а планомерной, не чрезвычайной, а нормальной, не эпизодической, а систематической,—проверкой на регулярной повседневной работе. «Проверять на регулярной повседневной работе»,—это тезис универсальный, для всех без исключения отраслей государственного управления. С принципиальной точки зрения, положенной в основание советской организации государственного аппарата, и суд, конечно, не может и не должен был быть изъят из этой общей проверки на регулярной повседневной работе.

К этой мысли о том колоссальном значении, которое имеет надлежащая организация систематической проверки исполнения, Ленин возвращался не раз.

Когда закончилась гражданская война и в своем мирном социалистическом строительстве советская власть вплотную подошла к вопросам организации государственного аппарата, Ленин тотчас же вновь поставил на очередь вопрос об организации проверки исполнения.

В целом ряде указаний, обращенных им к своим ближайшим сотрудникам по государственной работе, он на этом вопросе неоднократно останавливался.

Так, в письме к А. Д. Цюрупе «о новой постановке работы СНК и СТО» от 24 января 1922 г. Ленин писал, что «проверка исполнения, проверка того, что выходит на деле—вот основная и главная ваша задача»³.

Еще в одном письме к А. Д. Цюрупе, написанном через месяц после предыдущего—21 февраля 1922 г.—по поводу директивы Малого СНК—Ленин обращал его внимание: «Главное, по моему, перенести центр тяжести с писания декретов и приказов (глупим мы тут до idiotства) на выбор людей и проверку и исполнения. В этом гвоздь». «Искать людей, проверять работу—в этом все»⁴.

В проекте директивы насчет работы СТО и СНК, а также Малого СНК от 27 февраля 1922 г.

Ленин писал: «Превоочередная задача момента не декреты, не реорганизация, а подбор людей; установление индивидуальной ответственности за делаемое; проверка фактической работы»¹.

Через несколько дней после этого—6 марта 1922 г., выступая с докладом «о международном и внутреннем положении Советской республики» за заседании Коммунистической фракции Всероссийского съезда металлургов, Ленин говорил: «Нам нужна проверка пригодности людей, проверка фактического исполнения... Проверять людей и проверять фактическое исполнение дела—в этом, еще раз в этом, только в этом теперь гвоздь всей работы, всей политики. Это дело не нескольких месяцев, не одного года, а дело нескольких лет»².

21 марта 1922 г. в связи с выработкой директив о работе своих заместителей по Президиуму Совета народных комиссаров и Совета труда и обороны Ленин обратился с письмом к Сталину, которое вновь начинается с указания на то, что «главной задачей... является (должна быть теперь) проверка исполнения, подбор людей»³.

В написанном Лениным постановлении о работе заместителей председателя СНК и СТО значилось так: «Основная работа заводов, за которую они специально отвечают и которой должно быть подчинено все остальное, состоит в проверке фактического исполнения декретов, законов и постановлений...»

Все дальнейшее является детализацией этого основного задания или частным дополнением к нему»⁴.

Наконец, в письме В. М. Молотову от 23 марта 1922 г. о плане политического доклада для XI съезда партии, на котором Ленин первоначально не предполагал по болезни лично участвовать, он вновь предлагал в качестве одного из главных и основных мероприятий—«сосредоточить центр тяжести работы на подборе людей и на проверке фактического исполнения»⁵.

Политический отчет на XI съезде в марте 1922 г. был одним из последних больших политических выступлений Ленина.

Готовя план своей речи, он набросал в исторической перспективе то, что считал наиболее важным на каждый год после Октябрьской революции. В этой перспективе значится:

«1922 г.: не в учреждения, не в переорганизациях, не в новых декретах гвоздь, а в людях и в проверке исполнения».

А подводя общие итоги доклада и формулируя общие из него выводы,—Ленин выразил их в короткой лапидарной фразе: «Подбор людей и проверка исполнения!»⁶.

27 марта 1922 г. Ленин выступал на съезде уже тяжело больным. «В ближайшее время мне едва ли придется вернуться к работе»,—говорил он съезду. И предложения его звучат уже как политическое напутствие друзьям и соратникам. И здесь он не упустил вернуться все к той же своей любимой идее: «Подбирайте

¹ Ленин, т. XXVII, стр. 164.

² Ленин, т. XXVII, стр. 179.

³ Ленин, т. XXIX, стр. 422.

⁴ Ленин, т. XXVII, стр. 283.

⁵ Ленин, т. XXVII, стр. 207—208.

⁶ Ленин, т. XXVII, стр. 217.

¹ Ленин, том XXII, стр. 441—442.

² Ленин, том XXII, стр. 500.

³ Ленин, т. XXVII, стр. 159.

⁴ Ленин, т. XXVII, стр. 163.

нужных людей и проверяйте практическое исполнение — и это народ оценит»¹.

И после Ленина вопрос о надлежащей организации и надлежащем обеспечении систематической проверки исполнения все время привлекал к себе внимание и находил себе отражение в самых ответственных постановлениях и докладах. В разных вариантах, с разными подробностями — идея об организации действительной проверки исполнения на протяжении ряда лет не теряет ни своего интереса, ни своей важности.

В постановлении XIV съезда партии (декабрь 1925 г.) мы находим следующие указания: «Важнейшими задачами ЦКК—РКИ должны быть попрежнему проверка исполнения постановлений и директив партии и государства... В этой работе ЦКК—РКИ должна выступать, с одной стороны, как непосредственный орган проверки и контроля, и, с другой стороны, как организатор таких форм управления отдельными государственными отраслями, которые обеспечивали бы руководящим органам соответствующих ведомств постоянную систематическую проверку исполнения принятых постановлений всеми подчиненными органами и должностными лицами. XIV съезд партии ставит перед ЦКК—РКИ на ближайший год, как важнейшую задачу, выработку мероприятий, дающих возможность для руководящих государственных и хозяйственных органов своевременного оперативного учета и проверки исполнения»². Здесь, таким образом, подчеркнута задача обеспечить высшим руководящим органам возможность организационной эффективной проверки исполнения в отношении руководимой ими работы низших органов.

Вслед за этим — в декабре 1927 г. — XV съезд партии также постановил: «Усилить, согласно неоднократным указаниям Ленина и ленинской партии, проверку исполнения советских законов...»³.

В апреле 1929 г. весьма подробно остановилась на том же вопросе XVI конференция ВКП(б) и констатировала, что проверка исполнения продолжает являться основной из числа очередных задач партии в области улучшения государственного аппарата. «Проверка фактического исполнения становится самой важной частью всей работы по улучшению государственного аппарата... Систематический контроль над выполнением законов правительства, его распоряжений и партийных директив является не только одним из важнейших средств борьбы с бюрократизмом и волокитой, но и одним из важнейших средств, обеспечивающих правильную классовую линию работы всех советских органов. Установление систематической проверки исполнения и соблюдения революционной законности должно явиться важнейшей задачей всех партийных, хозяйственных и советских органов на всех ступенях. ЦКК—РКИ должна все в большей мере, как это предусмотрено планом работы РКИ, проверку исполнения делать центром своей работы, чтобы таким образом добиться не только быстрого и точного вы-

полнения партийных директив и правительственных постановлений, устранения причин, вызывающих невыполнение директив, но и проверки на практическом опыте правильности самих директив. Местные партийные и советские органы обязаны неуклонно выполнять партийные и правительственные директивы и распоряжения, вместе с тем ставя перед центральными органами вопрос о всех тех изменениях, необходимость которых обнаруживается на местном опыте. Только такой взаимный контроль распоряжений центра практикой мест и практики мест руководством центра позволит не только осуществить неуклонное выполнение предложенных и постановлений центральных учреждений, но и вносить в них необходимые исправления соответственно указаниям местного опыта.

Во всей этой работе необходимо исходить из следующего указания Ленина: «Проверять людей и проверять фактическое исполнение дела — в этом, еще раз в этом, только в этом теперь гвоздь всей работы, всей политики»⁴.

На XVI съезде — летом 1930 г. — и на XVII съезде — в январе 1934 г. на проблеме проверки исполнения остановился в своих докладах товарищ Сталин. На XVI съезде он остановился на этом более коротко, а на XVII съезде с подробной и развернутой мотивировкой.

XVI съезд партии констатировал, что обязательное доведение до конца проверки исполнения должно стать генеральной установкой в борьбе с бюрократизмом... «Проверять людей и проверять фактическое исполнение дела — в этом, еще раз в этом, только в этом — теперь гвоздь всей работы, всей политики». Это указание Владимира Ильича сейчас, на новом этапе, приобретает особое значение и становится центральной задачей всей борьбы с бюрократизмом»⁵.

«Правильная организация проверки исполнения, — говорил Сталин на XVII съезде, — имеет решающее значение в деле борьбы с бюрократизмом и канцеляризмом. Проводятся ли решения руководящих организаций или кладутся под сукно бюрократами и канцеляристами? Проводятся ли они правильно или извращаются? Работает ли аппарат честно и по-большевистски или вертится на холостом ходу — обо всем этом можно узнать во время лишь в результате хорошо поставленной проверки исполнения. Хорошо поставленная проверка исполнения — это тот прожектор, который помогает освещать состояние работы аппарата в любое время и выводить на свет божий бюрократов и канцеляристов. Можно с уверенностью сказать, что девять десятых наших проorex и прорывов объясняется отсутствием правильно поставленной проверки исполнения... Но чтобы проверка исполнения достигла цели, необходимы, по крайней мере, два условия: во-первых, чтобы проверка исполнения была систематической, а не эпизодической; во-вторых, чтобы во главе дела проверки исполнения во всех звеньях партийно-советских и хозяйственных организаций стояли не второстепенные лица, а достаточно

¹ Ленин, т. XXVII, стр. 258 и 256.

² ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, том II, стр. 357.

³ Там же, стр. 234.

⁴ ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, том II, стр. 347—348.

⁵ Там же, стр. 413.

авторитетные люди,—сами руководители организации. Наибольшее значение имеет правильная организация проверки исполнения для центральных руководящих учреждений...» «ЦК руководствовался... гениальной мыслью Ленина о том, что главное в организационной работе — подбор людей и проверка исполнения»¹.

Так кончал товарищ Сталин соответствующую часть своего доклада.

В своей резолюции XVII съезд констатировал отставание организационно-практической работы от требований политической линии партии и признал, что «во весь рост встает задача поднятия организационной работы до уровня политического руководства. Организационный вопрос, оставаясь подчиненным вопросам политики, приобретает все же ввиду этого для дальнейших успехов социалистического строительства исключительное значение». Одним из главных недостатков признана «дача «общих», отвлеченных директив и многочисленных приказов вместо конкретного руководства и изучения деталей работы». Поэтому необходимо, с одной стороны, «перейти от «общего» и отвлеченного руководства к конкретному руководству, от «общих» резолюций к оперативным решениям, основанным на изучении и знании деталей и техники дела...» А, с другой стороны, необходимо «установить систематическую тщательную проверку исполнения директив партии и правительства...»².

В целях поднятия дела проверки исполнения на надлежащую высоту товарищ Сталин и требовал поднятия организационного руководства до уровня политического руководства.

Так сама проверка исполнения становится одной из форм руководства. При этом такая конкретная проверка на ежедневной конкретной работе, проверка не случайная, а постоянная, проверка не чрезвычайная, а нормальная, проверка систематическая, а не эпизодическая,—является одной из основных форм конкретного текущего руководства.

Все приведенные выше указания свидетельствуют о том, какое громадное и принципиальное значение имеет проверка исполнения во всей советской системе. Это полностью, конечно, относится и к суду.

Проверка высшими судами работы низших судов в кассационном порядке — есть не что иное, как организация одной из форм проверки исполнения в судебной области.

Поэтому надлежащая организация работы кассационных судов — это и есть надлежащая организация судебной проверки исполнения в судебной области. При этом это подлинная проверка на регулярной, конкретной, повседневной работе по конкретным судебным делам. Это проверка, осуществляемая квалифицированным руководящим составом.

Качеством кассационного процесса и кассационной работы будет определяться качество су-

дебной проверки исполнения в судебной области.

Проверка исполнения в отношении судебных органов производится, разумеется, не только кассационными судами, но и Народным комиссариатом юстиции. К вопросу о взаимоотношении проверки исполнения, производимой НКЮ в порядке судебного управления, с одной стороны, и судебной проверки, производимой по конкретным делам кассационными судами — с другой стороны, можно применить все то, что выше сказано о взаимоотношении руководства, осуществляемого НКЮ, и руководства, исходящего от кассационных судов.

§ 4

Существует мнение, что лишь введение нэпа, то есть так называемой новой экономической политики, впервые вызвало к жизни в советском законодательстве и советском государственном обиходе идею революционной законности.

Это мнение явно ошибочное, ибо нет никаких исторических оснований связывать первое появление интереса советской власти к проблеме революционной законности именно с моментом введения новой экономической политики. Правильным будет совсем обратное утверждение. Идея революционной законности имеет для всей системы советского государства и имела с первых же лет его создания совершенно принципиальное значение.

Достаточно указать на следующее. С хозяйственной стороны вся деятельность советского государства подчинена идее плана. Советское народное хозяйство есть плановое хозяйство. Но вряд ли кто-либо может сомневаться в том, что без неуклонного проведения принципа законности ни о каком осуществлении плана говорить нельзя. С этой точки зрения революционная, социалистическая законность представляет собою правовое выражение основного советского народно-хозяйственного принципа — принципа планового регулирования народного хозяйства.

В одной из своих статей А. Я. Вышинский очень удачно обрисовал ту историческую перспективу, в которой становится понятным принципиальное значение революционной законности для советского государства. «До сих пор,— писал он,— т. е. до Октябрьской революции и образования советского государства, закон и законность имели только одно значение — служить интересам эксплуататоров, подавлять всякую попытку сбросить иго господствующего класса эксплуататоров и добиться освобождения трудящихся. Отсюда постоянное и неиссякаемое противоречие между законностью как средством увековечения политического и социального status quo (т. е. положения, которое имело место до революции) и революцией как силой, стремящейся к изменению и ниспровержению этого status quo... Никогда во всей прошлой истории человечества понятия революции и законности не встречались в их нынешнем сочетании, никогда революция и законность не соприкасались в тождестве своих целей, как это мы видим теперь, в эпоху господства пролетарской диктатуры. До сих пор революция и законность встречались лишь как диаметрально противоположные, исключаящие друг друга явления...»

...Шаг вперед сделал ленинизм, развивая и ту часть марксистской теории, которая посвящена

¹ Сталин. Вопросы ленинизма, 10 изд., стр. 594. ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. II, стр. 571.

² ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. II, стр. 591—592.

проблеме пролетарской революции и государства пролетарской диктатуры, непосредственно связанной и с проблемой революционной законности»¹.

А сам Ленин коротко, но категорически формулировал мысль о том, что принципиальной задачей является «повышение законности», для чего надо «научить бороться к у л ь т у р н о за законность, ничуть не забывая границ законности в революции»².

Так проблема законности связана неразрывными узами с проблемой культуры. Эту мысль Ленин затем подробно развил в своем известном письме к Сталину о двойном подчинении и законности.

Наиболее раннее после Октябрьской революции упоминание о революционной законности в официальных документах относится к июлю 1918 г., когда на втором всероссийском съезде областных и губернских комиссаров юстиции Народный комиссар юстиции П. И. Стучка уже говорил о необходимости обеспечить революционную законность, а работников суда именовал блюстителями революционной законности³.

По докладу Д. И. Курского «О законности» VI съезд советов РСФСР в заседании от 8 ноября 1918 г. постановил «призвать всех граждан республики, все органы, всех должностных лиц советской власти к строжайшему соблюдению законов РСФСР, изданных и издаваемых центральной властью постановлений, положений и распоряжений»⁴. Председатель съезда Я. М. Свердлов охарактеризовал это постановление как «чрезвычайно важный для нас вопрос о законности».

На IX Всероссийском съезде советов — в декабре 1921 г. — Ленин говорил: «Чем больше мы входим в условия, которые являются условиями прочной и твердой власти, чем дальше идет развитие гражданского оборота тем настоятельнее необходимо выдвинуть твердый лозунг осуществления большей революционной законности...»⁵.

IX Всероссийский съезд советов — первый съезд после окончания гражданской войны — декларировал: «Поскольку победа трудящихся обеспечена советской России — хотя бы временный и неустойчивый — мир и позволила перейти от военного напряжения на внешних и внутренних фронтах к мирному хозяйственному строительству, очередной задачей является водворение во всех областях жизни строгих начал революционной законности. Строгая ответственность органов и агентов власти и граждан за нарушение созданных советской властью законов и защищаемого ею порядка должна идти рядом с усилением гарантии личности и имущества граждан»⁶.

Таким образом, не «новая экономическая политика», как таковая, обусловила собой необходимость в законности, а возможность мирного социалистического строительства была причиной

того, что после окончания гражданской войны мысль обратилась вновь к идее революционной законности, самые принципы которой были, как нами указано выше, сформулированы еще в 1918 г.

Этот момент подчеркнут был в свое время ясно и отчетливо товарищем Сталиным. «Диктатура пролетариата, — писал он, — имеет свои периоды, свои особые формы, разнообразные методы работы. В период гражданской войны особенно бьет в глаза насильственная сторона диктатуры. Но из этого вовсе не следует, что в период гражданской войны не происходит никакой строительной работы. Без строительной работы вести гражданскую войну невозможно. В период строительства социализма, наоборот, особенно бьет в глаза мирная, организаторская, культурная работа диктатуры, революционная законность и т. д.»¹.

Здесь подчеркнут еще один существенный признак революционной законности: революционная законность — как форма и метод работы диктатуры пролетариата.

Основываясь на постановлении IX съезда советов, IV всероссийский съезд деятелей советской юстиции в январе 1922 г. проходил уже целиком и полностью под знаком осуществления идей революционной законности. Центральной идеей докладов на съезде была идея революционной законности, причем Д. И. Курский довел эту идею в изложении исторической перспективы до указанного выше постановления VI съезда советов, состоявшегося по его же докладу еще в 1918 г.².

С прямой ссылкой на необходимость утверждения революционной законности на территориях Союза Советских Социалистических Республик в 1923 г. был создан Верховный суд СССР³.

Третий съезд советов СССР (в мае 1925 г.) в своем постановлении по докладу правительства Союза ССР указал: «В целях полного обеспечения участия трудящихся в деле государственного строительства съезд вменяет в обязанность всем органам власти в центре и на местах строжайшее соблюдение революционной законности и вовлечение в работу советов широких масс рабочих и крестьян, так как только при этом условии можно будет действительно оживить работу всей системы советов и обеспечить улучшение всего государственного аппарата»⁴.

Весьма большое практическое значение и влияние имело специальное постановление о революционной законности, изданное Президиумом ЦИК и СНК СССР 25 июня 1932 г.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, 10 изд., стр. 113.

² Стенографический отчет IV всероссийского съезда деятелей советской юстиции. Материалы Народного комиссариата юстиции, выпуск XVI—XVII, доклад Д. И. Курского, стр. 5—18.

³ Съезды советов в постановлениях и резолюциях; стр. 269. Также и в Конституции СССР 1923 г. (стр. 43) подчеркнуто, что «в целях утверждения революционной законности на территории СССР учреждается Верховный Суд СССР».

⁴ Собрание законов СССР № 35 за 1925 г.; Съезды советов в постановлениях и резолюциях, стр. 321.

¹ Вышинский, Революция и законность, «Советская юстиция» № 5 за 1933 г., стр. 4.

² Ленин, т. XXVII, стр. 35.

³ Материалы Народного комиссариата юстиции, вып. 3, 1918 г., стр. 23.

⁴ Съезды советов в постановлениях и резолюциях, 1935 г., стр. 103.

⁵ Ленин, т. XXVII, стр. 140.

⁶ Съезды советов в постановлениях и резолюциях, 1935 г., стр. 189.

Постановление это отмечало десятилетнюю деятельность советской прокуратуры на фронте революционной законности и подчеркивало, что революционная законность является одним из важных средств укрепления пролетарской диктатуры¹.

Но для того чтобы революционная законность действительно могла служить средством укрепления диктатуры пролетариата, советской власти, советского государства — должно быть обеспечено единство законности. Господство революционной, социалистической законности Союза ССР может быть обеспечено лишь как господство единой в СССР законности.

Именно об этом писал Ленин товарищу Сталину от 23 мая 1922 г.

«Основным злом во всей нашей жизни и во всей нашей некультурности,— писал в этом письме Ленин,— являются попустительство исконно-русского взгляда и привычки полудикарей, желающих сохранить законность калужскую в отличие от законности казанской» «...законность не может быть калужская и казанская, а должна быть единая всероссийская и даже единая для всей федерации советских республик...»

Поэтому В. И. Ленин требовал — «...действительно единообразного понимания законности во всей республике, несмотря ни на какие местные различия и вопреки каким бы то ни было местным влияниям» и считал необходимым обеспечить «действительно единообразное понимание законности во всей республике, несмотря ни на какие местные различия и вопреки каким бы то ни было местным влияниям» и считал необходимым обеспечить «действительно единообразное применение законности во всей республике и по всей федерации»².

Таким образом, с государственной точки зрения, которую проводил Ленин, мало провозглашать лозунг законности. Необходимо еще второй лозунг — единства законности, то есть единства в понимании законности и единства в применении законности. «Если мы этого элементарнейшего условия для установления единой законности во всей федерации не будем проводить во что бы то ни стало,— заканчивал свою мысль Ленин,— то ни о какой охране и ни о каком создании культуры не может быть и речи»³.

«Культурность» и «законность» Ленин считал явлениями и понятиями неразрывно между собой связанными.

XIV конференция партии (в апреле 1925 г.) имела в своей повестке дня специальный пункт о революционной законности. Одно из постановлений конференции было посвящено очередным мероприятиям по проведению революционной законности в интересах укрепления пролетарского государства. При выработке надлежащих мероприятий для проведения их в советском порядке было решено базироваться именно на

указаниях, высказанных в приведенном выше письме Ленина к товарищу Сталину¹.

Таким образом, и XIV конференция стала на точку зрения необходимости обеспечить в общесоюзном масштабе единство понимания и единство применения законности.

Уже из всего изложенного совершенно ясно, какое большое место в системе советского государства занимает принцип единой, революционной, социалистической законности, как принцип, осуществляющий диктатуру пролетариата, как принцип, служащий росту культуры.

Во всей широте и во всей глубине вопрос о значении законности в советском социалистическом государстве был поставлен в связи с принятием Сталинской Конституции от 5 декабря 1936 г. В своем историческом докладе на чрезвычайном VIII съезде советов СССР товарищ Сталин подчеркнул новую сторону вопроса — необходимость обеспечить стабильность законов.

«Стабильность законов нужна нам теперь больше, чем когда бы то ни было», — говорил товарищ Сталин на съезде. Принцип стабильности законов с точки зрения организации законодательной работы должен иметь свое естественное продолжение в виде принципа стабильности законов при их толковании и применении всеми органами государства, и в первую очередь и в особенности судебными органами.

Обеспечение единства понимания и применения законности в деятельности суда — это и есть судебное обеспечение стабильности действующего закона.

Ст. 112 Сталинской Конституции формулирует принципиальное для деятельности судебных органов положение, согласно которому «судьи независимы и подчиняются только закону».

Подчинение судей закону — это и есть господство законности в суде.

Принцип господства законности в судебной деятельности, который до сего времени был принципом только процессуальным, ныне поднят на высоту принципа конституционного.

Таким образом, социалистическая, революционная законность должна быть единой и стабильной. Принцип этот имеет универсальное значение для всех областей и отраслей государственного аппарата и в особенности для судебных органов, а из числа судебных органов, разумеется, в первую очередь для кассационного суда, который должен служить не только руководителем, но и образцом деятельности для судов первой инстанции.

Задача обеспечения единства законности и стабильности закона в судебной деятельности, а тем самым задача осуществления предначертаний Сталинской Конституции в этой части — выполняется при помощи института процессуальной кассации.

Если действительно в судебном деле «законность не может быть калужская или казанская, а должна быть единая всероссийская и даже единая для всей федерации Советских республик», то есть общесоюзная, то совершенно ясно,

¹ Собрание законов СССР № 50 за 1932 г.

² Ленин, т. XXVII, стр. 298—300. Впервые опубликовано в № 91 «Правды» от 23 апреля 1925 г.

³ Там же.

¹ ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. II, стр. 25.

что такое единство законности, то есть единое понимание, толкование и применение материальных и процессуальных законов в деятельности судов по отдельным многочисленным судебным делам может быть обеспечено лишь при помощи кассационного руководства и кассационной проверки в отношении деятельности судов первой инстанции по применению ими законов.

Именно кассационная форма надзора и проверки, кассационная форма руководства высшими судами работой низших судов дает наибольшую возможность устранения разнобоя в понимании и применении закона различными судами.

Если действующий закон должен быть стабилен в практике судебных органов, то лишь систематичностью, строгостью и настойчивостью кассационного надзора эта стабильность может быть обеспечена как в деятельности самого кассационного суда, так и в деятельности контролируемых им судов первой инстанции.

От надлежащей организации кассационных судов, от надлежащего построения кассационного процесса, от надлежащей работы кассационных судов зависит поэтому успешность обеспечения в судебной деятельности таких первоочередной важности государственных принципов, как стабильность советского закона и единство понимания и единство применения революционной социалистической законности в работе судебных органов.

Так институт кассации ставится на службу основным принципам обеспечения диктатуры пролетариата и росту социалистической культуры.

§ 5

Обеспечение революционной социалистической законности тесно связано с обеспечением гражданам широкой и организованной возможности принесения жалоб на действия органов государства и должностных лиц, нарушающих законы и законные права и интересы граждан. Без такой обеспеченной возможности обжалования и без хорошо организованного рассмотрения и разрешения принесенных жалоб господство революционной законности достаточно обеспечено быть не может.

На эту точку зрения и встало с первых же своих шагов советское государство. Тем самым постановлением VI съезда советов от 8 ноября 1918 г., которое потребовало от всего государственного аппарата проведения в своей деятельности принципа законности, всем советским учреждениям и должностным лицам было вменено в обязанность оказывать всяческое содействие любому гражданину республике, желающему обжаловать их действия, волокиту или причинные ему в его законных притязаниях затруднения¹.

III съезд советов СССР (в мае 1925 г.), поставив во всем объеме вопрос «о твердом проведении революционной законности», прямо и правильно связал задачу обеспечения революционной законности с обеспечением населению ши-

рокой возможности обжалования незаконных действий властей. Далее формулируется двойная задача правовой пропаганды — широкое ознакомление рабочих и крестьянских масс с советским законодательством, с одной стороны, и такое же широкое ознакомление с порядком обжалования действий органов власти, нарушающих эти законы, — с другой стороны¹.

Так надлежащая постановка обжалования действий органов государства становится средством обеспечения господства революционной законности и тем самым ставится на службу делу социалистического строительства.

Но разумеется, что наилучшая постановка самой процедуры обжалования — ничто, без надлежащей постановки рассмотрения и разрешения поданных жалоб. Ленин еще в 1918 г. указывал, что необходимо «обязательно приучить население к тому, что дельные жалобы имеют серьезное значение и приводят к серьезным результатам»².

В недавней своей статье «Больше внимания к заявлениям и жалобам трудящихся» М. И. Ульянова правильно напоминала о том, во-первых, «как относился Владимир Ильич к направляемым ему жалобам рабочих и крестьян, как быстро и чутко реагировал он на всякое, казалось бы, незначительное нарушение прав трудящихся», и о том, во-вторых, как «многомиллионные примеры работы секретариата товарища Сталина наглядно показывают его отношение к жалобам трудящихся»³.

Высшие органы советской власти неоднократно обращали внимание на необходимость внимательного, чуткого и бережного отношения к жалобам, подаваемым гражданами. В мае 1919 г. товарищем Сталиным, тогда Народным комиссаром государственного контроля, создана была для обслуживания населения система бюро жалоб во главе с Центральным бюро жалоб и заявлений в Москве и с местными отделениями Центрального бюро жалоб и заявлений на периферии.

Целый ряд постановлений правительства посвящен был за последние годы делу улучшения положения с рассмотрением и разрешением жалоб. Можно указать на постановление Президиума ВЦИК от 20 августа 1930 г.⁴ и далее постановление от 20 апреля 1932 г., в котором «Президиум ВЦИК категорически требует от работников областных, районных, городских и сельских учреждений и организаций самого внимательного и чуткого отношения к жалобщикам»⁵.

В апреле 1932 г. «Правда» опубликовала мнения руководителей партии и правительства, из которых видно, какое большое значение они придают надлежащей организации рассмотрения и разрешения жалоб⁶.

Товарищ Сталин обращал внимание на то, что «Громадное значение Бюро жалоб состоит в том, что они являются одним из серьезнейших

¹ Съезды советов в постановлениях и резолюциях, 1935 г., стр. 331—332.

² Ленинский сборник, т. XXI, 1933 г., стр. 227.

³ «Большевик» № 15 за 1936 г., стр. 43—44.

⁴ Собрание узаконений РСФСР № 11 за 1930 г.

⁵ Протокол президиума ВЦИК от 20 апреля 1932 г. № 43, пункт 10, стр. 16.

⁶ «Правда» № 97 от 7 апреля 1932 г.

¹ Съезды советов в постановлениях и резолюциях, 1935 г., стр. 104.

средств проведения в жизнь завета Ленина о борьбе за улучшение аппарата». Товарищ Молотов подчеркнул, что «... нужно, чтобы Бюро жалоб внимательно относились и проверяли отдельные конкретные факты бюрократизма. Именно на отдельных конкретных примерах надо заострить эту борьбу». Наполеон М. И. Калинин остановился на том, что «в следовательской работе Бюро жалоб первостепенным является не только и не столько сам факт обнаружения виновника того или иного недостатка (хотя и это важно), сколько выявление причин, способствующих возникновению этих недостатков и, что особенно важно—это выявление возможностей устранения этих недостатков таким путем, который обеспечил бы большое улучшение в работе и исключал бы возникновение этих недостатков».

В одном из недавних актов, относящихся к этому вопросу,—в постановлении Президиума ВЦИК от 1 июля 1934 г. было указано, что «до настоящего времени нередко имеют место волокита и бюрократизм при рассмотрении и разрешении жалоб, а также невнимательное, нечуткое отношение к жалобщикам. Расследование дел и вынесение решений по жалобам затягивается на многие месяцы... В большинстве мест совершенно отсутствует проверка принятых решений по жалобам, в результате чего эти решения зачастую в жизнь не проводятся»¹.

Из числа правительственных актов, относящихся к самому последнему времени, надо иметь в виду, прежде всего, постановление Президиума ЦИК СССР от 14—17 декабря 1935 г. «О положении дел с разбором жалоб трудящихся», в котором указывается на то, что неоднократные директивы партии и правительства о внимательном и чутком отношении к жалобам и заявлениям трудящихся, о решительной борьбе с волокитой и бюрократизмом—все еще выполняются неудовлетворительно. Это неудовлетворительное положение, как указано в этом постановлении, объясняется тем, что руководящие работники на местах недооценивают указаний партии и правительства о чутком и заботливом отношении к людям. Поэтому ЦИК Союза предлагает всем должностным лицам обеспечить выполнение решений партии и правительства и личных указаний товарища Сталина о том, «чтобы наши руководители проявляли самое заботливое отношение к нашим работникам, к «малым» и «большим», в какой бы области они ни работали».

22—26 мая 1936 г. состоялось утвержденное Советом народных комиссаров СССР постановление 3-го пленума Комиссии советского контроля при Совете народных комиссаров СССР «О рассмотрении жалоб трудящихся». В этом постановлении констатируется недостаточно удовлетворительное положение в этом отношении. «Успехи социалистического строительства и рост общественной активности трудящихся,—говорится в нем,—ставят с особой остротой вопрос об усилении борьбы с недостатками и бюрократическими извращениями в советском аппарате, а также с фактами нарушения революционной законности. Это требует действительно внимательного и чуткого отношения со стороны всех советских и хозяйственных организаций к заявлениям и

жалобам трудящихся, указывающим на эти недостатки и извращения, устранение которых может дальнейшему росту наших успехов».

Совершенно ясно и несомненно, что надлежащая организация рассмотрения жалоб есть неотъемлемая составная часть организации проверки исполнения. Поэтому, бесспорно права М. И. Ульянова, подчеркивая, что вынося свое указанное выше постановление, «III Пленум Комиссии советского контроля руководствовался директивами партии и правительства, возлагающими на самих руководителей учреждений и организаций проверку исполнения, а, следовательно, и разбор жалоб трудящихся, указывающих на недочеты в их системе»¹.

Приведенные постановления высших органов Советского государства выражают принципиальный взгляд партии и правительства на вопрос о том, как должны относиться к подаваемым гражданами Союза жалобам те органы, на которые возложено рассмотрение этих жалоб. Эти постановления в развернутом виде обращают внимание на то самое, что в своей категорической и краткой формуле указал еще в 1918 г. Ленин. «Обязательно приучить население к тому, что делные жалобы имеют серьезное значение и приводят к серьезным результатам».

Нельзя, конечно, не согласиться с М. И. Ульяновой в том, что «в большинстве случаев жалобы, касающиеся даже узко личных вопросов, указывают на те или иные нарушения постановлений партии и правительства» и что «изучение и обобщение однородных жалоб дает возможность вышестоящим органам вносить коррективы в законодательство и отдельные мероприятия правительства»².

Поэтому совершенно естественно, что хотя большинство указанных выше актов и, в частности, постановления ЦИК Союза и Комиссии советского контроля непосредственно относятся к жалобам, подаваемым в административном порядке, их общий смысл, их общее значение должны быть полностью распространены и на те требования, которые должны быть предъявлены кассационным судам, рассматривающим кассационные жалобы на приговоры судов первой инстанции.

Таким образом, институт судебной проверки высшим судом работы судов первой инстанции по кассационным жалобам на их приговоры дает возможность осуществить в судебной области то двойное требование, которое советское государство предъявляет решительно во всех областях работы, а именно: с одной стороны, обеспечение гражданам широкой возможности обжалования неправильных и незаконных действий органов власти и должностных лиц, а, с другой стороны, обеспечение при помощи специального, то есть процессуально-регламентированного порядка рассмотрения—высокого качества судебной работы при рассмотрении и разрешении жалоб.

Совершенно ясно поэтому, какое большое значение имеет надлежащее построение кассационного процесса с первых его моментов, то есть

¹ М. И. Ульянова, «Больше внимания к заявлениям и жалобам трудящихся», «Большевик», № 15 за 1936 г., стр. 53.

² «Большевик» № 15 за 1936 г., стр. 44.

¹ Собрание узаконений № 31 за 1934 г.

начиная с подачи жалобы и кончая последним моментом, то есть провозглашением кассационного определения.

§ 6

Так, выработанный еще во время Французской революции механизм кассационного процесса оказался весьма пригодным для того, чтобы осуществить в судебной области целый ряд весьма серьезных и ответственных задач, которые ставит перед собой советское государство: организовать конкретно судебное руководство на конкретном деле; организовать проверку исполнения на конкретной ежедневной работе и притом проверку самими же руководящими органами; обеспечить единство понимания и применения законности; приучить население к тому, что дельные жалобы имеют серьезное значение и приводят к серьезным результатам.

Можно даже сказать, что ни одно другое ведомство и ни одна другая область работы не имеют для выполнения всех этих задач такого приспособленного инструмента, каким является в судебной области институт кассации.

Покойный П. И. Стучка в 1924 г. выражал сожаление о том, что в советское законодательство был введен даже термин «кассация». «Я грешен в том,—говорил он на V всероссийском съезде деятелей советской юстиции,—что я в свое время в декрет № 1 о суде вписал это слово «кассация». Я теперь бы этого не написал и вообще избегал бы слов «кассационный порядок». Кассационный порядок взят из Франции, где имеется наиболее буржуазный, наиболее классовый суд и вместе с тем самый лицемерный суд, там кассационная форма прикрывает классовый характер суда»¹.

Сожаление это столь же запоздалое, сколь и напрасное.

Не только термин «кассация» введен в наше законодательство совершенно правильно, но он совершенно точно соответствует и тому процессуальному понятию, которое он в советском праве выражает, и тому процессуальному институту, к которому он отнесен.

К институту кассации в советском процессуальном праве можно с полным основанием и целиком применить то, что по другому поводу говорил в одном из своих докладов А. Я. Вышинский, отвечая тем, кто отрицает возможность применения тех или иных правовых институтов у нас только потому, что они применялись ранее в буржуазном праве.

«Вместо того, чтобы взять от буржуазно-демократической культуры то, что нам нужно и что полезно взять,—писал А. Я. Вышинский,—огулом охаживают буржуазную культуру, мешают использовать заслуживающие внимания институты буржуазной культуры. Это не имеет ничего общего с указаниями Ленина и Сталина об отношении к буржуазной культуре, к буржуазному культурному наследию и использовании его для дела социалистического строительства... Мы должны взять от старой науки права то, что может быть использовано, мы должны использовать отдельные институты буржуазного процесса, явившиеся результатом известной судебной культуры,

с одной стороны, и, с другой стороны, должны разоблачить классовое содержание этих институтов, направленное против интересов рабочего класса, и дать этим судебным институтам, которые мы можем заимствовать из буржуазного арсенала, новое назначение, новое направление, наполнить их новым социалистическим содержанием, обратить их на пользу советского социалистического строительства»².

«Буржуазная или небуржуазная норма,—указывал далее А. Я. Вышинский,—мы определяем в зависимости от тех задач и целей, которым она служит... Поэтому «наше право никогда не было буржуазным ни по форме, ни тем более по содержанию. Нельзя говорить, что если у нас имеются правовые институты, похожие на те, которые имеются в буржуазных кодексах, то это значит, что у нас буржуазные нормы... Раз они включены в нашу систему, то они—институты наши. То, что эти нормы имеют ряд признаков, сходных с аналогичными буржуазными нормами, это не меняет сути дела»³.

Применительно к использованию в советском праве института кассации можно повторить также те соображения, которые А. Я. Вышинский, стоя последовательно на приведенной выше точке зрения, высказал недавно по поводу принципа процессуальной состязательности. «Да,—писал А. Я. Вышинский,—состязательность родилась и выросла в капиталистическом обществе, но говорить о том, что состязательность есть принцип или категория, свойственная только буржуазному обществу,—абсолютно неправильно»⁴.

Во всех приведенных выше рассуждениях об использовании культурного наследия предыдущей исторической эпохи для создания социалистической культуры А. Я. Вышинский стоит полностью на позициях, сформулированных в общей форме и Лениным и товарищем Сталиным.

В самом деле, у Ленина мы находим следующее указание: «Марксизм,—писал Ленин,—завоевал себе свое всемирно-историческое значение как идеология революционного пролетариата тем, что он, марксизм, отнюдь не отбросил ценнейшие завоевания буржуазной эпохи, а, напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры. Только дальнейшая работа на этой основе и в этом же направлении, одухотворяемая (практически) опытом диктатуры пролетариата как последней борьбы его против всякой эксплуатации, может быть признана развитием действительно пролетарской культуры»⁵.

А в беседе своей с английским писателем Г. Д. Уэллсом от 23 июля 1934 г. товарищ Сталин, стоя на той же точке зрения, говорил: «Новая власть создает новую законность, новый порядок, который является революционным порядком. Я стою не за всякий порядок. Я стою

¹ Стенографический отчет V съезда деятелей юстиции РСФСР, стр. 135, 136.

² Вышинский, Проблема оценки доказательств в советском уголовном процессе. «Социалистическая законность» № 7 за 1936 г.

³ Вышинский, «Советское государство» № 3—4 за 1937 г., стр. 49—50.

⁴ Вышинский, «Социалистическая законность» № 3 за 1937 г., стр. 10.

⁵ Ленин, т. XXV, стр. 409—410.

за такой порядок, который соответствует интересам рабочего класса. Если же некоторые законы старого строя могут быть использованы в интересах борьбы за новый порядок, то следует использовать и старую законность»¹.

Применяя эти общие точки зрения к проблеме кассации, мы можем формулировать такой же вывод, какой А. Я. Вышинский формулировал относительно принципа процессуальной самостоятельности.

Кассация создана в правовой системе, выросшей из французской буржуазной революции. Но это не дает достаточных оснований считать, что применение кассационного метода рассмотрения дел возможно только в буржуазном законодательстве.

Разумеется, что использование этого созданного буржуазной революцией института кассации стало возможным в советском государстве для достижения задач социалистического строительства лишь вследствие того, что почерпнутые из культурного наследия предшествующей исторической эпохи кассационные формы наполнены новым, гораздо более богатым содержанием и таким путем поставлены на службу советского государства и советской культуры вообще и советской юстиции и судебной культуры в частности. Изменение политического и процессуального содержания института кассации изменило и самую его форму. Институт кассации, другими словами, стал иным и по форме, и по содержанию, не перестав, однако, быть институтом процессуальной кассации. Таким образом, создан наряду с французским типом кассации новый тип кассационного процесса — советский тип кассации.

Обрисованное нами выше значение этого института кассации в системе советского государства достаточно объясняет важность и интерес темы о кассации в советском процессе для теоретического исследования.

§ 7

Наша работа посвящена исследованию теоретических проблем нашего кассационного процесса, с одной стороны, и разрешению в связи с этим основных вопросов, касающихся практической работы кассационных судов, с другой стороны.

Вопросов, относящихся к истории советского кассационного процесса, мы касаемся лишь постольку, поскольку это необходимо для уяснения теоретических проблем. Поэтому нашу работу не следует рассматривать как работу, которая исчерпывала бы историю кассации в советском уголовном процессе. Это необходимая огорка по поводу объема исследуемых в работе вопросов.

Другое замечание, также касающееся объема изучаемого материала, относится к следующему.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, 10 изд., стр. 611.

Наша работа посвящена проблемам кассации в советском уголовном процессе. При изучении уголовно-процессуальной кассации естественно должен возникнуть вопрос о параллельном изучении кассации также и в гражданском процессе.

В советском праве была в свое время сделана попытка слить уголовный и гражданский процесс в том смысле, чтобы подчинить рассмотрение и гражданских и уголовных дел полностью одному и тому же порядку и одним и тем же процессуальным правилам.

От этой мысли пришлось отказаться, ибо в самом содержании уголовных дел, с одной стороны, и гражданских споров, с другой стороны, есть целый ряд особенностей, которые требуют непременно различных процессуальных правил для рассмотрения обоих видов судебных дел. Поэтому принцип раздельного существования Уголовного процессуального кодекса, с одной стороны, и Гражданского процессуального кодекса, с другой стороны, — остается принципом советского процессуального права и в настоящий момент.

Но это не значит, что в уголовном процессе, с одной стороны, и гражданском процессе, с другой стороны, — нет совпадающих проблем, общих и тому и другому процессам.

Не говоря уже об общности политических основ того и другого процесса в законодательской системе, об общности политических целей и задач обоих процессов, в них имеются и общие процессуальные проблемы, составляющие основное содержание судебного права. К числу общих процессуальных проблем, конечно, относится и проблема кассации. Но это отнюдь не свидетельствует о том, что все вопросы, связанные с кассацией приговоров уголовного суда, решаются непременно так же, как и вопросы, связанные с кассацией решений гражданского суда. В самих же основах кассационного процесса, несомненно, имеются общие обоим процессам моменты. Изучение этих общих моментов может составить предмет самостоятельной работы.

Подготовительной стадией для такой обобщенной работы о кассации в советском судебном праве является первоначальное раздельное теоретическое изучение фактического законодательного и судебного материала, относящегося к кассации в уголовном процессе, с одной стороны, и такого же фактического материала, относящегося к кассации в гражданском процессе, с другой стороны. На почве такого раздельного изучения уголовной процессуальной кассации и гражданской процессуальной кассации можно будет затем произвести обобщенное изучение и обобщенный анализ проблемы кассации в советском судебном праве.

Наша работа посвящена специально проблемам кассации в советском уголовном процессе.

Когда советские цивилисты произведут такую же работу в области гражданского процесса, проблема изучения кассации в советском судебном праве сможет быть поднята на более высокую ступень.

Организационная и агитационная работа на избирательном участке

Подготовка к выборам в высшие органы государственной власти союзных и автономных республик — их Верховные Советы — совпадает по времени с подготовкой и проведением весеннего сева, а сами выборы будут проводиться во время летних сельскохозяйственных работ. Необходимость одновременного проведения двух важнейших кампаний, имеющих большое политическое значение, обязывает партийные и советские организации тщательно готовиться к весеннему севу и новой избирательной кампании.

Для успешного проведения весеннего сева и выборов в Верховные Советы союзных и автономных республик имеются все условия. Наше социалистическое сельское хозяйство вооружено передовой техникой, колхозы и совхозы обеспечены чистосортными семенами. На селе выросли миллионные кадры новых людей, широко развернуто стахановское движение. За последние годы высоко поднялись политическая активность и творческий энтузиазм трудящихся. За время избирательной кампании по выборам активность трудящихся поднята на новую высоту.

Выборы в Верховный Совет СССР продемонстрировали перед всем миром исключительное моральное и политическое единство советского народа, его глубокую преданность делу партии Ленина — Сталина. Во время выборов в Верховный Совет СССР весь советский народ голосовал за политику большевистской партии, за советское правительство, за первого депутата страны, любимого вождя товарища Сталина, за кандидатов блока коммунистов и беспартийных.

За последние годы партийные, советские и другие общественные организации СССР обогатились большим опытом по организации масс на разрешение важнейших политических и хозяйственных задач. Но это еще не говорит, что успех выборов в Верховные Советы союзных и автономных республик уже полностью обеспечен, что партийные и советские организации не должны самым тщательным образом готовиться к должной встрече предстоящей избирательной кампании.

Выборы в Верховные Советы союзных и автономных республик будут проводиться так же, как проводились и выборы в Верховный Совет СССР, по избирательным округам и избирательным участкам, организуемым по территориальному принципу.

Такое построение избирательных участков является одним из глубоких принципиальных отличий новой избирательной системы СССР. Ранее выборы в советы в городе происходили по производственному принципу, а в деревне — по территориально-административным единицам. Такие выборы обеспечивали руководящую роль рабочего класса в избирательной кампании. Производственный принцип вытекал из неизбежности для того периода некоторого неравенства в избирательных правах рабочих и крестьян. Прошедшие за последние годы крупнейшие сдвиги в классовой структуре нашего общества,

окончательная победа социализма привели нас к всеобщим, прямым и равным выборам при тайном голосовании.

Избирательные участки теперь являются единственной формой выборов в советы депутатов трудящихся как в городе, так и в деревне, где все избиратели голосуют по месту своего жительства. Исключением являются временно выбывшие, которые выбирают депутатов в советы согласно «удостоверениям на право голосования» на месте временного жительства, и избиратели, находящиеся в день выборов в больницах и родильных домах, а также в поездах дальнего следования и на пароходах.

На избирательных участках осуществляются важнейшие политические задачи, как-то: составление списков избирателей и проверка их самими избирателями, ознакомление трудящихся с Основным Законом СССР, с конституциями союзных республик и избирательным законом СССР и положениями о выборах в Верховные Советы союзных республик, и практическое осуществление всеобщих, равных, прямых и тайных выборов. Из этого видно, что избирательные участки являются важнейшими центрами всей избирательной системы, так как здесь производится проверка политического и морального состояния широких масс трудящихся; проверка прочности связи партии и правительства с массами и расширение этих связей и, наконец, проверка правильности практической деятельности партийных, советских и других общественных организаций и улучшение их работы.

Образованию избирательных участков местные партийные и советские организации должны уделить особое внимание. Надо сделать так, чтобы были ясно определены границы избирательных участков, чтобы ни одна улица, ни один дом в городе, ни один хутор и ни одна изба в деревне не остались не включенными в избирательные участки.

При выборах в Верховный Совет СССР образованию избирательных участков не везде уделялось должное внимание. По этим причинам в Свердловске не было включено в избирательные участки 120 домов, а отдельные улицы были отнесены к двум избирательным участкам; в Ярославле часть поселка тормозного завода, расположенного на территории Телишевского сельсовета, была включена в два избирательных участка — в городской и сельский. В некоторых приволжских районах средней и нижней Волги не были включены в избирательные участки избы бакенников, а в некоторых других областях остались вне участков лесные сторожки.

Подобные ошибки не будут иметь места, если местные советы внимательно отнесутся к образованию избирательных участков и если к этой работе будут привлечены широкие трудящиеся массы.

Избирательные участки по выборам в Верховные Советы союзных и автономных республик

создаются в основном при тех же условиях, как и при выборах в Верховный Совет СССР. Согласно избирательному закону СССР избирательные участки в деревне создавались при наличии не менее 500 и не более 2 000 жителей. В городах, где население размещается более плотно, избирательные участки образовывались при учете населения от 1 500 до 2 500 человек. Согласно избирательному закону СССР, избирательные участки создаются для каждой воинской части или соединения, где имеется не менее 50 избирателей. Самостоятельные избирательные участки создавались в больницах, родильных домах, санаториях, домах инвалидов при наличии не менее 50 избирателей. Для малонаселенных районов Севера и Востока союзным правительством разрешалось устанавливать избирательные участки при количестве 100 жителей, и в далеких северных факториях избирательные участки создавались при наличии 50 жителей. Положением о выборах в Верховный Совет СССР разрешалось создавать избирательные участки на судах, находящихся в плавании в день выборов, при наличии там не менее 25 избирателей, а также в поездах дальнего следования.

Эти основные положения избирательного закона СССР и указания союзного правительства об организации избирательных участков широко применены в избирательных законах союзных республик к местным условиям. Задача заключается в том, чтобы своевременно и правильно организовать избирательные участки. Для этого местным органам власти надо сейчас же проверить правильность образования избирательных участков в прошлом и внести исправления в соответствии с избирательным законом своей союзной республики.

Большое значение имеет выбор и оформление центров избирательных участков, где будут работать избирательные комиссии и в день выборов избиратели будут производить голосование.

В избирательную кампанию по выборам в Верховный Совет СССР далеко не все советы оценили важность своевременной и должной подготовки помещений для избирательных комиссий и для голосования избирателями. Отдельные советы выделили явно непригодные помещения. Так, в Орехове-Зуеве Московской области для избирательной комиссии 73 участка было отведено помещение в проходной будке. В Рязани той же области для избирательных комиссий 1 и 4 участков были отведены помещения, находящиеся на территории заводов, и чтобы попасть в эти помещения, избиратель должен был получить пропуск. Во Фрунзенском районе Куйбышева для двух участков избирательным комиссиям были отведены холодные полуразрушенные сараи, а для третьего — грязный подвал. Смоленский райисполком под избирательный участок Сожского сельсовета отвел полуразрушенное здание бывшей церкви, на куполом которой были кресты.

Значительное количество советов с большим вниманием и заботой отнеслись к выделению и оборудованию помещений для избирательных комиссий и пунктов для голосования. Избирательным комиссиям были предоставлены лучшие помещения, которые были хорошо оборудованы и красиво оформлены. Во многих городах на избирательных участках были организованы агитационные пункты, детские комнаты, пункты

скорой медицинской помощи и буфеты. Например, с большим вкусом было оформлено помещение избирательной комиссии 20 участка Ленинского района Москвы. Вдоль всего коридора, ведущего в комнату для получения бюллетеней, была проложена ковровая дорожка. По бокам этой дорожки стояли тумбочки с цветами. На стенах внутри помещения были развешены транспаранты с цитатами из Сталинской Конституции. В комнате, где избиратель получал бюллетени и конверт, стояло 6 столов для членов участковой избирательной комиссии и регистраторов. На каждом столе имелись списки избирателей только на несколько букв алфавита. Например, за первым столом выдавали бюллетени избирателям, фамилии которых начинались на буквы А, В, В и Г, а за вторым столом — на буквы Д, Е, Ж, З, и т. д. Для того чтобы избиратель сразу же обратился к тому столу, где в списках избирателей имеется его фамилия, перед входом в комнату избирателя встречали дежурные из советских активистов, которые, спросив его фамилию, сообщали ему, к какому столу он должен идти для получения бюллетеней и конверта. В помещении этого участка было устроено 12 изолированных кабин для тайного голосования. В каждой кабине были стол с необходимыми письменными принадлежностями и стул. В помещении участка были комната отдыха, буфеты и детские ясли. В распоряжении избирательной комиссии были три легковых машины для перевозки избирателей, которым в силу их преклонного возраста было трудно прийти для голосования.

Одновременно с образованием избирательных участков и оборудованием помещений для голосований будут составляться участковые избирательные комиссии. Эта задача облегчается тем, что в избирательную кампанию по выборам в Верховный Совет СССР подготовлены прекрасные кадры. В одних только избирательных комиссиях на 137 158 участках работало свыше 1 500 тыс. человек. Кроме того, на каждом избирательном участке работали десятки агитаторов, пропагандистов, беседчиков и несколько доверенных лиц. Таким образом, кроме членов избирательных комиссий на участках работало свыше трех миллионов партийного и советского актива. Абсолютное большинство активистов избирательной кампании проявило себя с положительной стороны по организации масс на выборы в Верховный Совет СССР. Бесспорно, что все лица, доказавшие способность по-большевистски бороться за выполнение задач избирательной кампании, должны быть вновь вовлечены в работу на избирательных участках в качестве членов избирательных комиссий, доверенных лиц, пропагандистов, агитаторов, консультантов и беседчиков.

Участковые избирательные комиссии состояются из представителей общественных организаций и обществ трудящихся и утверждаются соответствующими городскими или районными советами депутатов трудящихся. Следует учесть, что в прошлую избирательную кампанию в результате безответственного и бюрократического подхода некоторых городских и районных партийных, советских и профессиональных организаций кое-где были допущены извращения избирательного закона СССР в части составления участковых избирательных комиссий. Например,

секретарь Боровского горсовета Московской области Комаров самостоятельно составил список членов участковых избирательных комиссий. В результате такого подбора участковых избирательных комиссий в их состав в отдельных случаях попали классово-чуждые элементы и лица, имевшие в прошлом судимость. По этим причинам классово-чуждые элементы кое-где проникли и в состав участковых избирательных комиссий и в ряде других мест. Так например, в Рыбинском районе Ярославской области в 42 участковых избирательных комиссиях оказалось 53 лица, имевших в прошлом судимость (в их числе были церковники и другие лица, не заслуживающие политического доверия).

В процессе работы избирательных комиссий допущенные извращения были исправлены, а проникшие в состав отдельных комиссий враждебные элементы были выявлены и заменены выдвинутыми общественными организациями и обществами трудящихся товарищами, пользующимися доверием широких масс избирателей.

Проникновению в состав участковых избирательных комиссий классово-чуждых элементов всячески способствовали выявленные впоследствии на местах враги народа. За последнее время партия провела очень большую работу по очищению советской земли от различной нечисти. Но и теперь не исключена возможность, что находящиеся в глубоком подполье еще неразоблаченные враги народа попытаются протасовать своих ставленников в избирательные комиссии и на другую работу по выборам в Верховные Советы союзных и автономных республик. Поэтому партийные, советские, профсоюзные организации и общества трудящихся должны отнестись со всей внимательностью к выделению своих представителей в участковые избирательные комиссии и к выставлению кандидатур доверенных лиц, памятуя, что враги народа могут принести большой вред на избирательных участках.

Большое политическое значение имеет составление списков избирателей. При подготовке к выборам в Верховный Совет СССР в составлении списков избирателей в ряде мест было допущено много путаницы. Списки избирателей иногда составлялись неряшливо, фамилии избирателей искажались, некоторые фамилии были внесены в списки два раза, а другие совсем пропускались. Были случаи, когда из списков выпадали фамилии избирателей, живущих в тех или иных домах и даже на определенных улицах, но вместе с этим в списки вносились лица, не достигшие 18 лет, а иногда и умершие. В ряде мест некоторых избирателей исключали из списков как «умалишенных», хотя специального заключения врачей о признании их таковыми не было. Также не вносили в списки избирателей слепых, глухонемых и престарелых. В некоторых советах жалобы на неточности в списках избирателей рассматривались несвоевременно, часть из них вообще не рассматривалась. В Подольске, Московской области, в списках избирателей было пропущено свыше 7 тыс. избирателей, что составляет около 21% всех избирателей города. В отдельных избирательных участках Подольского района в списках оказались пропущенными свыше 50% избирателей. В городе Энгельсе (АССР немцев Поволжья) в списки избирателей было внесено 5 005 исправлений и дополнительно вписано 4 010 избирателей, пропу-

щенных и прибывших после составления списков. В Симферополе после вывешивания списков для обозрения обнаружилось, что около тысячи избирателей не включены в списки (в том числе и сам председатель горсовета). В Сок-Кармалинском районе Оренбургской области с согласия председателя райисполкома Звездина без всякого заключения медицинской экспертизы не были включены в списки избирателей 46 глухонемых и слепых, которых приравнивали к категории умалишенных.

Подобные нарушения избирательного закона СССР нередко делались по прямым указаниям врагов народа. Примером этого является официальное разъяснение вредителя Крыленко народным судам. В разъяснении говорилось, что в списки избирателей не вносятся только те лица, которые были осуждены и лишены избирательных прав по суду после принятия Сталинской Конституции. Это неправильное разъяснение было немедленно отменено.

На основании избирательных законов союзных республик советы обязаны за 30 дней до выборов вывесить списки избирателей для всеобщего сведения. Поэтому уже сейчас надо приступить к подготовке списков избирателей. Для этого надо проверить все дома избирательных участков, установить там, где ее нет, нумерацию домов в городах, проверить домовые книги в городах и поселенные списки на селе, учтя всех избирателей выбывших и вновь прибывших после 12 декабря 1937 г. К составлению списков избирателей следует привлечь квалифицированных работников. Списки избирателей должны быть в каждом избирательном участке, где избиратели могли бы своевременно проверить правильность занесения в списки их фамилий.

Среди всей подготовительной работы к выборам в Верховные Советы союзных и автономных республик очень важное место занимает агитационная работа среди избирателей. Хорошая подготовка к избирательной кампании заключается в том, чтобы добиться сознательного разрешения широкими массами трудящихся всех вопросов избирательной кампании и устранить все препятствия для активного участия в выборах всех избирателей. Для этого недостаточно только организовать избирательные округа и участки, создать избирательные комиссии, правильно составить списки избирателей, но надо политически подготовить всех трудящихся к этой важнейшей, наиболее массовой кампании. Надо добиться такого положения, чтобы все избиратели были вполне единодушны по всем вопросам избирательной кампании, начиная с выделения представителей общественных организаций и обществ трудящихся в избирательные комиссии, выставления кандидатов в депутаты и кончая выборами депутатов в Верховные Советы союзных и автономных республик.

Надо помнить, что остатки разгромленных эксплуататорских классов, подонки человеческого общества, разбитые наголову троцкисты, бухаринцы и буржуазные националисты попытаются использовать избирательную кампанию по выборам в Верховные Советы союзных и автономных республик в своих контрреволюционных целях. Враги партии и советского народа попытаются активизировать деятельность церковников, сектантов, других классово-чуждых элементов, а

также и отсталых элементов, которые завуалированно, а иногда и открыто, будут истолковывать в своих антисоветских интересах конституцию и избирательные законы союзных республик, попытаются развалить массовую работу и проталкивать своих «кандидатов» в Верховные Советы.

Процесс по делу антисоветского «право-троцкистского блока» показал, на что способны заклятые враги народа. Они не останавливаются ни перед какими злодеяниями для того, чтобы выполнить директиву своих фашистских хозяев, чтобы реставрировать в нашей стране капитализм. На процессе доказано, что изверги рода человеческого пытались убить лучших из лучших людей всего прогрессивного и передового человечества — Ленина, Сталина, Свердлова. Фашистские наймиты умертвили великого гуманиста Горького и наших выдающихся государственных деятелей Менжинского и Куйбышева.

В прошлую избирательную кампанию в Азовском районе Омской области группа террористов, озверевших врагов народа, убила члена Ново-Курской участковой избирательной комиссии т. Т. А. Портышева. В Мордовской АССР враг народа, бандит Миронов, при помощи двух своих подручных избил до потери сознания члена окружной комиссии по Рузаевскому избирательному округу т. Трянину. В той же республике был осуществлен террористический акт против председателя участковой избирательной комиссии Ксылковского района т. Сергеева. Бандитские выступления врагов народа и их подставных лиц были и в ряде других мест.

Все это обязывает партийные и советские организации максимально развернуть политико-воспитательную работу в массах избирателей, еще выше поднять их революционную бдительность.

Выборы в Верховный Совет СССР показали, какое огромное значение имеет агитационно-массовая работа. Изучение Сталинской Конституции и избирательного закона СССР и ознакомление с достижениями нашего социалистического государства значительно обогатило знания избирателей и еще больше сплотило рабочих и крестьян и всех трудящихся нашей страны вокруг коммунистической партии.

Развертывание теперь агитационно-массовой работы имеет также исключительно большое значение. Совпадение во времени подготовительных работ к двум важнейшим политическим кампаниям, имеющим грандиозное значение, обязывает партийные и советские организации еще теснее связаться с массами избирателей для того, чтобы вовлечь их в активную работу по подготовке к этим кампаниям, чтобы еще выше поднять их политическую активность на выборах в Верховные Советы союзных и автономных республик и повысить их трудовой энтузиазм во время выполнения задач нынешнего сельскохозяйственного года.

При развертывании агитационно-массовой работы надо показать все достижения СССР, все победы социалистического строя, сравнить их с экономическим и политическим положением в буржуазных странах. При этом надо разъяснить трудящимся очень сложное сейчас международное положение, которое резко изменилось со времени выборов в Верховный Совет СССР. В этом заключается следующая особенность новой избирательной кампании. Разъяснение меж-

дународного положения, раскрытие замыслов и действий фашистских агрессоров еще больше усилит обороноспособность СССР, еще теснее сплотит трудящихся нашей страны с пролетариатом зарубежных стран.

Залогом успешного развертывания большевистской агитационно-массовой работы является наличие у партийных и советских организаций богатого опыта, полученного ими во время избирательной кампании по выборам в Верховный Совет Союза ССР, значительное повышение во время этой избирательной кампании политической активности избирателей и выявление новых кадров агитаторов в рядах нашей партии, среди членов советов, профсоюзов и комсомольских организаций.

Порукой тому, что все средства политической агитации будут в предстоящий период широко использованы, является повседневное руководство коммунистической партии и ее ЦК этой сложной и ответственной работой по доведению до широких масс трудящихся всех политических и организационных мероприятий партии, всех успехов в строительстве социализма.

Коммунистическая партия, ее Центральный Комитет и вождь народов СССР великий Сталин всегда уделяли и уделяют особое внимание развертыванию агитационно-массовой работы.

В докладе на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов товарищ Сталин особенно отметил значение агитационной работы в связи с выборами депутатов в советы. Говоря о предоставлении избирательных прав в прошлом враждебным советской власти элементам и о боязни, что в верховные органы страны может пролезть кое-кто из бывших белогвардейцев, попов и т. д., товарищ Сталин подчеркнул, что «...если народ кой-где и изберет враждебных людей, то это будет означать, что наша агитационная работа поставлена из рук вон плохо, и мы вполне заслужили такой позор, если же наша агитационная работа будет идти по-большевистски, то народ не пропустит враждебных людей в свои верховные органы»¹.

Это указание вождя коммунистической партии и всех трудящихся о развертывании агитационной работы должно быть положено общественными организациями в основу всей подготовительной работы к выборам в Верховные Советы союзных республик и ко всем сельскохозяйственным работам текущего года. Все партийные и советские организации должны помнить, что чем теснее они будут связаны с массами, чем лучше трудящиеся будут знать все наши достижения и недостатки в той или иной работе местных органов, тем активнее будет их участие в исправлении этих недостатков и в обеспечении дальнейших побед.

Несмотря на успешное развертывание партийными организациями большевистской агитации, у нас еще не все население охватывается массово-политической работой. Товарищ Жданов год тому назад в докладе на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) говорил, что «наша агитация захватывает главным образом передовых рабочих, отдельные колхозы. Она совершенно не схватывает огромных слоев людей, которые го-

¹ Сталин, Доклад о проекте Конституции, Партиздат, 1937 г., стр. 43.

товы нам помочь, в любое время готовы откликнуться и быть нашими друзьями, непартийными большевиками. Я имею в виду здесь интеллигенцию, служащих, домохозяек, да и не только их. Надо прямо сказать, что агитационной работой мы не охватываем даже всех рабочих на крупных предприятиях»¹.

За время избирательной кампании по выборам в Верховный Совет СССР этот недостаток в массовой работе в большинстве случаев устранен. Но и до сих пор есть еще немало населения, среди которого агитационно-массовая работа развита неудовлетворительно.

Поэтому одной из важнейших задач городских и сельских партийных и советских организаций в настоящее время является развертывание агитационно-массовой работы среди всех слоев населения. Партийным и советским организациям надо добиться такого положения, чтобы все рабочие фабрик и заводов, рабочие и служащие МТС, МТМ и совхозов, все колхозники и единоличники хорошо знали директивы советского правительства и Центрального Комитета нашей партии, а также указания местных партийных и советских организаций о подготовке к новой избирательной кампании, и чтобы все трудящиеся хорошо знали конституции и избирательные законы своих союзных республик.

Ознакомление широких масс избирателей с конституциями и избирательными законами союзных республик надо производить посредством проверенных партией методов, применяемых в прошлую избирательную кампанию. Такими методами были: доклады о Сталинской Конституции и о «Положении о выборах в Верховный Совет СССР» на собраниях партийных и профессиональных организаций, на расширенных пленумах советов, их массовых организаций; беседы о Конституции и избирательном законе СССР с группами избирателей в предприятиях, учреждениях, в колхозах, совхозах и по общежитиям рабочих и домам колхозников и городского населения и изучение Конституции СССР и «Положения о выборах» в специальных политкружках.

В каждой автономной республике, в каждом крае и области количество проведенных после опубликования избирательного закона собраний исчисляется тысячами. По шести областям УССР в конце прошлого года проведено около 50 тыс. собраний и митингов, на которых присутствовало свыше 4 млн. человек. В Челябинской области проведено свыше 15 тыс. собраний. В Черниговской области было создано 1167 пленумов советов и исполкомов. Такое положение было почти в каждой области, в каждом крае, в каждой автономной республике.

В последние месяцы до выборов в Верховный Совет СССР рабочие фабрик, заводов, МТС, совхозов, колхозники, единоличники и все трудящиеся города и села тщательно изучали Сталинскую Конституцию и избирательный закон. В одной только Калининской области было организовано свыше 5 тыс. кружков по изучению

«Положения о выборах в Верховный Совет СССР». Широкая сеть кружков была в Куйбышевской области. В ноябре прошлого года там работало 16 тыс. кружков, в которых занималось 385 тыс. избирателей. В одном только Кинельском районе работало 302 кружка, охвативших свыше 5 тыс. избирателей. В поселке Кинель было организовано 54 агитационных участка. В Мелекесском районе этой же области работало 194 кружка, в которых 4710 человек изучали избирательный закон. В Лбищенском районе Казахской ССР постоянно работало 215 кружков с 11 816 слушателями (в том числе 5 447 женщин).

Следовательно, местные партийные и советские организации имеют теперь большой опыт в агитационно-массовой работе. За время избирательной кампании по выборам в Верховный Совет СССР партийные и советские организации изучали Сталинскую Конституцию, избирательный закон СССР, выделяли пропагандистов и агитаторов. Вот, например, Корнеевский сельсовет Москаленского района Омской области всю свою работу в прошлом году перестроил так, чтобы Сталинскую Конституцию и избирательный закон СССР сделать достоянием каждого избирателя. Политико-воспитательная работа в связи с выборами в Верховный Совет началась в этом селе с изучения Конституции и избирательного закона на расширенном пленуме сельсовета. Затем изучение этих важнейших документов было перенесено на общеколхозные и бригадные собрания. Для этой работы сельским советом привлечен актив и местная интеллигенция. Для того чтобы агитаторы являлись на занятия подготовленными и могли бы ответить на все вопросы, возникающие при изучении Конституции и «Положения о выборах в Верховный Совет СССР», при сельском совете был организован семинар, в котором занималось 15 агитаторов. После семинара агитаторы направлялись в колхозы и проводили там занятия в 11 кружках. Для вовлечения всех избирателей в кружки село было разбито на десятидворки, к которым прикреплены депутаты совета и агитаторы для проведения разъяснительной работы.

Для изучения конституций союзных республик в специальных политкружках следует организовать 5 занятий, на которых надо обязательно разработать следующие темы: 1) государственное устройство союзной республики, 2) высшие органы власти союзной республики, 3) органы государственного управления, 4) местные органы государственной власти. Желательно выделить и остальные главы конституций союзных республик в специальные темы для изучения, хотя они подробно изучались во время прошлой избирательной кампании по выборам в Верховный Совет СССР.

Для изучения избирательных законов союзных республик необходимо выделить 4 занятия, на которых изучить: 1) избирательное право и избирательную систему, 2) избирательные округа и избирательные участки, 3) избирательные комиссии и их задачи, составление списков избирателей, 4) выставление кандидатов, порядок голосования и определение результатов выборов.

Кроме изучения в кружках конституций союзных республик и положений о выборах в Верховные Советы союзных республик следует на специальном занятии в кружках изучить речь

¹ А. А. Жданов, Подготовка партийных организаций к выборам в Верховный Совет СССР по новой избирательной системе и соответствующая перестройка партийно-политической работы, Партиздат, 1937 г., стр. 33.

товарища Сталина на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа Москвы.

Основной литературой для изучения указанных выше тем являются: доклад товарища Сталина на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов «О проекте Конституции Союза ССР», речь товарища Сталина на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа, беседа товарища Сталина с г-ном Рой Говардом, доклад товарища Сталина на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников», доклад т. Молотова на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов «Об изменениях в советской конституции», речь т. Молотова на собрании избирателей Молотовского округа Москвы; М. И. Калинин — «Положение о выборах в Верховный Совет СССР и задачи советов»; М. И. Калинин — «Что дала советская власть трудящимся»; Конституция СССР, конституция союзных республик, «Положение о выборах в Верховный Совет СССР» и положения о выборах в верховные советы союзных республик.

Для того, чтобы всюду обеспечить изучение этого материала, партийные и советские организации обязаны многое сделать.

В первую очередь надо всюду организовать кружки по изучению конституций и избирательных законов союзных республик, улучшить работу уже существующих кружков, оживить агитационную работу (беседы, читки, доклады и т. д.), проводя ее не только в клубах, народных домах, в красных уголках, но среди городского населения в общежитиях, в домах и квартирах избирателей, а на селе — по десятидворкам в квартирах колхозников и единоличников, в полевых бригадах и т. д.

Для успешной работы кружков по изучению конституций и избирательных законов союзных республик надо проверить качество работы пропагандистов. В конце прошлого года в ряде мест в агитаторы пролезли классово-чуждые элементы, а многие пропагандисты и агитаторы не справились с возложенными на них задачами. В Чамзинском районе Мордовской АССР в числе пропагандистов оказались классово-чуждые элементы. Такие «агитаторы» «разъясняли», что в Верховный Совет могут избираться лица от 18-летнего возраста до... потери ими трудоспособности. В Судакском районе Крымской АССР агитаторами в ряде деревень были утверждены классово-чуждые и не проверенные элементы. Так, в деревне Кутлак руководство кружком было поручено Сагерману — выходцу из кулацкой среды, который в 1921 г. расстреливал татарскую бедноту. В этой же деревне другим кружком руководил бывший крупный спекулянт. В деревне Таракташ агитатором выделен Али Асан, который

был связан с буржуазно-националистическими элементами. Здесь же руководителем кружка являлся Измайлов, исключенный из партии за активную поддержку кулачества.

Качество изучения конституций и положений о выборах при этих условиях не может быть удовлетворительным.

Руководство кружками по изучению конституций и избирательных законов союзных республик, а также агитационную работу в избирательных участках надо поручать лучшим партийным и непартийным большевикам, хорошо политически подготовленным.

После выборов в Верховный Совет СССР многие партийные и советские организации сумели закрепить на агитационно-пропагандистской работе огромную армию агитаторов, пропагандистов и беседчиков, выдвинувшихся за время прошлой избирательной кампании. В Пролетарском районе Москвы основная масса пропагандистов не прекращала работу в политкружках, сотни агитаторов работают и поныне в домах и общежитиях по месту жительства трудящихся. В Московском районе Ленинграда свыше 2 тыс. агитаторов продолжают вести агитационно-массовую работу в семьях трудящихся на избирательных участках. В Украинской ССР на избирательных участках сейчас работает около 200 тыс. политкружков, в которых около 5 млн. избирателей изучают конституцию и избирательный закон УССР.

Замечательными агитаторами, пользующимися любовью и уважением масс, являются избранники народа — депутаты Верховного Совета СССР. В ряде республик, краев и областей депутаты развернули большую агитационно-массовую работу. В Москве, Ленинграде, в Горьком, в Кабардино-Балкарской АССР и Карачаевской автономной области выступления депутатов превращались в огромные всенародные собрания и митинги, проходившие при исключительной активности трудящихся. Надо шире использовать депутатов Верховного Совета СССР в организационной и агитационно-массовой работе, прикрепляя к ним менее подготовленных и искушенных в этой работе товарищей.

Предстоящие выборы в Верховные Советы союзных и автономных республик потребуют гораздо большего, чем прежде, разворота и агитационной деятельности. Готовясь к выборам, партийные организации должны не только сохранить наличные кадры, но и пополнить их, выдвигая новых партийных и непартийных большевиков для организации масс на разрешение всех задач, предстоящей избирательной кампании.

Вся эта многообразная организационно-политическая работа с массами избирателей будет проходить на избирательных участках, образованию которых, а также развертыванию на них работы, партийные и советские организации обязаны уделить особое значение.

К вопросу о криминалистической экспертизе выстрелов, оружия и боеприпасов по делам об убийствах и ранениях огнестрельным оружием

В настоящее время не приходится говорить о том громадном значении, которое имеет своевременное раскрытие убийств и ранений из огнестрельного оружия. Всякому практическому работнику следствия и суда ясно, какую роль играет огнестрельное оружие, в первую очередь — короткоствольное, при убийствах, покушениях на убийство и вооруженных нападениях. Перед всеми другими видами оружия огнестрельное оружие имеет значительное преимущество как в отношении его портативности, так и в смысле быстроты и удобства действия и возможности немедленно обезвредить противника. Надо также заметить, что огнестрельное оружие и боеприпасы к нему довольно часто фигурируют на суде в качестве вещественных доказательств. Одновременно с этим необходимо подчеркнуть то важное обстоятельство, о чем красноречиво свидетельствует судебная практика и опыт работы институтов судебной экспертизы, что изъятие вещественных доказательств, их направление и исследование отнюдь нельзя признать удовлетворительными. Нам уже не раз в печати приходилось указывать на то, что в большом проценте случаев огнестрельное оружие все же по самым разнообразным причинам не направляется в суды, а «рассасывается» на местах и в лучшем случае, как гласят об этом протокольные записи, передается местной милиции. Вследствие этого из дела выпадают весьма ценные улики.

Многократно также говорилось и о том, что только незначительная часть подобного рода вещественных доказательств подвергается квалифицированной экспертизе. Почти полное отсутствие криминалистических лабораторий в системе НКЮ является основной причиной того, что следователи вынуждены обращаться к случайным экспертам-охотникам и военным специалистам, экспертизы которых, как об этом не раз указывалось, не являются полноценными.

Расследование дел об убийствах и ранениях из огнестрельного оружия представляет целый ряд специфических особенностей и трудностей, преодоление которых возможно при наличии у представителей следствия определенного уровня баллистических знаний.

В специальной криминалистической и судебно-медицинской литературе зарегистрированы многочисленные случаи следственных и судебных ошибок, объясняемых, с одной стороны, неумением следственных работников надлежащим образом исследовать места происшествий, изъять и направить необходимые вещественные доказательства, а с другой стороны, низким качеством экспертизы этих доказательств.

В задачи данного очерка входит описание вставших перед следователем вопросов, связанных с криминалистической экспертизой выстрела, оружия и боеприпасов, а также описание основных моментов техники осмотра и исследования места происшествия.

1. Основные вопросы, подлежащие разрешению следствия

При расследовании дел о нанесении смертельных и не смертельных повреждений из огнестрельного оружия перед следователем стоят и требуют своего разрешения следующие основные вопросы.

1. Является ли данное повреждение огнестрельным?
 2. Сколько выстрелов было в данном случае?
 3. Какое ранение является входным и какое — выходным (при сквозных ранениях)?
 4. На каком расстоянии был произведен выстрел?
 5. Какое направление пулевого канала в пораженном объекте, в частности в теле человека?
- Попутно с этим иногда возникает вопрос о том, под каким углом был произведен выстрел и о направлении полета пули.

6. Из какого огнестрельного оружия был произведен выстрел?

При рассмотрении этого вопроса в зависимости от характера обнаруженных по делу вещественных доказательств обычно подлежат разрешению также вопросы:

- а) Выстрелены ли обнаруженные гильзы из данного оружия?
 - б) Выстрелена ли обнаруженная пуля из данного оружия (идентификация огнестрельного оружия по выстреленным пулям).
 - в) Можно ли по характеру имеющихся в объектах внедрившихся порошинок судить о сорте пороха в патронах?
 7. Имело ли в данном случае место убийство или самоубийство?
 8. Не произошел ли в данном случае выстрел от неосторожности потерпевшего или неумения последнего обращаться с огнестрельным оружием?
 9. Не является ли данный случай умышленным самоповреждением, то есть самострелом?
- Перечисленными выше вопросами не исчерпываются все вопросы, которые могут возникнуть у следователя по отдельному конкретному делу. В качестве примеров подобных дополнительных вопросов надо указать на вопросы: об определении вида оружия по отпечаткам их дульной плоскости на коже вокруг входного отверстия (по так называемым штанцмаркам), об определении вида оружия по звуку выстрела, об интенсивности пламени выстрела и другие.

Разрешение этих вопросов нередко представляет величайшие трудности и требует от представителя расследования исключительного внимания, наблюдательности и подготовленности.

Громадную роль играют при расследовании этих дел вещественные доказательства, своевременное научное криминалистическое исследование которых часто имеет решающее значение.

II. Вещественными доказательствами могут являться:

- а) предметы и следы окружающей обстановки на месте происшествия;
- б) одежда и обувь трупа или потерпевшего;
- в) огнестрельное оружие;
- г) боеприпасы — патроны, гильзы, пули, дробь, порох, пыжи и взрывчатые вещества, обнаруженные как в пораженных объектах, так и изъятые у заподозренных по делу лиц;
- д) части трупа, изъятые при судебно-медицинском исследовании последнего.

III. К осмотру места происшествия

Как показывает практика, всегда при расследовании дел о нанесении смертельных и не смертельных огнестрельных повреждений необходим тщательный осмотр и исследование места происшествия с обязательным детальным протоколированием полученных данных.

Участие в осмотре места происшествия специалистов по криминалистической экспертизе, когда привлечение их представляется возможным, необходимо всемерно приветствовать. Большую пользу при исследовании обстановки места происшествия приносит инструментальный следственный чехмодан, который следователю необходимо иметь с собой. Фотографирование места происшествия и трупов на месте их обнаружения имеет в делах об убийствах выстрелом особое значение, а потому должно считаться обязательным.

К осмотру места происшествия и к исследованию трупов привлекаются судебно-медицинские эксперты.

Как и при расследовании всякого рода убийств следователю или лицу, его заменяющему, надлежит позаботиться о фиксации и сохранении следов (ног, пальцев, крови и др.), отмечая при этом особо следы борьбы.

Обязательно надлежит занести в протокол осмотра в случае обнаружения местонахождение и положение огнестрельного оружия, которое является ценнейшей уликой во всем дальнейшем расследовании дела.

Большой интерес в криминалистическом отношении имеет месторасположение трупа и оружия.

Так же важно определить и зафотографировать местонахождение выстреленных патронных гильз, являющихся весьма ценными вещественными доказательствами, позволяющими, как правило, идентифицировать оружие, из которого выстрелены эти гильзы.

Известно, что направление и расстояние выбрасывания выстреленных патронных гильз неодинаковы у разных видов огнестрельного (самозаряжающегося) оружия.

Например, большинство современных самозаряжающихся (так называемых автоматических) пистолетов, выбрасывает после выстрела стреляющую гильзу вправо или же вправо и назад; некоторые пистолеты выбрасывают гильзы вверх и вперед. Знание этой особенности огнестрельного оружия может оказаться весьма полезным при установлении места, откуда был произведен выстрел.

Для определения места, откуда был произведен выстрел, помимо определения направления пулевого канала в теле человека или предмета обстановки и места нахождения патронных гильз, можно иногда руководствоваться также и положением несгоревших остатков пороха, упавших

по направлению полета пули. Вполне понятно, что последнее возможно лишь тогда, когда выстрел был произведен в закрытом помещении, где к тому же имеются большие гладкие поверхности пола, столов, диванов и т. п.

Имеющиеся на указанных предметах подозрительную пыль следует собирать при помощи особых щеточек и пылесосов, при этом в протоколе необходимо указать, с каких именно мест была взята пыль.

Особое внимание на месте происшествия следует обратить на обнаружение следов выстрела и пуль на различных предметах окружающей обстановки (потолок, стены, двери, мебель, оконные рамы, стекла, деревья и др.).

Следы пуль и дроби на предметах окружающей обстановки помимо их специального значения указывают также на направление выстрела.

Крайне важно установить путем соответствующих измерений высоту месторасположения следов пуль и их пространственное соотношение к главным предметам, имеющимся на месте происшествия (в закрытом помещении такими являются окна, пол, потолок и другие предметы). Как показывают наблюдения из практики, в особенности районной, нередко встречаются выстрелы через окно. В подобных случаях полезно на месте происшествия зарисовать и описать контуры повреждений стекол на листе прозрачной бумаги.

Остатки простреленных и разбитых оконных стекол должны быть осторожно и заботливо собраны и предохранены от дальнейшего разрушения.

В отдельных случаях при выстрелах через окно имеются также и повреждения пульей оконных рам и ставней.

Для установления огнестрельного происхождения этих повреждений указанные предметы или части их направляются в криминалистические лаборатории и институты научно-судебной экспертизы для специального исследования.

По одному сложному делу следователем Червенского района была направлена в институт судебной экспертизы оконная ставня, на которой имелось небольшое овальное отверстие неизвестного происхождения. У следователя имелось предположение о выстреле из обреза. Соответствующими рентгеновскими и судебно-химическими исследованиями ставни в лаборатории института было установлено присутствие в дереве вокруг указанного отверстия свинца, что было единственным и при том важным доказательством прохождения здесь пули.

Внимательным исследованием места происшествия в ряде случаев выстрелов из дробового оружия удается обнаружить пыжи или части последних.

Известно, что пыжи вылетают из дробового оружия вместе с другими частями заряда; благодаря своему легкому весу пыжи не отлетают на большое расстояние. Как общее правило, пыж летит вместе с другими частями снаряда на протяжении первых пяти метров.

Обнаружение пыжей или даже их обрывков может дать для расследования весьма ценный материал, во-первых, для идентификации патронов, и, во-вторых, для определения расстояния и места, откуда был произведен выстрел.

Следственная практика знает много случаев, когда на основании исследования пыжа были идентифицированы патроны и тем самым была установлена причастность определенных лиц.

Насколько ценной уликой может послужить пых, показывает следующий случай, описанный И. Н. Якимовым.

Между селами Смоленским и Пушкинским Московской области было совершено нападение на почтальона, во время которого он был ранен несколькими выстрелами; несмотря на это, он все же спасся сам и спас почту. При осмотре места происшествия работниками расследования было найдено несколько пыхей, изготовленных из обрывков газет. Немедленно были взяты на учет все местные охотники, из которых двоих братьев Ч. не оказалось дома. Обыском в их помещении был обнаружен кусок газеты, к нему по краям, по форме и по содержанию подошли обрывки газет, из которых были изготовлены найденные ружейные пыхи. Оба охотника сознались в вооруженном нападении на почту.

Весьма характерным для такой категории случаев является старый случай, приводимый Гофманом в его руководе.

Один егерь был найден в лесу застреленным. Вскрытием трупа было установлено, что выстрел был произведен с очень близкого расстояния в левую сторону груди и произвел разрушение сердца и легкого. В грудной полости были обнаружены дробинки и остатки бумажного пыха, изготовленного из листов календаря. Такой же календарь был обнаружен в квартире подозревавшегося в убийстве, причем несколько листов из календаря было вырвано, между ними и те, из которых сделан пых.

В этом случае пых был одной из главных улики по делу. Заметим кстати, что помимо идентификации обрывков бумаги по их величине и конфигурации необходимо также произвести и криминалистическую экспертизу бумаги (микроскопическое и химическое исследование).

Если в каких-либо предметах будет обнаружено присутствие пуль или их осколков, то необходимо позаботиться о сохранении этих предметов.

Более целесообразно направить эти предметы в институт или лабораторию судебной экспертизы.

При извлечении пуль из различных предметов необходимо проявить особую осторожность; если пуля обнаружена в штукатурке, весьма желательно удалить пулю вместе с куском штукатурки. В случаях, когда на месте происшествия расследованием устанавливается выстрел из дробового оружия, полезно зафиксировать месторасположение дробинки, что может оказать помощь при определении конуса рассеивания дробы. Помимо следов пуль на пораженных объектах при близких выстрелах иногда можно установить наличие явлений разряда — следов пороховой копоти и внедрение негоревших пороховых частиц. После соответственного описания рекомендуется фотографировать объекты.

Если по ходу расследования окажется необходимым извлечение пуль из твердых предметов на месте происшествия, то надо помнить, что при извлечении пуль нельзя пользоваться долотом, щипцами или им подобными инструментами, могущими нанести повреждение пуле.

Эти повреждения являясь досадным препятствием, иногда неустраняемым, при исследовании пуль специалистом на предмет их идентификации.

В случаях, когда выстрел был произведен в закрытом помещении, необходимо установить и

отметить в протоколе, были ли заперты двери и окна изнутри и каким образом.

IV. Осмотр одежды и обуви трупа или потерпевшего

Во всех случаях огнестрельных ранений с повреждением одежды или обуви, необходимо произвести осмотр этих предметов на месте. На одежде и обуви при близких выстрелах можно нередко обнаружить различного рода следы и явления, которые в ряде случаев в процессе расследования получают решающее значение.

Осмотру подлежит как верхнее платье, так и белье и обувь. В начале исследуется одежда на трупе в его первоначальном положении на месте обнаружения.

При осмотре отмечается величина и конфигурация повреждений, характер изменений на поверхности ткани одежды вокруг пулевого отверстия.

Отдельно отмечают и описываются следы от воздействия пламени, пороховая копоть и внедрение в толщину ткани негоревших пороховых зерен.

Насколько важно для последующего расследования установление близкого выстрела, показывает нижеисследующий случай:

Заведующий лавкой селом III. заявил, что в 2 часа ночи с 23 на 24 марта, в момент, когда он был по делам службы в лавке и выходил по своим надобностям на двор, в дверях лавки в него неизвестным злоумышленником был произведен выстрел, причем была ранена левая рука. После выстрела, по словам III., он упал, ударившись головой о пол, и потерял сознание.

На каком расстоянии бандиты стреляли, III. точно определить не мог, приблизительно на расстоянии 1—2 шага; к этому раненый добавил, что выстрел в него был произведен в тот момент, когда он стоял в дверях лавки, порог которой выше уровня земли на 60 см, таким образом, выстрел был произведен в него снизу вверх.

При тщательном осмотре одежды — свитера вокруг верхнего пулевого отверстия обнаружено темносерого цвета обкапчивание ткани радиусом в $2,5 \times 3,5$ см. Наличие копоти на ткани вокруг пулевого отверстия дало основание представителю расследования предполагать самострел.

Судебно-химическое исследование ткани свитера установило присутствие следов пороха.

Направление пулевого канала сверху вниз, установленное при судебно-медицинском освидетельствовании III., также стояло в полном противоречии с заявлением III.

Суммируя результаты исследований и сопоставляя их с обстоятельствами дела, судебные эксперты пришли к заключению, что в данном случае имел место самострел.

Преданный суду за растрату крупной суммы денег гр. III. на судебном следствии признался в самостреле.

Если по ходу наружного осмотра трупа необходимо последний повернуть, то одежда дополнительно осматривается и в этом положении трупа.

Не рекомендуется снимать одежду с трупа на месте его обнаружения; целесообразней и удоб-

ней это сделать вместе с судебно-медицинским экспертом при судебно-медицинском исследовании трупа.

В протоколе осмотра одежды подробно указывается месторасположение, величина и форма повреждений одежды.

В случае обнаружения на одежде посторонних предметов (волосы, частицы органов, негоревшие пороховые зерна) последние, во избежание утери их, снимаются с одежды, запаковываются в чистые бумажные конверты для дальнейшего направления специалистам-экспертам.

Микроскопическое исследование негоревших пороховых зерен дает возможность в некоторых случаях установить сорт пороха, что важно для определения сорта патронов.

Когда возникает необходимость в судебно-химическом исследовании одежды, то последняя заворачивается в листы бумаги или газеты и запаковывается в ящики или полотняные мешки. Предметы одежды и обуви, а также различного рода оружие и мелкие предметы домашней обстановки направляются в целом виде.

Никим образом нельзя допускать вырезывание отдельных кусков одежды или обуви со следами выстрела.

На вырезанных кусочках тканей нельзя проследить надлежащим образом ни радиус пороховой копоти, ни радиус пороховой импрегнации.

Поэтому предметы одежды или обуви должны направляться целыми в том виде, в каком они обнаружены на месте происшествия.

Надо считать совершенно недопустимым производство следователем каких бы то ни было манипуляций над вещественными доказательствами по делам, связанным с выстрелом и нанесением огнестрельных повреждений, а равным образом самостоятельное производство баллистических экспериментов без участия специалистов-экспертов.

Опыт показывает, что подобное кустарничество не приносит пользы расследованию, а иногда может послужить причиной непоправимых ошибок вследствие порчи объектов.

Весьма поучительным в этом отношении является акт в деле о вооруженном нападении на гр. К.

Расследование велось по поводу ранения К. По инициативе начальника учреждения комиссии произвела серию экспериментальных выстрелов в шинель, в которую был одет К. в момент нанесения ему ранения.

Ниже приводим этот акт полностью.

«Акт № 3

Комиссия в составе начальника учреждения М., его заместителя Н. и врача Р. произвела ряд выстрелов с целью определения, на каком расстоянии был произведен выстрел в дежурного К. и из какого оружия. Были произведены в шинель 5 выстрелов: 1-й в упор, 2-й на 2 см, 3-й — 6 шагов, 4-й — 3 шага и 5-й — 10 см; из револьвера системы «Наган» два выстрела на расстоянии 1-й — 10 см и 2-й — 6 шагов.

Сопоставив винтовочные выстрелы с выстрелом пробной, что имеется на шинели дежурного и получившееся ранение, комиссия заключает, что выстрел был винтовочный и произведен на расстоянии 4—6 см, о чем и составлен настоящий акт».

Далее следуют подписи.

Покимо общей безграмотности этот акт безграмотен и в баллистическом отношении. Опыты комиссии, безапелляционно утверждающей, что оружием преступления была именно 3-линейная винтовка, совершенно не доказаны и не убедительны.

Если бы члены комиссии произвели многочисленные выстрелы на разных дистанциях из револьвера «Наган», то они бы убедились, что следы близкого выстрела на одежде при выстрелах с некоторых расстояний бывают весьма сходны со следами при выстрелах из винтовки или разницы между ними настолько невелика, что категорическое суждение о системе оружия невозможно.

Вещественное доказательство по делу — шинель — испорчено этой неумелой и ненужной стрельбой настолько, что не представилось впоследствии возможным разрешить вопрос о расстоянии выстрела. К сожалению, описанный случай не является единичным.

Осмотр обуви и протоколирование полученных данных производится по той же схеме, с соблюдением тех же условий, что и при исследовании одежды.

V. Осмотр оружия и боеприпасов

Огнестрельное оружие и боеприпасы являются важнейшими вещественными доказательствами, которые по делам об убийствах и ранениях должны быть обязательно приобщены к делу и направлены для соответствующих исследований в специальные лаборатории судебной экспертизы.

При обнаружении огнестрельного оружия на месте происшествия всегда надо помнить, что на оружии, главным образом на гладких металлических частях его, могут остаться скрытые следы пальцев.

Это обстоятельство заставляет нас производить изъятие оружия с особыми предосторожностями во избежание оставления отпечатков собственных пальцев.

Не рекомендуется брать оружие, воткнув в ствол карандаш или какой-либо другой предмет, потому что эти предметы могут механически удалить остатки пороха, которые позже могут понадобиться для исследования.

Брать оружие рекомендуется за деревянные резные части, на которых благодаря их шероховатой поверхности не остается обычно пальцевых отпечатков. Дульное отверстие как можно раньше рекомендуется закупорить пробкой.

Также при укуорке огнестрельного оружия в целях отправки его для специального исследования необходимо принимать все те меры предосторожности, какие соблюдаются в отношении объектов, имеющих на себе пальцевые отпечатки.

При осмотре оружия отмечаются в протоколе имеющиеся на оружии номера и марки.

Во время осмотра обращается внимание на присутствие на оружии или на внутренней поверхности его ствола посторонних частиц, в частности кусочков органов или тканей, следов крови и т. п.; в случае обнаружения таковых их необходимо сохранить и подвергнуть впоследствии специальному исследованию.

Пыль и имеющиеся на оружии различного рода волокна, которые могли попасть в оружие

во время нахождения последнего в кармане прегрешника, также сохраняются для специального исследования.

Ником образом не допускается разборка оружия и экспериментальная стрельба из него впрямь до исследования его специалистом — судебным экспертом.

Последнее обстоятельство имеет особо важное значение при последующей идентификации огнестрельного оружия по выстреленным из него патронным гильзам и пулям.

Перемена положения затвора и, в частности, ударника в автоматическом пистолете дает совершенно иную картину на доннышке гильзы.

Производство экспериментальных выстрелов следователем категорически не допускается.

Разборка, исследование и экспериментирование с оружием должны производиться только в специальных учреждениях экспертизы.

Помещаемый ниже случай со всей наглядностью показывает недопустимость экспериментирования оружием — вещественным доказательством по делу.

Следователь Чаусского района направляет две пули, выстреленные из револьвера системы «Наган», для установления вопроса, не выстрелены ли эти пули из одного и того же револьвера.

Одна из пуль была обнаружена под трупом убитого, а другая извлечена из грушевого дерева, в которое следователь производил экспериментальные выстрелы, считая, видимо, ствол грушевого дерева подходящим поглотителем для пуль.

Институт судебной экспертизы был вынужден «отправить» обратно пулю следователю, указав, что на второй пуле имеется ряд искусственных повреждений, возникших, очевидно, при попадании в плотное дерево, вследствие чего произвести идентификацию присланных пуль не представилось возможным.

Надо помнить, что экспериментирование должно производиться специалистами по уголовной технике — экспертами или в присутствии последних, с соблюдением всех необходимых условий.

До производства криминалистической экспертизы нельзя ни чистить, ни смазывать оружие.

Оружие должно быть направлено для производства криминалистической экспертизы как можно раньше; это обстоятельство диктуется тем, что ствол после выстрела претерпевает целый ряд изменений (ржавчина и т. п.).

В непроницаемом отношении, направляемом в судебную лабораторию, необходимо указать: а) когда изъято оружие, б) у кого изъято оружие, в) каким образом, в каком месте хранилось оружие и как долго.

Если из оружия после его обнаружения производилась стрельба, или оно подвергалось чистке или смазке, то это надо отметить отдельно.

В отношении боеприпасов надо помнить следующее. При осмотре места происшествия и обыске изъятию подлежат не только стреляные гильзы и пули; целые (боевые) патроны, материалы для изготовления пуль и дроби, материал, который мог быть использован для изготовления пыжей, пистоны, приспособления для заряжения патронных гильз к дробовому оружию, порох и другие взрывчатые вещества — все это надлежит тщательно осмотреть и забот-

ливо и осторожно упаковать, снабдив соответствующими надписями.

В протоколе отмечается величина и форма патронов (гильз), цвет наружной и внутренней поверхности, марки, имеющиеся на доннышках гильз, различного рода следы и деформации. Гильзы, патроны, дробь и оружие, боеприпасы запаковываются в отдельные чистые бумажные пакеты, на которых ставятся соответственные номера с кратким указанием, кому принадлежат боеприпасы и где они были обнаружены.

Не рекомендуется ставить номера и разного рода отметки на самих гильзах, так как это может принести непоправимый вред дальнейшему их исследованию специалистами экспертами.

VI. К осмотру трупов и потерпевших

Для осмотра трупов и освидетельствования потерпевших следователь вызывает судебно-медицинского эксперта. На месте обнаружения трупа при первоначальном наружном его осмотре обращается особое внимание на позу трупа, наличие следов насилия, на различного рода пятна, загрязнения и инородные тела. Следы крови отмечаются отдельно с указанием их величины, формы, особенностей и месторасположения по отношению к телу.

Особо осматриваются и описываются ранения. Следует помнить, что в некоторых случаях при смерти от выстрела в одежду, а иногда, что нередко наблюдается при выстрелах из обрезов, пули и их фрагменты находятся под трупом или поблизости от последнего.

Обнаруженная пуля или ее оболочка описывается в протоколе и приобщается к делу как вещественное доказательство.

Иногда в области входного огнестрельного ранения при выстреле в упор наблюдается явление так называемой «штанцмарки», то есть отпечатка дульной плоскости оружия. Подобные следы надо подробно описать, сфотографировать, а также предложить судебно-медицинскому эксперту при производстве последним вскрытия трупа вырезать кожу в области входного отверстия и сохранить ее, законсервировав надлежащим образом.

В отдельных случаях для установления входного и выходного отверстий бывает необходимо производство рентгеновского и микроскопического исследований мягких тканей в области раневых отверстий. Для этой цели судебно-медицинский эксперт удаляет необходимые участки тканей и должным образом их консервирует. Полученные таким образом части трупа являются вещественными доказательствами и направляются следователем в учреждения судебной экспертизы для исследования.

Полезно при наружном осмотре трупа исследовать кисти и пальцы. После выстрелов из ручного огнестрельного оружия на стрелявшей руке наблюдаются загрязнения пороховой копотью и осаднения кожи, возникающие от ушибов различными частями оружия при отдаче. При выстрелах из револьверов может иметь место вместе с отложением копоти и внедрение негоревших порошинок.

Подобная «татуировка» может сохраняться довольно продолжительный срок (до 4 недель), а при очень большой интенсивности вылета пороховых зерен и крупной величине их она может сохраняться на всю жизнь.

Подготовка материала для графической экспертизы

Подготовка материала для графической экспертизы имеет исключительно важное и решающее значение. Эффективность графического исследования в значительной степени зависит от качества и количества поступивших для исследования документов.

Одним из основных условий для правильного и полноценного разрешения вопросов, поставленных графической экспертизе, является наличие правильно подобранного в достаточном количестве доброкачественного материала для сравнительного исследования. Это обязывает каждого следственного и судебного работника к самому бережному и аккуратному обращению с исследуемыми документами.

Ведь далеко не редкое явление, когда, направляя материал на экспертизу, следователь предвзято по несколько раз подчеркивает цветными карандашами подписи, в подлинности которых он сомневается, обводит их кругами, направляет на них стрелки и т. п. Эти «дружеские» услуги некоторых следователей, эти попытки помочь экспертам и направить их внимание на данный объект исследования, напоминают известную басню Крылова «Пустынный и медведь». Таким путем следователь не только не оказывает экспертизе помощь, но часто непоправимо портит документы. К сожалению, при производстве графических экспертиз нам нередко приходилось встречаться с подобными поступками следователей.

Так, по одному сложному делу надлежало исследовать подпись, исполненную на очень ответственном по содержанию документе. Подпись была малоразборчива.

Следователь решил удружить экспертам и обвел малозаметную подпись красным цветным карандашом, указав при этом, что именно эту подпись необходимо исследовать. Повидимому следователь и не ведал, что то, что кажется неразличимым для невооруженных глаз, приобретает прекрасную видимость в условиях криминалистической лаборатории, позволяющих применить оптическую аппаратуру и самые сложные виды фотоисследований.

В нашей криминалистической литературе уделено немало места значению экспертизы в процессе, освещаются различные методы исследования разнообразных объектов, но, к сожалению, уделено очень мало внимания тем вопросам, которые необходимо знать следственно-судебному работнику, чтобы гарантировать при постановке экспертизы наилучшие результаты исследования и наиболее полноценные выводы.

Мы полностью соглашаемся с мнением С. А. Голунского, что «можно иметь высококвалифицированного эксперта, но если не дать ему всего необходимого материала, экспертиза не приведет к цели»¹. Поэтому, повторяем, мы при-

даем большое практическое значение вопросам подготовки материала для экспертизы.

Следовательно, судье, адвокату и другим лицам, направляющим материал на графическую экспертизу, следует твердо соблюдать правило: «самым бережным образом хранить заподозренный документ». Всякое загрязнение документа может вредно отразиться на успехах графического исследования. Документ никогда не следует прокалывать, особенно когда, например, документ накальвается в скоросшиватели прямо по тексту. Ни в коем случае не следует также вшивать заподозренные документы в дело, ибо при производстве экспертизы документы придется изымать из дела. Ведь нельзя, например, сравнивать заподозренный текст письма на листе № 35 с образцами письма на листах дела №№ 70, 140 и 207. Затрудняется в этом случае и фотографирование объектов исследования. Всякое же лишнее вшивание документа в дело и последующее его изъятие оттуда только способствует ускоренному износу документа.

В этой связи не рекомендуется лишний раз складывать документ, так как иногда одна лишняя складка на нем может весьма затруднить решение актуального для дела вопроса. Вообще следует помнить, что всякая измятость исследуемой бумаги вредит полноте графических выводов. Большая измятость бумаги часто не позволяет экспертизе решить вопрос о перекрещивающихся штрихах, что является весьма важным при разрешении вопроса о вставках или приписках в документе.

Ни в коем случае нельзя прикасаться к документу карандашом, пером или каким-либо острым предметом, оставляющим следы на поверхности бумаги. Всякие посторонние штрихи на заподозренном документе могут повести эксперта на ложный путь или во всяком случае удлинит время его работы. Ясно, что следователь не должен наносить на подлежащий исследованию документ никаких подчеркиваний, отметок на полях или между строчками, никаких кружков и стрелок.

Документы, подлежащие экспертизе, нужно вообще поменьше трогать руками, чтобы не стереть иногда остающихся на них следов пальцев.

Разорванные документы следует в таком же виде представлять на экспертизу и до экспертизы ни в коем случае не следует наклеивать их на подкладку, так как это вредит осмотру документа с оборотной стороны, а наличие клея помешает исследованию документа при посредстве ультрафиолетовых лучей.

Подлежащие экспертизе документы необходимо хранить в отдельных конвертах, размеры которых должны соответствовать величине документа в несложенном виде. В случае, если размеры документа очень велики и он уже ранее складывался, то позволительно сложить документ, но только по старым, уже имеющимся складкам. Если же документ пришел в ветхое состояние, то следует положить его между

¹ С. Голунский, О методике судебной экспертизы, журнал «Социалистическая законность» 1934 г., № 11.

двумя стеклянными пластинками, края которых нужно затем окантовать бумагой — тогда документ можно свободно читать и в то же время он будет охранен от прикосновения рук.

На лицевой стороне конверта должно быть указано, какой документ в нем находится. Это особенно необходимо делать, когда на графическую экспертизу присылается много объектов исследования. Перечисление каждого документа помогает эксперту при сортировке документов и способствует более быстрому освоению экспертом поставленных на его разрешение вопросов.

Идентификация автора по письму строится на выводах, получаемых в результате сравнительного графического исследования сомнительных документов с образцами несомненного письма тех лиц, которые подозреваются в исполнении сомнительных документов. При наличии совпадающих признаков письма, как, например, по степени выработанности почерка, по соотношениям в движениях руки при исполнении букв и слов, по напряжению и разному почерку, при совпадении стиля, орфографических ошибок, при аналогичных деталях, которые выражают привычки письма, присущие данному автору, при ряде условий, которые нами приводятся здесь далеко не полностью, с учетом знания обстоятельств дела, содержания исследуемого документа и его целевого назначения — возможно прийти к достоверному выводу и разрешить поставленный следователем вопрос, например, определить, кем выполнен текст и подписи заподозренного документа.

Сравнительное исследование документов требует, для эффективных выводов, полноты представленных для экспертизы материалов. Чем больше будет представлено материала (образцов), тем увеличивается возможность отыскания большего количества графических признаков. По этому поводу в своем многотомном труде французский ученый д-р Локар писал:

«Надежность заключения экспертизы или, если угодно, степень вероятности, что это заключение верно, пропорциональна тому, насколько экспертиза обоснована документами. Если документ, почерк которого подлежит идентификации, состоит из нескольких слов или строк, то трудности экспертизы могут быть непреодолимые, если подделка несколько удачна. Экспертиза изолированной подписи связана с неприятным риском. Наоборот, экспертиза документа, состоящего из нескольких больших страниц, или обильной серии анонимных писем... и т. д. обещает дать блестящие результаты»¹.

Материалы, присылаемые для сравнительного исследования в целях установления автора сомнительных документов, бывают двух родов:

1. Заподозренные или сомнительные документы. Привести исчерпывающий перечень этого вида документов не представляется возможным в виду их большой разновидности. Сюда войдут анонимные письма, поддельные подписи на денежных документах, фиктивные счета, подложные справки, удостоверения и т. д. и т. п.

Выше мы указали правила обращения и хранения заподозренных документов.

2. Образцы, отбираемые у лиц, которых следователь имеет основание подозревать в выполнении сомнительных документов.

Правильный подбор образцов для сравнительного исследования имеет весьма существенное значение. Следователь должен стремиться отбирать в качестве образцов документы, которые по времени их выполнения относятся к тому же периоду, когда составлялся инкриминируемый документ.

Не рекомендуется сравнивать между собой документы очень отдаленных дат. Например, заподозренный документ выполнен в 1937 г., а образцом для сравнения служит почерк в документе, написанном 30 лет тому назад. Нам известно, что почерк у человека меняется, что мало выработанный почерк после длительной, долготетней тренировки превращается в хорошо выработанный почерк. Таким образом сравниваемые документы должны относиться к одному и тому же времени их составления.

В случаях патологических явлений в письме, как например, дрожание в почерке при некоторых видах склероза, под влиянием алкоголизма, в результате нервного заболевания и проч., необходимо иметь образцы почерка данного лица до его болезни и в процессе болезни, по относящиеся ко времени, предшествующему составлению заподозренного документа.

Собирая образцы письма, следователь должен иметь в виду, что чем больше будет собрано нужного для исследования материала, тем больше у эксперта возможностей прийти в своих выводах к достоверному заключению. Наоборот, незначительный собранный материал нередко заставляет эксперта отказываться от заключения. Стандарта или меры, определяющей количество образцов для исследования, не существует. Ориентировкой должны служить в каждом конкретном случае характер дела и задачи, поставленные на разрешение экспертизы.

Большое значение приобретает природа самого документа, то есть его характер, назначение и содержание. Сравнить между собой можно только сравнимые величины. Письмо рекомендуется сравнивать с письмом, счета — с аналогичными счетами. Желательно, чтобы при выборе образцов формат и размер бумаги, разновка и прочее были бы одинаковы с теми, которые имеются в заподозренном документе, так как формат бумаги оказывает влияние на величину букв, размещение текста, на форму полей и т. д.

Если заподозренный документ исполнен карандашом, то и образцы следует отбирать написанные карандашом. Каждый может убедиться на собственном опыте, что письмо, написанное карандашом, отличается от письма, исполненного пером. Следует указать, что и перо — перу рознь. Письмо, написанное острым пером, отличается по нажимам от письма, выполненного пером «рондо». Желательно, чтобы следователь указывал эксперту, каким пером исполнялись образцы. По этому вопросу д-р Локар писал:

«Надо не только писать карандашом, если инкриминируемый документ написан карандашом, но надо еще определить — в случае надобности анализом, который всегда должен быть сделан в тот или иной момент экспертизы, сорт карандаша; последний должен быть жирным или сухим, остро очиненным или с толстым концом. Бумага также должна быть такого же сорта: навью было бы дать линованную бумагу для сравнения с текстом, написанным на нелинованной белой бумаге, так как тогда нельзя будет

¹ Локар, Руководство по криминалистике, т. V, рукописный перевод.

изучить ни направления строк, ни направления слов, ни линию основания»¹.

Большое значение приобретает и обстановка, в которой составлялся заподозренный документ и образцы письма. При отборе образцов письма желательно, чтобы обстановка была аналогичная той, в которой составлялся инкриминируемый документ, если это, конечно, следовательно известно. Например, учинена заподозренная подпись в аккредитиве, стоя у окошечка кассира, или стоя в дверях и подписываясь в расписной книге почтальона.

В этих случаях образцы рекомендуется отобрать у заподозренного лица в той же позе (то есть стоя) и лишь затем уже в обычной обстановке (т. е. сидя за столом). Следует иметь в виду, что многие причины влияют на изменение почерка, и среди этих причин серьезное место отводится и условиям, в которых создавался документ, то есть место, сидение, перо, чернила, бумага, температура, волнение и т. п. «Когда мы сидим дома,— писал Гросс,— за своим письменным столом, имеем под рукой знакомый письменный прибор и материалы и когда ничто необычайное нас не тревожит, то мы все пишем совершенно иначе, нежели когда приходится писать на плохой бумаге, стоя или согнувшись»².

В вопросе сравнения документов обстановка играет очень большую роль. Например, заподозренный документ составлялся гр. М. в его служебном кабинете, в спокойной обстановке. Подлоги обнаружены. Ведется расследование. В январский холодный день гр. М. вызывается на допрос. Допустим, что с места в карьер следователь предлагает гр. М. дать образцы своих подписей. В замерзшей руке гр. М. перо держится напряженно, неловко, и подписи получаются, в отличие от обычных, какие-то угловатые, с извилистыми штрихами. Эксперт, исследуя эти подписи, может предположить, что гр. М. умышленно искажал свой почерк. В действительности на образование этих подписей оказала влияние температура и обстановка, резко отличная от тех условий, в которых составлялся заподозренный документ.

Каждый образец письма должен быть заверен следователем. Несоблюдение этого требования может привести эксперта к ошибочному заключению. Так, по одному делу объекты не были заверены следователем, и эксперт подверг сравнительному исследованию между собой не заподозренный документ и образец, а два образца, исполненные одним и тем же лицом. Естественно, что заключение эксперта о том, что заподозренный документ исполнен таким-то, не соответствовало действительности. В этом неправильном заключении помимо эксперта был повинен также и следователь, который не разграничил должным образом заподозренные документы от образцов, что и привело к ошибке.

Образцы несомненного письма лиц, подозреваемых в составлении инкриминируемого документа, бывают двух видов: образцы свободного письма и образцы под диктовку. Для каждого вида образцов существуют специальные правила их собирания.

¹ Локар, Руководство по криминалистике, т. V, рукописный перевод.

² Г. Гросс, Руководство для судебных следователей, стр. 270.

1. Образцы свободного письма — под этим названием разумеются те документы, которые исполнены подозреваемым в обычной для него обстановке, до возбуждения дела, когда пишущий не предполагал, что исполненные им документы будут служить образцами для сравнительного исследования с инкриминируемым документом. К этому виду относятся документы, исполненные в служебной обстановке, частная переписка, дневники и проч. О правилах отбора этого вида образцов мы говорили выше, когда указывали на необходимость, чтобы образцы по времени их исполнения, по формату и разнице бумаги и проч. соответствовали заподозренным документам.

2. Образцы под диктовку — этот вид документов воспроизводится заподозренным в кабинете у следователя, под диктовку последнего.

В криминалистической литературе существуют различные взгляды на целесообразность составления этого вида документа. Так, французский криминалист Рейсс считал, что следователь при собирании образцов почерка ничего не достигнет при диктовании какого-либо вымышленного текста или текста, в который будут вставляться в разбросанном виде отдельные слова из заподозренного документа, ибо сам факт вызова в камеру следователя даст виновному знать, в чем дело, а изменение почерка, которое им будет в связи с этим вноситься, может лишь затруднить сличение почерков. Проф. Локар также утверждал, что «вопреки ходячему мнению, самопроизвольно написанное имеет большую ценность, чем написанное под диктовку».

Нам представляется, что образцы под диктовку, если они выполнены в надлежащих условиях, оказывают большую помощь эксперту при графическом исследовании документов. Если даже пишущий под диктовку и будет нарочито изменять свой почерк, то ведь и это обстоятельство можно проконтролировать другими, свободными образцами письма того же пишущего, а уличение пишущего в сознательном изменении почерка также должно интересовать следователя. Диктовать подозреваемому нужно умело. Следователь ни в коем случае не должен вместо диктовки давать списывать с текста сомнительного документа. Подобное списывание позволит пишущему, во-первых, избежать тех особенностей почерка, которые бросаются в глаза в сомнительном документе, во-вторых, лишний раз напомнит пишущему содержание инкриминируемого документа, которое он мог в деталях и не помнить (особенно в тех случаях, если подлоги документов осуществлялись им многократно) и, в-третьих, при механическом списывании документов теряется всякий смысл образца и потому, что орфографические ошибки, описки, расположение текста, переносы слогов, расстановка знаков препинания — все это не будет носить индивидуальных признаков письма пишущего, так как будет подменено списыванием.

Диктовать нужно таким образом, чтобы не указывать пишущему на расстановку знаков препинания, на те или иные окончания слов. Если пишущий спрашивает у следователя, как писать то или другое слово, следует отвечать: «пишите так, как вы обычно пишете». Диктовать следует медленно, ясно, четко, без всяких подчеркиваний отдельных слов. Лишь тогда пишущий будет писать так, как ему это свойственно. Бумагу, чернила, перо и прочее следует дать пи-

пишущему такие же, какие установлены в инкриминируемом документе.

Серьезным вопросом является выбор текста под диктовку. Мнения криминалистов в этом вопросе различны. Так, американский эксперт Осборн утверждал, что для текста под диктовку для испытания почерка надлежит брать фразы, не имеющие ничего общего с текстом сличаемой рукописи, но в котором будут использованы встречающиеся в ней слова, цифры и выражения. Французский проф. Локар держится в этом вопросе противоположных взглядов. «Существует традиция,— писал Локар,— диктовать текст, который не воспроизводит полностью инкриминируемый документ, но содержит в себе только некоторые наиболее характерные слова из него. Я позволю себе думать, что это ребячество».

В учебнике криминалистики, изданном под редакцией А. Я. Вышинского, в разделе «Установление автора письма» (т. I) рекомендуется диктовать пишущему весь текст инкриминируемого документа. До диктовки следует дать пишущему собственноручно заполнить анкету. С своей стороны, мы бы рекомендовали следователю предварительно взять у пишущего какое-либо письменное объяснение по какому-либо вопросу, возникшему из следственного дела, затем продиктовать какой-либо текст, как это рекомендует Осборн, с тем, чтобы там встречались слова и фразы, тождественные инкриминируемому документу, а уж затем продиктовать пишущему весь текст инкриминируемого документа. Если текст велик, скажем, письмо в 2—3 страницы, тогда рекомендуется продиктовать начало, несколько строк из середины и конец письма.

Если следователь заметит, что пишущий нарочито медленно выводит буквы, изменяя их конфигурацию, то надлежит ускорить темпы диктовки, с тем чтобы внимание было сосредоточено лишь на записывании диктуемого текста и он не мог бы обдумать фигурное изменение почерка.

Если инкриминируемый текст состоит из контрреволюционного содержания или из ряда фраз порнографического содержания, то ни в коем случае не следует воспроизводить под диктовку эти фразы. Достаточно в этом случае ограничиться диктовкой тех слов, которые лишены контрреволюционного содержания или же нецензурных выражений.

✓ Отбирать образцы подписей нужно таким образом, чтобы каждая подпись производилась на отдельном листке. Следует осудить существующую у многих следователей практику, когда 20—30 подписей отбираются у пишущего на одном листе бумаги. Подписи пишутся колонкой, одна под другой. При этом следователю неудобно, что исполняя, скажем, пятую подпись, пишущий подражает четвертой и т. д.

Если заподозренный документ исполнен левой рукой, то помимо указанных образцов письма следует отбирать образцы, исполненные левой рукой. В случае, если исследуемый документ исполнен подпечатным шрифтом, то и образцы следует отбирать исполненными в таком же шрифте.

Каждый образец под диктовку должен быть удостоверен подписью писавшего лица и заверен подписью диктовавшего следователя.

Несколько слов об отборе образцов, при дактилографической экспертизе, то есть при исследовании оттисков шрифта пишущих машинок. В виду специфики этого вида исследования, отличного от экспертизы рукописного шрифта, мы остановимся на тех вопросах подготовки материала, которые отличаются от ранее изложенного.

При подборе образцов машинописного шрифта следователь должен учесть следующие основные моменты:

1. Образцы должны быть по возможности по тексту обширного содержания, ибо это дает эксперту больше возможностей выявить особенности и отличительные признаки шрифта данной машинки.

2. При отборе образцов под диктовку следователю надлежит удостоверить и отметить каждый образец, то есть на какой машинке (точно) исполнялся данный текст, кем и когда (число, месяц и год).

3. Образцы под диктовку следует отбирать у заподозренных лиц, а не поручать эту работу квалифицированным машинисткам.

4. Образцы необходимо отбирать на той же бумаге ввиду разной способности бумаги различных сортов впитывать краску оттиска букв, такой же величины и характера раздвижки, как и заподозренный документ. Лента и копия должны быть такого же цвета и той же степени изношенности, как и при печатании шрифта заподозренного документа.

5. Помимо указанного, следует отобрать у заподозренного полную копию с заподозренного документа. Копия должна быть идентична заподозренному документу, то есть иметь с ним одинаковые поля, интервалы, количество знаков в строке, число строк в странице, ошибки и т. п.

6. Образцы надлежит отбирать совпадающие по времени написания с предполагаемым или известным исполнением заподозренного документа (иначе износо машинки или ее ремонт может исказить шрифт образцов, так как «индивидуальные» признаки пишущей машинки подвергаются изменениям).

Все это необходимо для последующего исследования путем совмещений сравниваемых текстов (наложением и совмещением диапозитивов).

7. Необходимо на специальном листе отмечать также весь алфавит больших и малых букв со всеми знаками и цифрами.

8. Одновременно следует составить справку, не подвергалась ли машинка ремонту за истекший период со дня написания документа и в чем этот ремонт состоял.

Подготовив все материалы, необходимые для графической экспертизы, следователь должен изложить в препроводительном на имя эксперта письме те обстоятельства дела, которые имеют значение при разрешении поставленных экспертных вопросов, а в некоторых случаях даже выслать и все следственное дело.

Кроме того, следует сообщить все известные данные о личности подозреваемого. Эти данные фиксируются в небольшой анкете, в которой указываются следующие сведения: 1) Фамилия, имя, отчество. 2) Возраст. 3) Социальное положение. 4) Национальность, родной язык, какими языками владеет. 5) Образование. 6) Профессия. 7) Состояние здоровья. 8) Состояние зрения. 9) Отношение к алкоголю. 10) Не страдает ли нервной болезнью. 12) Какой рукой пишет. Ан-

кета должна быть приобщена ко всему собранному материалу и заполняться собственноручно тем лицом, которым исполнены написанные под диктовку образцы.

Следственно-судебные работники должны ясно сознавать, что от полноты и качества собранного для графической экспертизы материала зависит и достоверность заключения, которое стоит в причинной связи с правильным преданием суду виновных лиц и с справедливым приговором.

Там, где решаются вопросы достоинства и чести советского гражданина, должны быть предъявляемы максимально высокие требования к доказательствам, на основании которых происходит предание суду. Экспертиза как одно из доказательств является доброкачественным доказательством лишь тогда, когда ее выводы построены на правильно и исчерпывающе собранных материалах. Собираание же этих материалов и составляет одну из важнейших задач следователя при назначении экспертиз.

В. ПОКРОВСКИЙ

Как надо проверять ведомственные приказы и постановления исполкомов и советов

Произведенной Прокуратурой СССР проверкой работы отделов общего надзора прокуратуры РСФСР и БССР, ряда областных прокуратур, а также работы по общему надзору районных прокуроров было установлено, что большинство протестов приносилось этими прокуратурами на основании сообщений заинтересованных ведомств, учреждений, организаций и отдельных граждан о незаконности того или иного приказа, инструкции, постановления. Лишь самое ничтожное количество протестов было принесено по собственной инициативе этих прокуратур в результате непосредственного ознакомления с соответствующими приказами, инструкциями и постановлениями тотчас же после их издания.

Достаточно сказать, что за весь 1937 г. и первые два месяца 1938 г. из 157 протестов, принесенных отделом общего надзора прокуратуры РСФСР, не было ни одного протеста, внесенного в результате непосредственного ознакомления с соответствующими ведомственными актами тотчас после их издания в процессе регулярной повседневной их проверки.

А между тем приказы и инструкции наркоматов и других учреждений регулярно получались отделом общего надзора прокуратуры РСФСР и систематически проверялись прокурорами отдела.

Такое же примерно положение выявлено и в других проверенных прокуратурах. Чем объяснить такое совершенно нетерпимое положение, когда большинство незаконных приказов, инструкций и постановлений ускользает от внимания проверяющих их прокуроров и опротестовывается иногда спустя значительное время после их издания, только после того как в прокуратуру поступают соответствующие сигналы от заинтересованных лиц и учреждений?

Основной причиной этого является, с одной стороны, неумение прокуроров работать с приказами и инструкциями, а с другой стороны — отсутствие у проверяющих ведомственные акты прокуроров достаточного знакомства с действующим законодательством.

В приказах и инструкциях затрагиваются самые разнообразные вопросы, регулируемые различными областями законодательства.

Для того чтобы проверить законность приказа, инструкции, постановления, прокурор, их проверяющий, естественно, должен быть хорошо знаком со всем действующим законодательством,

тщательно следить и изучать все издаваемое правительством постановления и распоряжения.

Недостаточно прочесть тот или иной приказ, ту или иную инструкцию, то или иное постановление. Необходима тщательная их проработка, требующая иногда значительного процесса.

А между тем многие прокуроры, в особенности районные, как показала проверка их работы, совершенно не знают, как подойти к проверяемым приказам, инструкциям и постановлениям, на чем сосредоточить основное внимание в процессе ознакомления с ними, где и в чем искать возможное нарушение в них революционной законности.

Следует поэтому подробно остановиться на вопросе о том, как должна вестись проработка ведомственных приказов, инструкций и постановлений, на какие основные моменты должен быть взят упор при их проверке.

Первый вопрос, на котором должен остановиться прокурор, проверяющий приказ, инструкцию, постановление, это вопрос о компетенции ведомства или учреждения, издавшего приказ.

Для разрешения этого вопроса прокурор, проверяющий приказ, должен ознакомиться с положением, на основе которого действует ведомство или учреждение, издавшее приказ, с его функциями, правами и обязанностями.

Затем на основе этого ознакомления установить, относятся ли регулируемые проверяемым приказом, инструкцией, постановлением вопросы к компетенции данного ведомства или учреждения, или же последнее при издании приказа, инструкции, постановления превысило свои полномочия, разрешив вопросы, требующие законодательного регулирования или относящиеся к предметам ведения других ведомств и учреждений.

В качестве примера такого рода незаконных актов, изданных с нарушением пределов компетенции, можно привести следующие опротестованные органами прокуратуры постановления, приказы и инструкции.

Всесоюзное объединение «Заготскот» издало 31 августа 1936 г. «Типовое положение о сельских уполномоченных по мясопоставкам».

Согласно этому положению сельские уполномоченные по мясопоставкам избирались из числа сельских активистов и утверждались президиумом райисполкома по представлению управляю-

щего районной конторой «Заготскот». Отстранение от работы сельских уполномоченных по мясопоставкам производилось только с согласия президиума райисполкома.

Избранные на основе «Положения» сельские уполномоченные были наделены функциями государственной власти. К их обязанностям относилось ведение учета и систематическая проверка выполнения поквартальных норм сдачи скота по обязательствам каждой товарной фермой, каждым колхозным двором и единоличным хозяйством путем подворного обхода, а также путем вызова хозяйств, невыполнивших своих обязательств, в сельсовет и т. п. За свою работу сельские уполномоченные получали плату от районных контор «Заготскот» по сдельной системе (в зависимости от количества заготовленного мяса).

Так как ни положениями о сельсоветах и райисполкомах, утвержденными Циками союзных республик, ни законом о мясопоставках не был предусмотрен институт сельских уполномоченных по мясопоставкам, то всесоюзное объединение «Заготскот» не вправе было без санкции правительства издавать такого рода «Положение» о сельских уполномоченных по мясопоставкам, а тем более наделить последних функциями государственной власти.

Главное управление шоссейных дорог БССР издало приказ, которым распространило на работников шоссейных дорог БССР действие дисциплинарного устава НКВД. Так как дисциплинарный устав НКВД утвержден правительством и в нем имеется точное указание, на категории каких работников он распространяется, то Главное управление шоссейных дорог БССР, распространив действие этого устава на своих работников, несмотря на то, что в дисциплинарном уставе НКВД не указано, что работники шоссейных дорог подпадают под действие этого устава, явно вышел из пределов своей компетенции.

Ольховецкий рик Харьковской области издал 19 мая 1937 г. постановление о борьбе с вредителями на свекловичных плантациях, которым ввел в целях проведения этой борьбы трудгужовинность для местного сельского населения.

Так как согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 3 марта 1936 г. (С. З. 1936 г. № 11, ст. 88) трудгужовинность может быть введена в каждом отдельном случае только с соответствующего разрешения СНК СССР, то Ольховецкий рик при издании указанного постановления явно вышел из пределов своей компетенции.

Винницкий областной исполнительный комитет 27 января 1937 г. вынес постановление о снятии с работы и предании суду ряда весовщиков сахарозаготовительных пунктов за обвешивание колхозов при сдаче последними сахарной свеклы и предложил Сахаротресту наложить суровое дисциплинарное взыскание на директоров сахарных заводов и заведующих пунктами за допущение обвешивания колхозов. Так как сахаротрест является союзной организацией, подчиненной всесоюзному объединению, а не облисполкому, то последний не вправе был налагать на работников этого треста дисциплинарные взыскания, ибо согласно утвержденным ЦИК и СНК СССР 13 октября 1929 года основам дисциплинарного законодательства (С. З. 1929 г. № 71, ст. 670) дисциплинарное взыскание налагается лицом или органом, от которого зависит назначение данного должностного лица, или вышестоя-

щим по отношению к нему в порядке подчиненности лицом или органом.

Постановлением президиума Буйнакского рика Дагестанской АССР от 3 января 1938 г. предложено «Заготзерну» и горфинотделу снять с работы их служащих за отказ выполнить постановление президиума рика, которым эти работники были мобилизованы для переписи скота. Указанным постановлением президиум Буйнакского рика вышел из пределов своей компетенции, так как, с одной стороны, работники союзной организации «Заготзерно» райисполкому не подчинены, а, с другой стороны, постановлением СНК СССР от 19 ноября 1937 г. (С. З. 1937 г. № 74, ст. 362) о всесоюзной переписи скота не установлено право местных органов власти проводить мобилизацию работников для производства переписи скота.

Президиум Буйнакского рика объявил выговор председателю колхоза имени Дударова за невыполнение плана по дорожному строительству. Этим постановлением Буйнакский рик вышел из пределов своей компетенции. С одной стороны, согласно уставу сельхозартели руководящие работники колхозов ответственные за свои действия перед правлением колхоза и перед общим собранием колхозников. Рик не является в отношении колхозных работников вышестоящим в порядке подчиненности органом, имеющим право налагать на них дисциплинарные взыскания. С другой стороны, согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 3 марта 1936 г. «О трудовом участии сельского населения в строительстве и ремонте шоссейных и грунтовых дорог» (С. З. 1936 г. № 11, ст. 88), планы по дорожному строительству до колхозов не доводятся. Трудовое участие колхозов в дорожном строительстве выражается в предоставлении в бесплатное распоряжение дорожных органов 6 дней в году принадлежащих им живой тяговой силы, гужтранспорта, грузовых автомашин, инструмента и инвентаря с обслуживающими их колхозниками. За уклонение от указанного трудового участия в дорожном строительстве как правления колхозов, так и отдельные колхозники и единоличники привлекаются дорожными органами к уплате денежных взносов в размере двойной стоимости невыполненных работ. Поэтому и по существу наложение дисциплинарного взыскания в данном случае на председателя колхоза являлось неправильным.

Президиум Буйнакского рика вынес постановление о наложении штрафа в размере 100 руб. на председателя правления промартели за самовольный срыв печати.

Так как самовольный срыв печати является уголовным деянием, предусмотренным ст. 90 УК, то президиум рика не вправе был налагать за это деяние административного взыскания и в данном случае вышел из пределов своей компетенции.

Президиум Саратовского облисполкома 9 января 1938 г. вынес постановление, которым разрешалось члену президиума т. Волкову — депутату Верховного Совета выехать в Москву для участия в заседаниях сессии Верховного Совета СССР.

Сессии Верховного Совета СССР созываются согласно ст.ст. 46 и 55 Конституции СССР Президиумом Верховного Совета СССР.

Никакого разрешения от местных органов власти для поездки в Москву для участия в за-

седаниях сессии Верховного Совета депутат не обязан испрашивать, и поэтому указанное постановление президиум Саратовского облисполкома вынес с явным нарушением пределов своей компетенции.

Пленум Ершовского рика Саратовской области вывел из состава кандидатов в члены пленума райисполкома одного из депутатов, хотя право досрочного отзыва депутатов принадлежит только избирателям.

СНК АССР немцев Поволжья постановлением от 5 января 1938 г. снял карантин в с. Роделлер Красноярского кантона, хотя согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 4 ноября 1937 г. (С. З. 1937 г. № 71, ст. 333) карантин устанавливается и снимается в каждом отдельном случае только по соответствующим распоряжениям СНК СССР.

В нарушение того же закона президиум Шевченковского рика Харьковской области установил в селе Гуманове карантин.

19 марта 1938 г. СНК УССР принял постановление за № 320, которым обязал Харьковское управление лесоохраны и лесонасаждений выделить некоторым колхозам лесные угодья.

Этим постановлением СНК УССР вышел из пределов своей компетенции, так как согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 2 июля 1936 г. «Об организации Главного управления лесоохраны и лесонасаждений при СНК СССР» (С. З. 1936 г. № 35, ст. 311) все лесные массивы и лесоохранные зоны находятся в непосредственном ведении Главного управления лесоохраны и лесонасаждений при СНК СССР и учреждений в краях и областях управлений, непосредственно подчиненных Главному управлению.

Второй вопрос, который должен разрешить прокурор, проверяющий приказ, инструкцию, постановление, — это вопрос о соответствии закону тех мероприятий, которые проводятся данным приказом, инструкцией, постановлением.

Если прокурор, проверяющий тот или иной ведомственный акт, придет к выводу, что издание этого акта относится к компетенции данного ведомства или учреждения, он вслед за этим должен подробно проанализировать, какие вопросы затрагиваются проверяемым им ведомственным актом, и ознакомиться с союзными и республиканскими законами, которыми регулируются эти вопросы.

Только путем внимательного сличения текста закона с текстом проверяемого ведомственного акта можно установить наличие противоречия в последнем с законом. Никогда в таких случаях нельзя полагаться на память, ибо из памяти всегда та или иная деталь закона может исчезнуть; необходимо поэтому при каждой проверке ведомственного акта внимательно ознакомиться с текстом законов, регулирующих те вопросы, которых касается проверяемый акт.

В качестве примеров нарушений действующих законов, допускаемых ведомствами и исполкомами в издаваемых ими приказах, инструкциях и постановлениях, можно привести следующие опротестованные органами прокуратуры нарушения.

Наркомфин СССР в первоначальном своем циркуляре о порядке выплаты пособий многодетным матерям указал, что установленное законом 27 июня 1936 г. пособие в размере 2 000 руб. на седьмого и последующего ребенка не достигшего к моменту издания этого закона

пятилетнего возраста, уплачивается не сразу, а по кварталам.

На практике это привело к тому, что многодетным матерям, у которых к 27 июня 1936 г. младшему ребенку было 4½ года, выплачивалось только 500 руб. и в дальнейшем, ввиду достижения этим ребенком пятилетнего возраста, выдача пособия прекращалась.

Между тем, согласно точному смыслу закона 27 июня 1936 г., каждая мать, которая имела к 27 июня 1936 г. семерых и больше детей, причем младший из них не достиг пятилетнего возраста, получила право на единовременное пособие в размере 2 000 руб., которое никакому дроблению не подлежало.

Наркомфин СССР в изданной им инструкции о страховании пассажиров установил годичный давностный срок для предъявления претензий по этому виду страхования.

При проверке законности этой инструкции необходимо было остановиться на вопросе, какие установлены давностные сроки Гражданским кодексом и, в частности, не установлен ли специальный давностный срок для предъявления претензий, вытекающих из договора страхования.

Общий срок исковой давности для предъявления претензий со стороны частных лиц к государственным учреждениям ст. 44 Гражданского кодекса установлен 3-летний. Но согласно 396 ст. того же Гражданского кодекса для претензий, возникающих из договоров страхования, срок давности сокращен до 2 лет. Поэтому введение ведомственным распоряжением Наркомфина СССР еще более сокращенного (годичного) срока давности для предъявления претензий по страхованию пассажиров было сделано явно незаконно.

Приказом Наркомфина СССР было запрещено выдавать из гострудсберкасс остатки мелких вкладов тем вкладчикам, которые в течение 2 лет не производили никаких операций по своим сберегательным книжкам.

Приказ этот прямо нарушал установленный утвержденным ЦИК и СНК СССР 20 февраля 1929 г. Положением о гострудсберкассах (С. З. 1929 г. № 17, ст. 140) основной принцип, согласно которому вклады в гострудсберкассах являются неприкосновенными и целостность их гарантируется государством (ст. 4 Положения). Лишая возможность вкладчиков получать остатки мелких вкладов (физических лиц на сумму 5 руб. и меньше, а юридических лиц на 25 руб. и ниже), Наркомфин СССР тем самым провел фактически принудительное отчуждение этих вкладов в доход государства, допустив грубейшее нарушение основного принципа, установленного Положением о гострудсберкассах — возможность вкладчика в любое время распоряжаться сданным им вкладом по своему усмотрению.

Утвержденными Наркомфином СССР 19 апреля 1937 г. правилами добровольного коллективного страхования жизни трудящихся было установлено, что в случае отсутствия указания со стороны застрахованного страховая сумма выдается не только супругу, детям и внукам застрахованного, но также его родителям, братьям и сестрам.

Для того чтобы проверить соответствие закону этих правил, необходимо было обратиться к той главе Гражданского кодекса, который регулирует право наследования. Согласно ст. 418 Гражданского кодекса родители, братья и сестры

не являются законными наследниками и могут быть признаны таковыми лишь в том случае, если они не менее года находились на иждивении умершего и являются нетрудоспособными и немущими. Поэтому указанные правила добровольного коллективного страхования жизни трудящихся были опротестованы Прокуратурой, и при переработке их в Правила было внесено соответствующее исправление.

Приказом начальника Ошосдор УНКВД Удмуртской АССР была установлена прибавка к зарплате заведующих райдоротделами и техников взамен оплаты командировок из сумм, взыскиваемых с сельского населения, уклоняющегося от участия в дорожном строительстве.

Для выяснения вопроса о законности этого приказа необходимо было установить, какое по закону назначение установлено для сумм, взыскиваемых с колхозов, колхозников и индивидуальных, уклоняющихся от участия в дорожном строительстве. Этот вопрос регулируется постановлением ЦИК и СНК СССР от 3 марта 1936 г. (С. З. 1936 г. № 11, ст. 88). Согласно указанному постановлению эти суммы могут расходоваться исключительно на устройство и ремонт дорог. Поэтому приказ начальника Ошосдор УНКВД Удмуртской АССР, устанавливающий им другое назначение, явно незаконен.

Ряд наркоматов установил своими приказами, что студенты, окончившие вузы и получающие после сдачи экзаменов месячный отпуск, оплачиваются во время этого отпуска по ставке той должности, на которую они назначены по окончании вуза.

Между тем вопрос об оплате студентов регулируется постановлением ЦИК и СНК СССР от 16 сентября 1930 г. «О материальном обеспечении учащихся вузов, техникумов и работников и о порядке направления на работу лиц, окончивших вузы и техникумы» (С. З. 1930 г. № 47, ст. 488). Согласно этому постановлению лица, окончившие вузы и техникумы, до приступа к работе получают месячный отпуск, причем стипендиям выдается за счет того учреждения или предприятия, в который окончивший направляется на работу, пособие в размере месячной стипендии.

Циркуляром НКЮ СССР от 5 апреля 1937 г. № 35 было установлено, что судебные пошлины с государственных и общественных учреждений взыскиваются при цене иска до 5 000 руб. включительно в размере 2% с цены иска, а при цене иска свыше 5 000 руб. — в размере 6% с цены иска.

На основании этого циркуляра иски ценой в 5 000 руб. оплачивались пошлиной в размере 100 руб.

Между тем по закону (постановление ЦИК и СНК СССР от 7 марта 1937 г. «Об изменении размеров единой государственной пошлины с исковых заявлений по делам, производящимся в судебных учреждениях») иски госучреждений в 5 000 руб. и выше должны оплачиваться в размере 6% с цены иска. Таким образом по закону иск в 5 000 руб. должен быть оплачен пошлиной в размере 300 руб.

Ряд районных исполнительных комитетов Ленинградской и других областей вынес постановления, которыми разрешалось 50% средств от самообложения сельского населения использовать на текущий ремонт школ, а также на ликвида-

цию задолженности по школьному строительству 1936 г.

Кроме того, некоторые рики вынесли постановления о разрешении использовать остатки средств от самообложения 1937 г. на школьное строительство 1938 г. и о передаче этих остатков в бюджеты райисполкомов.

Такого рода постановления находились в прямом противоречии как с протокольным постановлением СНК СССР от 11 августа 1937 г., которым установлена возможность использования не свыше 50% средств самообложения, собранных с сельского населения в 1937 г., на школьное строительство, осуществляемое только на протяжении 1937 г., так и со ст. 5 закона о самообложении сельского населения (С. З. 1937 г. № 60, ст. 258), согласно которой неиспользованные в текущем году средства самообложения остаются на счетах сельских советов и могут быть использованы последними в следующем году.

Президиум Буйнакского рика Дагестанской АССР вынес постановление, которым поручил райфинотделу деньги, вырученные от продажи мечетского имущества (ковры), передать в сельсовет на культурные нужды.

Между тем вопрос о деньгах, вырученных от продажи такого рода имущества, регулируется специальным законом — постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях», согласно которому эти суммы поступают в доход казны.

Наркомфин СССР и Наркомюст СССР по вопросу о том, можно ли привлекать средства РЖСКТ, жактов, домовых трестов и частных владельцев на строительство и ремонт мостовых и тротуаров, дали разъяснение, что на владельцев имущества может быть возложен непосредственный ремонт тротуаров, прилегающих к их владению.

При проверке законности этого разъяснения было установлено, что вопрос о порядке ремонта тротуаров и мостовых регулируется постановлением ЦИК и СНК СССР от 14 марта 1936 г. «О порядке финансирования строительства и ремонта мостовых и тротуаров в городах и рабочих поселках» (С. З. СССР 1936 г. № 16, ст. 133). Статьей первой этого постановления установлено, что расходы по строительству и ремонту мостовых и тротуаров в городах и рабочих поселках, где имеются местные органы народных комиссариатов коммунального хозяйства, должны производиться за счет собственных средств коммунального хозяйства, без привлечения средств предприятий и учреждений.

Поэтому указанное выше разъяснение НКФ СССР и НКЮ СССР, как противоречащее закону, было по протесту Прокуратуры СССР отменено.

Винницкий облисполком 7 июля 1937 г. издал обязательное постановление, которым запретил держать в клетках (в неволе) зверей и диких птиц.

Порядок издания исполкомами и горсоветами обязательных постановлений регулируется в Украинской ССР административным кодексом. В ст. 31 этого кодекса содержится перечень вопросов, по которым исполкомы и горсоветы могут издавать обязательные постановления. Так как в этом перечне нет указаний на право издавать обязательные постановления, регулирующие содержание зверей и птиц, то указанное выше обязательное постановление Винницкого облисполкома является незаконным.

Буйнакский горсовет 16 марта 1937 г. вынес

постановление, которым обязал домоуправления фактов, учреждений и организаций производить очистку дворов, помещений и присутственных мест путем сбора макулатуры и доставлять такую на заготовительные пункты утильсырья.

Это постановление прямо нарушает постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 27 сентября 1926 г., которым точно очерчен круг обязанностей домоуправлений (С. У. РСФСР 1926 г. № 64, ст. 497). Сбор макулатуры, а тем более доставка ее на заготовительные пункты утильсырья, к числу обязанностей домоуправлений законом этим не отнесена.

Президиум Саратовского облисполкома издал обязательное постановление, которым установил денежный штраф в размере 100 руб. за несвоевременное представление организациями обобщественного сектора подлежащим финорганам расчетов об исчислении причитающихся окладов местных налогов за 1937 г.

Этим обязательным постановлением Саратовский облисполком нарушил, с одной стороны, Положение о взыскании налогов и неналоговых платежей (С. З. 1932 г. № 69, ст. 4106), в статьях 2 и 33 которого указано, что за уклонение от представления указанных сведений отвечают не организации, а должностные лица и притом в уголовном или дисциплинарном, а не административном, порядке, а с другой стороны, постановление ЦИК и СНК СССР от 4 января 1938 г. об ограничении взыскания административных штрафов (С. З. 1928 г. № 5, ст. 42), которым запрещено облисполкомом издавать обязательные постановления и взыскивать за их невыполнение административные штрафы по вопросам, урегулированным постановлениями вышестоящих органов.

Ряд районных исполнительных комитетов Ленинградской области (Парголово, Островский и др.) издал обязательные постановления о борьбе со снежными заносами, которыми установлено привлечение к трудовой повинности всего взрослого населения — мужчин в возрасте до 55 лет, а женщин до 50 лет, нарушив тем самым постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 18 июля 1927 г. о порядке привлечения населения к трудовой повинности (С. У. РСФСР 1927 г. № 73, ст. 500), согласно которому могут быть к последней привлечены мужчины в возрасте до 45 лет, а женщины до 40 лет. Кроме того, в нарушение того же закона и ст. 13 КЗОТ, в указанных обязательных постановлениях не указывался перечень лиц, освобожденных от трудовой повинности, и не устанавливалась оплата лиц, привлеченных к работам по борьбе со снежными заносами.

Центральное управление мер и весов НКВД СССР издало 20 февраля 1935 г. «Положение о временных отделениях управлений уполномоченных ЦУМВ». В этом положении предложено уполномоченным ЦУМВ «добиваться издания риками обязательных постановлений о проверке мер и весов и о наложении на нарушителей этих постановлений штрафа в административном порядке в размере до трехсот рублей».

Между тем: 1) согласно ст. 21 постановления СНК Союза СССР от 15 января 1935 г. «О специальных поверителях измерительных приборов» (С. З. СССР 1935 г. № 6, ст. 47) право налагать штраф на нарушителей законов и правил о мерах и весах предоставлено государственному поверителю измерительных приборов, с разрешения соответствующего уполномоченного Центрального

управления мер и весов. Поэтому Центральное управление мер и весов не вправе было предлагать рикам издавать такого рода обязательные постановления, так как согласно Положению об изданиях местными исполкомами и советами обязательных постановлений (постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 30 марта 1931 г.) исполкомы и советы не вправе издавать обязательные постановления по вопросам, урегулированным постановлениями вышестоящих органов, и 2) согласно ст. 19 того же Положения исполкомы и горсоветы не вправе назначать за нарушение их обязательных постановлений штраф свыше 100 руб., поэтому предложение ЦУМВ о том, чтобы рики налагали административные штрафы в сумме до 300 руб., было явно незаконно.

Комитет заготовок при СНК СССР 7 июля 1936 г. издал «Инструкцию по организации и эксплуатации сельских боенских площадок».

Пунктом 22 этой инструкции было установлено, что райисполкомы «вправе издавать постановления об обязательном убое скота на боенских площадках всеми находящимися в определенном радиусе от площадок хозяйствами, организациями и частными лицами».

Ни в ветеринарном уставе СССР, ни в законодательстве союзных республик об обязательных постановлениях не предусмотрено возможности издания райисполкомами подобного рода обязательных постановлений, а Комитет заготовок при СНК СССР не был уполномочен самостоятельно разрешать вопросы о правах местных советов и исполкомов. Поэтому инструкция Комзаг при СНК СССР по организации и эксплуатации сельских боенских площадок в указанной части являлась незаконной.

По существу эта инструкция являлась также неправильной и вызывала при практическом ее применении недовольство со стороны колхозников и единоличников, так как запрещенное убое скота во дворах, без одновременного устройства достаточного количества боенских площадок, влекло за собой необходимость дальних перегонов скота, а следовательно и непроизводительную затрату времени и средств колхозников и единоличников.

Наконец, третий, наиболее трудный вопрос, который должен поставить перед собой прокурор, проверяющий приказ, инструкцию или постановление, это вопрос о том, не является ли проверяемый им ведомственный акт, даже если он формально не противоречит закону и издан данным ведомством или исполкомом без нарушения пределов его компетенции, по существу неправильным, нарушающим права и интересы трудящихся.

Наблюдая за законностью издаваемых ведомствами и учреждениями приказов и инструкций, прокурор не может ограничиться только формальной стороной, проверкой соответствия этих актов букве закона. Прокурор к каждому проверяемому им акту должен подходить политически, выясняя, не является ли содержание этого акта по существу неправильным, вредным, направленным к ущербу интересов государства или к ограничению и стеснению прав и интересов трудящихся, способным вызвать массовое недовольство населения. Однако, проверяя существо приказа и инструкции, прокурор не должен впадать и в противоположную крайность, а именно ставить вопрос об отмене того или иного ведомственного акта по мотивам неправильности его

с оперативной точки зрения, так как прокурор не вправе вмешиваться в оперативную деятельность проверяемых им ведомств в учреждениях, не являясь органом, компетентным разрешать оперативные вопросы, связанные с деятельностью других ведомств и учреждений.

Можно привести целый ряд примеров, когда приказы и инструкции ведомств и учреждений и постановления исполкомов и советов, формально не противоречащие закону, тем не менее были опротестованы прокурорскими органами.

Приказом Народного комиссариата юстиции СССР от 4 июля 1937 г. за № 66 было предложено всем нотариальным конторам и заменяющим им органам «все неостребованные из депозита нотариальных органов суммы перечислять в доход государства по истечении годового срока их хранения». Формально этот приказ не противоречил закону, так как постановлением СНК СССР от 27 июля 1931 г. за № 618 (С. З. 1936 г. № 64, ст. 315), в изъятие из общего 3-летнего давностного срока, для депозитов, находящихся в распоряжении учреждений и ведомств, состоящих на общегосударственном и местном бюджете, был установлен годового срок их хранения.

Однако при проверке этого приказа Прокуратурой СССР было установлено, что он существенно нарушает интересы трудящихся. Например, внесенные в депозит суда алименты, в случае длительного отсутствия матери и неизвестности ее местожительства, в силу этого приказа по истечении годового срока обращались в доход государства. Поэтому, несмотря на отсутствие формальных нарушений, приказ НКЮ был опротестован и, по указанию СНК СССР, был изменен в том смысле, что денежные суммы, вносимые в депозит нотариальных органов для выдачи их учреждениям и ведомствам, состоящим на общегосударственном и местном бюджете, должны храниться на текущих счетах нотариальных органов в течение одного года. Денежные же суммы, вносимые в депозит нотариальных органов для выдачи их другим организациям и частным лицам, должны храниться на текущих счетах нотариальных органов в течение трехлетнего срока.

7 августа 1937 г. Всесоюзное государственное объединение по торговому обслуживанию континентов НКВД СССР издало приказ № 168, которым предложило подведомственным ему предприятиям «при установлении растрат в размере, превышающем возможность одновременного взыскания полностью или частичными удержаниями из зарплаты в установленных размерах в срок более 6 месяцев — немедленно снимать растратчиков с работы».

Не содержа формальных нарушений закона, приказ этот являлся неверным по существу, нарушающим интересы государства, не только не мобилизующим торговую сеть на борьбу с растратами и хищениями, но, напротив, дезориентирующим местных работников и демобилизующим их. По смыслу этого приказа отдельные растратчики могли сделать вывод, что они могут безнаказанно производить растраты в пределах сумм, которые могут быть погашены путем удержаний из зарплаты в срок до 6 месяцев.

Приказом НКВТорга СССР от 26 сентября 1937 г. за № 328 «О борьбе с растратами и хищениями» было установлено, что не позднее 1 декабря 1937 г. все работники торговой сети, несущие

материальную ответственность за вверенные им ценности, должны быть сняты с работы, если они не представят справок о прежнем месте работы, заверенных фотоснимков и справок о месте прописки, а также если на них не окажется подлинных заполненных трудовых списков. Новых работников предложено этим приказом принимать только при наличии указанных документов и при этом только лиц, проживающих в данной местности не менее 3 месяцев.

При буквальном проведении этого приказа в жизнь весьма значительное количество работников торговой сети подверглось бы совершенно неосновательному увольнению. Составители приказа не учли наличия в торговой сети лиц, работающих в ней годами и не нуждающихся по этому в представлении справок с прежнего места работы, а с другой стороны — лиц, поступивших на работу впервые. Нельзя также увольнять работников за то, что администрация данной торговой организации не завела трудовых списков. Нельзя устанавливать в качестве необходимого условия для поступления на работу в торговую сеть проживания в данной местности не менее определенного срока, так как это приведет к тому, что лица, вернувшиеся из РККА, приехавшие из районов, а тем более из других краев и областей, не будут приняты на работу по своей специальности.

Управляющий трестом Северолес приказом от 17 января 1937 г. в целях борьбы с авариями на pontонном мосту через реку Цигляменку обязал вооруженную охрану «останавливать нарушителей скорости езды всеми доступными средствами, до стрельбы включительно», а всегда машин немедленно сообщать в заводоуправление с тем, чтобы не позднее суток нарушители были обложены штрафом в 50 руб.

Не говоря уже о незаконности приказа в части наложения штрафа за нарушение правил езды заводоуправлением, которому такого права законом не предоставлено, необходимо отметить, что предоставление вооруженной охране права останавливать нарушителей скорости езды «всеми доступными средствами вплоть до стрельбы включительно» могло привести к весьма нежелательным эксцессам с тяжелыми последствиями.

Буйнакский горсовет 19 июля 1937 г. издал обязательное постановление о производстве переноса детей школьного возраста, предложив начальнику адресного стола не регистрировать прибывающих граждан без представления справки учебных заведений о принятии детей в школу.

Президиум Перелюбского райисполкома Саратовской области издал обязательное постановление «О предупреждении пожаров и мерах борьбы с ними». Этим обязательным постановлением под угрозой штрафа запрещено было: 1) топить в ветреные и жаркие дни печи после 8 часов утра, 2) топить днем и вечером бани при наличии ветра и 3) разжигать самовары, примусы и утюги в коридорах и наружи помещений.

Президиум Ахванского рика Дагестанской АССР обязательным постановлением от 27 марта 1937 г. обязал всех колхозников и единоличников под угрозой штрафа очищать сарай и конюшни через каждые три дня.

Все эти обязательные постановления направлены были по существу к стеснению и ограничению прав и интересов трудящихся и естест-

венно вызывали с их стороны массовые протесты, а потому не могли не быть опротестованы органами прокуратуры.

Только путем внимательной, регулярной проработки приказов и инструкций контролируемых ведомств и учреждений и постановлений исполкомов, только путем тщательного анализа соот-

ветствия содержания этих актов закону и интересам государства и трудящихся, прокурорские органы могут добиться такого необходимого положения, чтобы ни один незаконный или нарушающий интересы государства и трудящихся акт не ускользнул из их поля зрения и не остался неопротестованным.

В. ЛЕБЕДИНСКИЙ

Работа прокуратуры БССР по общему надзору

Прокурорская работа в основном делится на два больших участка — работа в суде, включая и судебный надзор, и общий надзор. Долгое время среди отдельных работников прокуратуры были споры, какой из этих двух участков работы прокуратуры важнее. Столбистичность постановки такого вопроса и спора очевидна: оба эти участка прокурорской работы важны и на обоих этих участках органы прокуратуры должны бороться за точное соблюдение советских законов. Все же необходимо отметить, что не мало прокурорских работников склонно было рассматривать работу по общему надзору как второстепенную и маловажную.

Едва ли сейчас нужно кого-либо убеждать в том, какое огромное политическое значение имеет работа прокуратуры в области общего надзора. Сталинская Конституция, поднявшая вопросы социалистической законности на особую высоту, требует от всех партийных и советских организаций, и в первую очередь от органов прокуратуры, как специально призванных к охране советских законов, вести неуклонную борьбу за твердость и неизменность советских законов.

В свете этих требований Сталинской Конституции вопросы организации работы прокуратуры в области общего надзора приобретают особо важное значение. Учитывая некоторую сложность и трудность этой работы, Прокурор СССР 16 августа 1937 г. дал всем прокурорам союзных и автономных республик и прокурорам краев и областей подробные указания о задачах и методах работы прокуратуры в области общего надзора.

По поручению Прокурора СССР нами была произведена проверка, как реализуются прокуратурой БССР указания Прокурора Союза от 16 августа 1937 г. по общему надзору. На результатах этой проверки мы и хотим остановиться. Нами была проверена работа по общему надзору прокуратуры БССР, прокуратуры Слуцкого округа, прокуратуры Копыльского и Слуцкого районов. Кроме того в прокуратуру республики были вызваны с докладами о работе по общему надзору прокуроры Узденского, Заславского, Выховского и Борисовского районов.

Прежде чем перейти к анализу оперативной работы прокуратуры БССР по общему надзору, необходимо отметить некоторые организационные недостатки в ее работе. Отдел общего надзора прокуратуры БССР в течение всего 1937 г. не был укомплектован полностью, и бывали мо-

менты, когда в отделе долгое время работал только один оперативный работник. Затем, работники отдела на целые месяцы отрывались для командировок, совершенно не связанных с делами отдела общего надзора и около 3 месяцев в отделе не было ни одного технического работника. Это говорит о том, что отделу общего надзора прокуратуры БССР не были созданы надлежащие условия для развертывания его работы. К этому необходимо еще прибавить, что в прокуратуре БССР не оказалось кодификационной части, получаемые прокуратурой комплекты сборников законов Союза и союзной республики складывались в общую кучу. В результате работники отдела общего надзора лишены были возможности рационально пользоваться законодательными актами. По заявлению работников отдела, если им нужен тот или другой закон, то приходится обращаться за справкой в НКЮ или Совнарком БССР. Ненормальность такого положения очевидна. Отдел общего надзора призван в первую очередь наблюдать за законностью приказов и инструкций, издаваемых наркоматами и другими центральными республиканскими учреждениями. Само собой разумеется, что эта работа может быть надлежащим образом осуществлена лишь в том случае, когда прокуроры отдела смогут быстро найти требуемый закон. Имеющееся в циркуляре Прокуратуры Союза от 16 августа 1937 г. требование о том, чтобы все органы прокуратуры были снабжены официальными изданиями законов СССР и союзных республик, прокуратурой БССР полностью не выполнено. Так, в прокуратуре Слуцкого округа не оказалось ни союзного, ни республиканского законодательства. В прокуратуре Слуцкого и Копыльского районов законы имеются, примерно, только начиная с 1933 г., поэтому, если возникают вопросы, регулируемые более ранним законодательством, то районные прокуроры часто не могут их разрешить. Например, у прокурора Слуцкого района с ноября 1937 г. находятся две нерассмотренных жалобы на неправильную муниципализацию строений, так как в районной прокуратуре нет закона о порядке муниципализации. В прокуратуре республики, как заявил районный прокурор, он ни у кого не мог узнать, где и когда был опубликован закон, регулирующий вопросы муниципализации строений. На письменный запрос по этому поводу прокуратура республики также ничего ему не ответила.

Само собой разумеется, что органы прокуратуры не могут осуществлять надзор за закон-

ностью, не имея законов, и этот надзор будет производиться не с точки зрения закона, а с точки личного усмотрения того или другого прокурора, что, конечно, недопустимо.

Переходя к изложению оперативной работы органов прокуратуры БССР в области общего надзора, мы считаем необходимым остановиться на следующих моментах:

Ст. 113 Конституции СССР возлагает на Прокурора Союза высший надзор за точным исполнением законов всеми народными комиссариатами и подведомственными им учреждениями, равно как отдельными должностными лицами, а также гражданами СССР. Соответствующая статья Конституции БССР возлагает эти обязанности на прокуратуру республики.

В свете этих требований Конституции Прокуратура Союза в циркуляре от 16 августа 1937 г. предлагала всем прокурорам республик, краев, областей и районов установить систематический просмотр всех важнейших постановлений республиканских наркоматов, а также постановлений краевых, областных и районных исполкомов с точки зрения соответствия их законам Союза и союзных республик. В том же циркуляре Прокуратура Союза требовала, чтобы районные прокуроры при выездах в плановом порядке на село производили просмотр постановлений сельских советов и постановлений правлений колхозов и общих собраний колхозников. Это требование Прокуратуры Союза прокуратурой БССР не было выполнено: за 1937 г. приказы и инструкции наркоматов прокуратура БССР не получала и, следовательно, надлежащего надзора за их законностью не осуществляла. В результате прокуратура БССР в 1937 г. внесла всего 4 протеста по линии центральных учреждений республики.

Прокурором Слуцкого округа и районными прокурорами, вызванными с докладами об их работе по общему надзору, прокурорами Копыльского и Слуцкого районов также не было налажено получение постановлений районных исполкомов. Один из районных прокуроров пытался оправдать это тем, что, поскольку он присутствует на заседаниях районного исполкома, нет надобности просматривать постановления районного исполкома. Неправильность такой точки зрения бесспорна: на заседаниях райисполкома райпрокурор не всегда сумеет сразу определить законность принимаемого районным исполкомом постановления, тогда как, просматривая эти постановления в камере прокуратуры, прокурор имеет возможность более тщательно знакомиться с ними и просмотреть соответствующие законы, что в большей мере гарантирует, что незаконные постановления райисполкома будут прокурором опротестованы.

Отсутствие систематического просмотра отделом общего надзора прокуратуры республики приказов республиканских наркоматов, а райпрокурорами — постановлений райисполкомов, является существенным недостатком в работе прокуратуры БССР в области общего надзора. Практическая надобность в просмотре постановлений исполкомов, как показала проверка, бесспорна. Например, прокурором Слуцкого округа и прокурором Копыльского района не было опротестовано ни одно постановление исполкома (не считая протестов на постановления исполкома по конкретным жалобам о неправильности изъятий имущества), тогда как беглый просмотр

нами отдельных постановлений окрисполкома и райисполкома показал следующее: окрисполком постановлением от 8 октября 1937 г. за № 25 отказал группе единоличников Ленинского сельсовета в наделении их земель, мотивируя свой отказ тем, что нет свободных земель. При ознакомлении нами с этим вопросом было выяснено, что в целом ряде районов Слуцкого округа значительное количество единоличников в разное время и по разным причинам были лишены права землепользования, а занимаемые ими земли были переданы колхозам и закреплены за последними. В настоящее время часть этих единоличников обращается в земельный орган с ходатайством о наделении их земель. Вместо того чтобы принять меры к наделению их земель, районные исполкомы ограничивались формальной отпиской — нет земли, а прокурор с этим мирился. 26 ноября 1937 г. окрисполком, констатируя недостаток топлива на станции, предложил всем райисполкомам довести до колхозов твердое задание на вывозку торфа для электростанции и уже эти твердые планы вывозки окрисполком предлагал оформить договорами с колхозами. Постановление это незаконно: вывозку торфа можно было организовать лишь только на началах договоренности с колхозами, но не путем доведения до них твердого задания. В том же постановлении окрисполкома по вопросу лесозаготовок дается установка на огульное и массовое привлечение к уголовной ответственности председателей сельских советов, что также неправильно.

Наше ознакомление с протоколами Копыльского районного исполкома также показало, что просмотр их прокурором района осуществлялся недостаточно тщательно. Так, районный исполком 7 февраля 1937 г. за № 73/4 в качестве меры воздействия на Кривоселовский сельсовет за невыполнение финансового плана I квартала предложил отделению Госбанка закрыть текущий счет сельсовета. Только 15 дней спустя райисполком вынес по этому вопросу новое постановление: «Снять с Кривоселовского сельсовета наложенную постановлением президиума за № 73/4 репрессию, поручить отделению Госбанка открыть текущий счет в банке Кривоселовскому сельсовету». Если учесть, что сельсовет производит выплаты зарплата учителям и другим работникам сельсовета, то указанное постановление райисполкома, полностью закрывающее лицевой счет сельского совета, является явно незаконным. Из просмотра протоколов Копыльского райисполкома нами также было установлено, что последним до настоящего времени проводится практика наложения дисциплинарных взысканий на председателей колхозов. В результате отсутствия систематического надзора со стороны органов прокуратуры БССР за приказами и инструкциями республиканских наркоматов и постановлений райисполкомов, на территории БССР действовали явно незаконные приказы и постановления исполкомов. Например, Наркомзем БССР совместно с Главным управлением милиции издал инструкцию «О порядке проведения перерегистрации охотников в БССР в 1937 г.». Согласно п. «г» ст. 5 этой инструкции охотничьи билеты не должны выдаваться лицам, которые были осуждены за уголовные преступления. Таким образом, согласно указанной инструкции лишались права заниматься охотой все осужденные лица, независимо от рода и характера

совершенного ими преступления, а также вида и размера наказания, которому они были подвергнуты. Незаконность этого приказа очевидна, между тем он не был своевременно опротестован, и на его основании сотни охотников были лишены права на охоту.

Президиум Быховского райисполкома 14 ноября 1937 г. вынес постановление о снятии с работы 13 учителей как «чуждый элемент, политически не внушающий доверие». Постановлением президиума Петриковского райисполкома 19 января 1938 г. снят с работы директор Капцевической средней школы и отстранены от работы заведующий учебной частью этой школы и два учителя. Несмотря на то, что постановлением СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) от 10 апреля 1936 г. «О порядке введения персональных званий для учителей и назначения учителей, заведующих и директоров школ» право назначения, перевода и увольнения учителей и заведующих начальных школ предоставлено органам Наркомпроса, указанные постановления райисполкомов райпрокурором не были опротестованы.

Обследованными нами райпрокурорами не был организован надзор за постановлениями сельских советов, правлений колхозов и общих собраний колхозников. Прокуратура Союза не считала целесообразным и технически возможным требовать представления в камеру райпрокуроров постановлений сельских советов и правлений колхозов. Поэтому нельзя признать правильным указание прокуратуры БССР райпрокурорам об истребовании ими протоколов сельских советов. Неправильно также поступил прокурор Копыльского района, который 20 ноября 1937 г. письменно затребовал от райпо, всех сельпо, совхозов и сельсоветов представления ему протоколов своих постановлений. Но Прокуратурой СССР было предложено райпрокурорам при выездах на село просматривать протоколы сельских советов и правлений колхозов на месте. Проверка показала, что, как правило, прокуроры это требование Прокуратуры Союза не выполняют. Из числа проверенных райпрокуроров только прокурор Слуцкого района частично выполнял эти указания Прокуратуры Союза. Но и этим райпрокурором далеко не полно были охвачены сельсоветы и колхозы района, и число принесенных им протестов было весьма невелико.

Чтобы показать райпрокурору, насколько важен в деле борьбы за укрепление социалистической законности просмотр постановлений сельских советов, правлений и общих собраний колхозников, нами в присутствии райпрокурора просмотрена была часть постановлений Лучинковского сельсовета и колхоза «Шлях советов», расположенных в расстоянии одного километра от районного и окружного центра. При просмотре установлено следующее: председатель сельсовета личным распоряжением ввел суточное дежурство колхозников и единоличников при сельском совете; 23 марта 1937 г. пленум сельского совета постановил израсходовать на ремонт здания сельского совета 2 500 руб. из средств самообложения, не поставив об этом вопрос перед населением; 10 апреля 1937 г. президиум сельсовета предложил колхозам «Шлях советов» и им. Молотова начинать работу в колхозах в 8 часов утра; 22 июля 1937 г. президиум сельсовета в качестве меры по борьбе

с пожарами предложил колхозам установить у себя круглосуточное дежурство (постановление это незаконно, так как вопрос о противопожарных мерах регулируется обязательными постановлениями райисполкома).

Просмотр постановлений правления колхоза и общих собраний колхозников показал следующее: 10 июля 1937 г. общее собрание колхозников, на котором из 300 членов колхоза присутствовало 86 человек, исключило из колхоза сразу 9 колхозников. Исключение колхозников произведено с нарушением устава сельхозартели, согласно которому при разрешении этого рода вопросов требуется наличие не менее $\frac{2}{3}$ членов колхоза. Правление того же колхоза 27 сентября 1937 г. предложило каждому члену правления обойти дворы колхозников и разъяснить норму выработки при уборке картофеля, предупредив колхозников при этом, что в случае невыполнения ими этой нормы картофель будет выбран за их счет другими членами колхоза. Более половины общих собраний членов колхоза «Шлях советов» происходило без законного кворума и т. д.

Выявленные в сельсовете и колхозе нарушения законности убедили райпрокурора в необходимости систематического просмотра постановлений сельсоветов, правлений колхозов и общих собраний колхозников.

Насколько существенные нарушения закона имеют место в постановлениях сельских советов можно видеть из приведенных ниже протестов Слуцкого райпрокурора.

Уречский сельсовет вынес постановление исключить бригадира колхоза имени Сталина из членов колхоза, снять его с работы и отдать под суд. Это постановление было обнаружено райпрокурором при выезде в Уречский сельсовет и было опротестовано. Иваново-Огороднический сельсовет снял и вывел из состава сельсовета 9 марта 1937 г. секретаря сельсовета Василевича за критику председателя сельсовета; тем же постановлением в состав сельсовета был введен Маглейкин Яков Ефимович. Это постановление также было обнаружено райпрокурором при просмотре протоколов сельсовета во время его выезда в село. Уречский сельсовет обязательным постановлением от 20 апреля 1937 г. о санитарном состоянии местечка Уреца обязал всех граждан местечка построить против своих домовладений новые тротуары, новые заборы и т. д.

Приведенные факты показывают, насколько важен просмотр райпрокурорами постановлений сельских советов с точки зрения соответствия этих постановлений закону.

Нами была также проверена работа прокуратуры БССР по наблюдению за законностью обязательных постановлений, издаваемых исполкомами и горсоветами. Прокуратура Союза письмом от 24 июля 1937 г. предложила всем прокурорам краев и областей произвести сплошную проверку изданных ранее обязательных постановлений исполкомов и горсоветов. В соответствии с этим приказом Прокуратуры Союза отделом общего надзора прокуратуры БССР были истребованы обязательные постановления всех райисполкомов и горсоветов республики. Всего в отдел общего надзора поступило 400 обязательных постановлений, из которых в результате просмотра было опротестовано прокуратурой республики 35 постановлений. Этот факт показывает, что райпрокуроры на местах недо-

статочно тщательно наблюдают за издаваемыми райисполкомами и горсоветами обязательными постановлениями. Проверка же нами работы прокуратуры на местах по этому вопросу показала следующее: окружной прокурор Слуцкого округа истребовал уже несколько месяцев назад в окружную прокуратуру все обязательные постановления райисполкомов, входящих в Слуцкий округ. По заявлению прокурора округа эти обязательные постановления как будто бы проверялись заместителем прокурора округа, ныне уже не работающим в окружной прокуратуре. Просмотр нами 59 этих обязательных постановлений показал, что 23 из них изданы с нарушением закона.

Необходимо отметить, что часть прокуроров районов не имеет и не знает закона о порядке издания обязательных постановлений. Естественно, что при таком положении надзор за законностью издаваемых местными советами и исполкомами обязательных постановлений не может стоять на должной высоте, и неудивительно, что на обслуживаемой ими территории действовал целый ряд явно незаконных обязательных постановлений.

Прокурором Слуцкого района не было опротестовано ни одно обязательное постановление райисполкома и горсовета, тогда как при просмотре нами обязательных постановлений района (уже после проверки их прокуратурой БССР) обнаружены были 3 незаконных обязательных постановления. При просмотре нами 18 обязательных постановлений Минского горсовета, 11 из них оказались изданными с нарушением закона (указано было, что они вступают в силу с момента их опубликования, тогда как согласно постановлению ЦИК и СНК БССР от 15 мая 1932 г. о порядке издания обязательных постановлений, таковые вступают в силу по истечении 7 дней с момента их опубликования).

Все это говорит о том, что надзор органов прокуратуры БССР за законностью обязательных постановлений, издаваемых исполкомами и горсоветами, был поставлен неудовлетворительно.

Учитывая некоторую трудность и сложность организации работы по общему надзору в райпрокуратурах, Прокуратура Союза в циркуляре от 16 августа 1937 г. предлагала всем прокурорам союзных и автономных республик, краев и областей в течение ближайшего месяца с момента получения этого циркуляра проработать его на оперативных совещаниях с райпрокурорами.

Прокуратура БССР не провела такого совещания, ограничившись рассылкой циркуляра на места всем райпрокурорам республики. В течение последующих месяцев прокуратура республики не заострила внимания райпрокуроров на важности и значимости циркуляра Прокуратуры СССР от 16 августа 1937 г. Не была также проверена ни одна районная прокуратура под углом зрения выполнения ею указанного циркуляра. Неудивительно поэтому, что прокурор Осиповичского района вообще не знал о существовании этого циркуляра.

Требование Прокуратуры СССР о том, чтобы райпрокуроры высылали копии своих протестов в прокуратуру республики, также не выполняется: в отделе общего надзора прокуратуры БССР обнаружено лишь несколько копий этих протестов. Между тем получение копий протестов прокуроров дало бы возможность про-

куратуре республики конкретно руководить работой райпрокуроров в области общего надзора. Из просмотра этих протестов можно было бы судить о количестве и качестве работы райпрокурора. Это тем более важно, что, как показала проверка, приносимые райпрокурорами протесты страдают целым рядом недостатков — как правило, не делается ссылка на законы, которые нарушены опротестуемым постановлением, иногда протесты приносятся без надлежащего законного оформления и т. д.

Иногда протесты райпрокуроров излагаются не совсем грамотно, на что также следует обращать внимание их составителей, так как протесты, недостаточно обоснованные и грамотно изложенные, не служат укреплению авторитета этих прокуроров. Для примера приведем протест прокурора Минского района БССР:

«В президиум Минского райисполкома. Протест в порядке надзора. Президиум Минского райисполкома своим решением от 23 декабря 1937 г. по протоколу № 52 утвердил изъятие имущества у гр-на Герасимовича Антона Михайловича, проживающего в д. Климовичи Новодворского сельсовета за неуплату культсбора в 1936 году в сумме 2 257 р. 83 к. именно: кабана 63 кг, курей 6 штук, телегу одну, муки 32 кг, кирпича 180 штук. Между тем, несмотря на то, что последний старик 65 лет, не имеет в семье трудоспособных, а также с материала усматривается, что Герасимович в 1936 году участком земли не пользовался, за исключением усадьбы 0,01 гектара, и не имел своей лошади. А тому на основании изложенного прошу: свое решение от 23 декабря 1937 года отменить, возвратив неправильно и незаконно изъятное имущество гр-ну Герасимовичу. О результатах просьба сообщить жалобщику и прокуратуре».

Едва ли протест в такой редакции будет содействовать укреплению авторитета райпрокурора, да и по существу райисполкому, получившему такой протест, трудно будет принять какое-либо решение, так как существо этого протеста непонятно.

Прокуратура БССР не добилась также от райпрокуроров присылки информационных сообщений о своей работе по общему надзору. В результате всего этого отдел общего надзора прокуратуры БССР не знал, что делается в райпрокуратурах по общему надзору.

В циркуляре Прокуратуры Союза от 16 августа 1937 г. и в других документах Прокуратуры Союза обращалось внимание всех прокуроров, что к числу основных средств, при помощи которых органы прокуратуры должны осуществлять свою работу по общему надзору, относится организация групп содействия прокуратуре на крупных предприятиях, в совхозах, колхозах. Для эффективности борьбы за укрепление социалистической законности райпрокурор должен так организовать свою работу, чтобы любое нарушение закона, любое изданное с нарушением закона постановление местной власти было им опротестовано. Для этого райпрокурор должен знать состояние законности по району, а это возможно лишь в том случае, если у райпрокурора в сельсоветах, совхозах, колхозах, фабриках и заводах будут правильно организованные и должным образом проинструктированные группы содействия. Как показала проверка, это указание Прокуратуры Союза еще не всеми рай-

прокурорами осознано, поэтому группы содействия прокуратуре кое-где все еще находятся в стадии организации, а число сигналов, даваемых ими райпрокурорам, весьма незначительно.

К числу существенных недостатков в работе прокуратуры БССР по общему надзору надо отнести также недостаточность надзора за соблюдением Примерного устава с.-х. артели и борьбы с фактами его нарушения. Этот важнейший закон нашей страны выпал из поля зрения органов прокуратуры БССР.

В заключение мы считаем необходимым отметить, что в работе прокуратуры БССР по общему надзору имеется и ряд положительных моментов.

Прокуратурой БССР, как в центре, так и на местах проделана большая работа по рассмотрению жалоб трудящихся на незаконные изъятия имущества (только отделом общего надзора

прокуратуры БССР за 1937 г. принесено около 124 протестов по этим делам, прокурором Слуцкого округа 16 протестов, прокурором Слуцкого района 11 протестов и т. д.). Прокуратурой республики была проведена большая работа по борьбе с нарушениями законодательства по выборам в Верховный Совет (было принесено около 200 протестов и т. д.).

В заключение считаем также необходимым отметить, что огромное большинство отмеченных выше недочетов в работе прокуратуры БССР в области общего надзора имели место при старом, ныне сменном, руководстве прокуратуры БССР, которое явно недооценивало значения работы прокуратуры по общему надзору. Мы считаем, что новое руководство прокуратуры БССР в кратчайший срок сумеет по-настоящему развернуть работу по общему надзору за законностью.

С. НОВИК

БССР

Как мы перестраиваем работу отдела общего надзора

Подлые изменники социалистической родины, немецко-польские фашистские шпионы, орудовавшие в различных органах БССР, в целях подрыва экономической и политической мощи страны всеми мерами пытались сорвать мероприятия партии по социалистическому строительству. Они уничтожали скот и конское поголовье, устраивали диверсионные акты на предприятиях и в сельском хозяйстве. Они принимали меры к тому, чтобы вызвать недовольство широких трудящихся масс и с этой целью систематически искажали политику партии в отношении колхозников и трудящихся единоличников, грубейшим образом нарушали законы советской власти в области колхозного устройства и налоговой политики. Процесс антисоветского «право-тропического блока» до конца вскрыл гнуснейшие цели и методы работы, направленные к расчленению Советского Союза и реставрации капитализма на его территории.

Враги народа, пробравшиеся к руководству прокуратуры БССР, в тех же целях грубейшим образом нарушали важнейшие указания партии Ленина — Сталина о том, что «Прокурор имеет право и обязан делать только одно: следить за установлением действительно единообразного понимания законности во всей республике, несмотря ни на какие местные различия и вопреки каким бы то ни было местным влияниям» и что «прокурор отвечает за то, чтобы ни одно решение ни одной местной власти не расходилось с законом»¹.

Помимо непосредственного вовлечения отдельных прокурорских работников в активную вредительскую работу, враги народа направляли все усилия на ослабление надзора за социалистической законностью. Они саботировали директивы Прокуратуры Союза ССР об организационной перестройке аппарата прокуратуры республики в целях усиления прокурорского

надзора за социалистической законностью, директивы, вытекающие из Сталинской Конституции, воплотившей указания Ленина об обязанностях прокурора. Конституция СССР возложила на прокурора СССР высший надзор за полным исполнением законов всеми наркоматами и т. д. (113 статья Конституции СССР).

Сталинская Конституция установила единство законодательной власти СССР. Борьба с нарушителями советских законов, борьба с людьми, которые в практике своей работы попирают советские законы, есть не только прямая и непосредственная обязанность органов прокуратуры, но является обязанностью и долгом чести всех граждан Советского Союза.

Еще в 1920 г. в письме, адресованном товарищу Сталину, «О двойном подчинении и законности», Владимир Ильич Ленин писал:

«...законность не может быть казусская и казанская, а должна быть единая всероссийская и даже единая для всей федерации советских республик... Законность должна быть одна, и основным злом во всей нашей жизни и во всей нашей некультурности являются попустительское исконно-русского взгляда и привычки полудикарей, желающих сохранить законность казусную в отличие от законности казанской»¹.

Товарищ Сталин при обсуждении проекта новой Конституции категорически отверг внесенное дополнение, в силу которого предлагалось предоставить Президиуму Верховного Совета право издавать временные законодательные акты. В докладе на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов товарищ Сталин говорил:

«Надо, наконец, покончить с тем положением, когда законодательствует не один какой-нибудь орган, а целый ряд органов. Такое положение противоречит принципу стабильности законов. А стабильность законов нужна нам теперь больше, чем когда бы то ни было. Законодательная

¹ Ленин, т. XXVII, стр. 299.

¹ Ленин, т. XXVII, стр. 298—299.

власть в СССР должна осуществляться только одним органом, Верховным Советом СССР»¹.

В осуществление директивы Прокуратуры Союза для усиления работы по общему (административному) надзору в аппарате Прокуратуры Белорусской республики был организован отдел общего надзора, но враги народа, пробравшиеся в аппарат прокуратуры БССР, фактически парализовали работу этого отдела, нагружая его работников поручениями, не имеющими ничего общего с возложенными на них функциями.

В результате такого положения надзор за законностью в советских, административных и хозяйственных организациях БССР носил случайный характер, руководство местными прокурорами в этой области работы не осуществлялось. Целый ряд вопросов, составляющих основу работы прокуратуры по общему надзору, совершенно выпадал из поля зрения органов прокуратуры.

Между тем, на практике в Белорусской республике имели место грубые нарушения советских законов. В некоторых районах БССР пробравшимися к руководству врагами народа сознательно издавались незаконные обязательные постановления, направленные к тому, чтобы вызвать недовольство трудящихся. К сожалению, эти грубейшие нарушения и извращения закона ускользнули от внимания местных прокуроров, которые совершенно на них не реагировали. Больше того, в ряде случаев прокуроры проявили возмутительное бездействие и прямое попустительство.

За последнее время прокуратура республики значительно активизировала свою работу по общему надзору. По инициативе прокуратуры республики были истребованы и просмотрены действующие обязательные постановления ряда райисполкомов и горсоветов, в результате чего установлено, что по ряду вопросов обязательные постановления издавались с грубейшим нарушением основ советского законодательства. Райисполкомы и горсоветы издавали обязательные постановления по вопросам, по которым им не предоставлено право их издавать, чем нарушали постановления ЦИК и СНК БССР от 15 мая 1931 г.

Вот наиболее характерные нарушения обязательных постановлений райисполкомов и горсоветов.

Рогачевский горсовет в целях благоустройства в 1937 г. издал обязательное постановление, каковым обязал всех руководителей государственных, общественных и кооперативных предприятий и учреждений, жакты и частных домовладельцев, арендаторов и прочих лиц, в пользовании которых находятся домовладения, сады, огороды и незастроенные площади, построить около домовладений тротуары по установленному стандарту, а также заборы по установленному образцу.

Речицкий горсовет издал обязательное постановление о постройке и ремонте тротуаров, ворот, заборов и окраске домов, обязав руководителей госучреждений, директоров предприятий, руководителей кооперативных и других общественных организаций, председателей артелей и частных домовладельцев по всем улицам города построить возле находящихся в их пользовании

домовладений новые тротуары, новые мосты для въезда во двор, окрасить как каменные, так и деревянные дома, железные крыши, а также заборы и ворота. При этом горсовет установил следующие цвета для окраски домов, заборов и ворот: «по Советской улице — светло-зеленый, по Ленинской — светло-желтый, по Кооперативной, Карла Маркса и других — голубой, на фабрично-заводском поселке — стальной, по всем остальным улицам — темно-зеленый».

Это вредительское постановление действовало до последнего времени.

Аналогичные обязательные постановления издавались Копыльским и Лельчицким райисполкомами, а также Борисовским и Гомельским горсоветами.

Ясно, что издание таких обязательных постановлений не предусмотрено никакими законами, ибо райисполкомы и горсоветы не вправе обязывать руководителей госучреждений и организаций в целях благоустройства местечек и городов производить непредусмотренные для них хозяйственные расходы, толкать их на нарушение финансовой дисциплины. Для частных лиц подобные затраты во многих случаях могут быть непосильными. Своими незаконными обязательными постановлениями вышеуказанные райисполкомы и горсоветы ввели незаконный налог, причем нарушения этих незаконных обязательных постановлений влекли (это указывалось в самих постановлениях) ответственность в виде денежного штрафа до 100 руб., или исправительно-трудовые работы до 14 дней.

Характерно отметить, что на издание райисполкомами обязательных постановлений в области благоустройства их толкнуло отменное в настоящее время постановление ЦИК и СНК БССР от 3 августа 1936 г. «О порядке строительства, ремонта и содержания мостовых и тротуаров в городах, местечках и рабочих поселках», п. 3 которого гласит: «Строительство новых и ремонт тротуаров, которые находятся против частных домовладений, является обязанностью частных домовладений». Этот пункт находится в явном противоречии с действующим постановлением ЦИК и СНК СССР от 19 марта 1936 г. «О порядке финансирования строительства и ремонта мостовых и тротуаров в городах и рабочих поселках». В постановлении ЦИК и СНК СССР не указано, что строительство новых тротуаров против частных домовладений является обязанностью домовладельцев.

Вышеприведенное постановление ЦИК и СНК БССР является не случайным, ибо вредители Шараповичи и Червяковы были заинтересованы в издании такого незаконного постановления с целью вызвать недовольство трудящихся.

Ряд райисполкомов и горсоветов издали обязательные постановления о представлении соответствующими организациями и предприятиями к установленным срокам для клеймения измерительных приборов. За нарушение этих постановлений на виновных налагался штраф в сумме до 300 руб. Между тем, ст. 21 постановления Совнаркома Союза ССР от 15 января 1935 г. «О специальных поверителях измерительных приборов» говорит: «государственному поверителю при обнаружении нарушителей законов и правил о мерах и весах предоставлено право с утверждения соответствующего уполномоченного центрального управления мер и весов налагать на виновных штраф в размере до 300 руб.».

¹ Сталин, О проекте Конституции Союза ССР, Партиздат, 1936 г., стр. 41.

Следовательно, указанным постановлением не предоставлено право райисполкомам подменять функции органов ЦУМБ, а согласно ст. II постановления ЦИК и СНК БССР от 15 мая 1931 г. «О порядке издания обязательных постановлений» райисполкомами и горсоветами, таковые не вправе налагать за нарушение их обязательных постановлений штраф в сумме свыше 100 руб. И несмотря на это, такие обязательные постановления издавались Комаринским, Хотимским, Лепельским, Слуцким и другими райисполкомами и горсоветами.

Многие райисполкомы издавали обязательные постановления по вопросу о трудовом участии населения в дорожном строительстве (например, Горецкий, Гресский, Костюковичский, Копыльский и др.), тогда как этот вопрос полностью регулируется постановлением ЦИК и СНК СССР от 4 марта 1936 г. «О трудовом участии сельского населения в строительстве и ремонте шоссе и грунтовых дорог».

Этим постановлением райисполкомам не предоставлено право издавать обязательные постановления и за их нарушение привлекать виновных к административной ответственности.

Многими райисполкомами издавались обязательные постановления, устанавливающие круглосуточное дежурство граждан в населенных пунктах (Полоцкий, Круглянский, Гресский, Копыльский, Бобруйский, Крупский и некоторые другие райисполкомы), тогда как привлечение населения к трудовой повинности разрешается только для борьбы со стихийными бедствиями.

Некоторые райисполкомы снимали своими постановлениями с работы учителей, что является нарушением постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 10 апреля 1936 г. «О порядке введения персональных званий для учителей и назначения учителей, заведующих и директоров школ». Так например, президиум Быховского района 14 ноября 1937 г. вынес постановление о снятии с работы 13 учителей с формулировкой: «как чуждый элемент и политически не внушающий доверия».

Постановлением президиума Петриковского района, Мозырского округа 19 января 1938 г. был снят с работы директор Капцевичской средней школы, заведующий учебной частью и 12 учителей.

Характерно, что против этих незаконных постановлений не возражал и Наркомпрос, а по существу такие массовые, бесосновательные увольнения учителей не только грубо нарушали их право на труд, но и срывали работу школ, вредили делу народного образования.

Некоторые райисполкомы издавали обязательные постановления, несправильные по существу и грубейшим образом извращающие и нарушающие советские законы. Например, Мстиславский райисполком издал обязательное постановление о санитарных мероприятиях, которым обязал руководителей предприятий, учреждений и хозяйственных организаций «обеспечить уничтожение зародышей мух в приемниках для нечистот, уборных, выгребных ямах и мусорных ящиках». За нарушение этого постановления предусмотрен штраф в сумме до 100 руб. или принудительные работы до 15 дней.

Туровский райисполком обязательным постановлением «в целях охраны лесов от пожаров» запретил под страхом административной ответ-

ственности сбор ягод, грибов и устанавливание ульев в лесах.

Будо-Кошелевский райисполком вынес обязательное постановление «О борьбе с браконьерством и отстреле бродячих собак», которым обязал заготовительные организации, Беллущину и райзаг организовать отстрел всех бродячих собак. За нарушение этого постановления установлен штраф до 100 руб. или 14 дней исправ-трудработ.

Смывовичский райисполком «в целях борьбы с лесными пожарами» издал обязательное постановление, которым обязал органы связи предоставлять для бесплатного пользования в случае пожара телеграф и телефон. За нарушение этого постановления предусмотрен штраф до 100 руб.

Туровский райисполком в порядке проведения противопожарных мероприятий 15 мая 1937 г. принял следующее постановление: «Запретить малолетним детям, престарелым, малоумным и слепым зажигать спички, разжигать самовары, растапливать печи». За нарушение этого постановления предусмотрен штраф в размере до 100 руб. или принудительные работы до 14 дней.

Это вредительское обязательное постановление действовало до последнего времени.

Райисполкомы Лоевский, Брагинский, Светловичский и другие выносили обязательные постановления об обязательном медицинском осмотре лиц, занятых в пищевой промышленности, тогда как этот вопрос регулируется специальным постановлением Совнаркома Союза от 26 июня 1935 г. о госинспекции.

Количество изданных в БССР горсоветами и райисполкомами незаконных обязательных постановлений далеко не исчерпывается приведенными фактами.

Понятно, что такие обязательные постановления вызывали недовольство со стороны трудящихся масс, чего и добивались подлые враги народа, сидевшие в руководящих органах БССР и в руководстве прокуратуры республики.

Отдел общего надзора совершенно не осуществлял надзор за циркулярами и распоряжениями, которые издавались наркоматами БССР, хотя практика пересмотра этих циркуляров и распоряжений показывает, что и здесь вредители, сидевшие в некоторых наркоматах, сознательно издавали вредительские циркуляры и распоряжения (Наркомзем, Наркомвнуторг, Наркомпрос, Наркомсовхозов и т. д.).

Характерной в этом отношении является инструкция, изданная Государственной инспекцией охоты и звероводства Наркомзема БССР и утвержденная Главным управлением милиции НКВД БССР и Наркомземом БССР: «О порядке проведения перерегистрации охотников в БССР в 1937 г.». Согласно п. «г» ст. 5 этой инструкции охотничьи билеты не выдаются лицам, которые были осуждены за уголовные преступления. Таким образом эта инструкция лишает права состоять в союзе охотников лиц, осужденных, независимо от рода и характера совершенного ими преступления, а также вида и размера наказания, которому они были подвергнуты. По этой инструкции лица, осужденные даже за незначительные преступления, лишались права на получение охотничьих билетов.

Комитет заготовок при СНК СССР в изданной инструкции о порядке приема, отпуска и использования таро-материалов, в п. 28 записал: «При повторном невозврате порожних мешков потре-

бителями «Заготзерно» и «Заготлен» вправе прекратить дальнейший отпуск продукции этим организациям...» Согласно этому пункту выходило, что за гололетью и дисциплинированность отдельных работников фактически несут ответственность потребители — трудящиеся, которые лишаются необходимых им продуктов. Проведение в жизнь этого пункта инструкции в БССР по существу и приняло такие формы. 3 января с. г. заместителем директора «Белзаготзерно» Островским на основании этой инструкции Комзема было дано распоряжение подведомственным организациям прекратить отпуск муки хлебопекарням в рабочих центрах: Бобруйске, Гомеле, Орше, Борисове, Витебске, Речице и др. Это распоряжение безусловно влекло срыв обеспечения хлебом рабочих, который был предупрежден только вмешательством прокуратуры республики. Распоряжение заместителя директора было отменено директором «Белзаготзерно» по протесту прокуратуры.

Одновременно перед Прокуратурой Союза ССР поставлен вопрос об опротестовании указанного пункта инструкции Комитета заготовок¹.

Все эти незаконные обязательные постановления в настоящее время прокуратурой республики опротестованы. Кроме того, прокуратурой республики поставлен вопрос перед директивными органами БССР о принятии мер для исправления допущенных перегибов. С этой же целью поставлен вопрос и перед ЦИК и СНК БССР.

По инициативе прокуратуры Белорусской республики этот вопрос будет предметом специального обсуждения на совместном заседании ЦИК и СНК БССР.

Приняты также меры по укреплению отдела общего надзора, в частности, этот отдел сейчас укомплектован квалифицированными кадрами и работники его освобождены от работы, не связанной с их непосредственными функциями.

Прокуратурой республики было создано специальное кустовое совещание районных и городских прокуратур, на котором широко обсуждал-

ся вопрос о нарушениях, имевших место при издании обязательных постановлений, и были приняты конкретные мероприятия для устранения в дальнейшем этих нарушений.

Окружным, городским и районным прокурорам, на основании конкретных примеров нарушений социалистической законности, даны указания о перестройке их работы в области общего надзора, в частности надзора за законностью обязательных постановлений, издаваемых советами и исполкомами. Приняты меры по организации и укреплению связи с группами содействия прокуратуры, через которые прокуроры на местах смогут своевременно выявлять нарушения законности и реагировать на них.

Конституция СССР, полностью отразившая сталинскую заботу о человеке, дала четкое и полное определение прав и обязанностей граждан нашей страны. Сталинская Конституция обязывает работников прокуратуры ограждать эти права от всяких посягательств с чьей бы то ни было стороны, чутко и внимательно относиться к жалобам трудящихся и быстро реагировать на малейшие нарушения социалистической законности, привлекая виновных в этом к ответственности.

Работники прокуратуры должны помнить, что грубейшие нарушения законности представляют собой один из методов вредительства врагов народа — право-троцкистских негодяев, немецко-польских и других шпионов и диверсантов. Поэтому, выявляя нарушения законности, органы прокуратуры должны изучать политическое лицо нарушителя в совокупности всей его работы, с тем, чтобы помочь партии до конца разоблачить и с корнем вырвать уцелевшие еще кое-где остатки разгромленных врагов, троцкистско-бухаринских агентов.

Органы прокуратуры БССР, очистив свои ряды от враждебных и негодных элементов и укрепив кадры проверенными, стойкими партийными и непартийными большевиками, выполнят возложенные на них Сталинской Конституцией ответственные задачи.

В. ВАЙСМАН

Против замазывания ошибок разговорами о самокритике

Общезвестно, что на правовом фронте вредительство было широко развито. Известно также, что многие работники допускали ошибки. Некоторые товарищи подверглись критическому разбору ошибки. Тов. Вышинский прямо признал, что «мы все пренебрегли важнейшим принципом нашей партии и общественности: самокритикой... мы все повинны в этом, ибо это благоприятствовало расцвету таких «теоретических» упражнений всяких Пашуканисов, которые иначе как вредительством назвать нельзя...»²

Тов. Вышинский выступал и показал, в чем

заключаются вредительства (теории)¹. Критиковали и другие работники — одни вполне добросовестно, одни больше, другие — меньше... Но в конечном итоге далеко не все ошибки — волные и невольные — подверглись критике, а ошибавшиеся — самокритике.

На состоявшемся 15—19 марта 1937 г. активе Народного комиссариата юстиции Ф. М. Нахимсон, между прочим, говорил:

«... На теоретическом правовом фронте не видно мобилизации для того, чтобы бороться, как это делается в других местах, с последствиями и остатками вредительства. Товарищи растеряны, никто не берет на себя руководство этой борьбой...»

¹ По предложению СНК СССР Наркомат Заготовок отменил указанный пункт инструкции.

² «Социалистическая законность» № 4, 1937 г.

¹ «Социалистическая законность» № № 3—5 и «Правда» от 20 апреля 1937 г.

На этом же активе Ф. М. Нахимсон критиковал практику по применению 427 ст. УПК и проч. Из правовых больших теоретических вопросов, пагубно влиявших на практику, Нахимсон слегка, в виде напоминания, коснулся упрощенческой позиции в резолюции одного из всероссийских совещаний работников юстиции — «минимум формы и максимум классового существа».

А на этом же активе справедливо т. Нахимсону задавали вопрос, где был тов. Нахимсон — редактор «Советской юстиции»? В «Советской юстиции» не помещали статей против Пашуканиса...¹

Естественно было ожидать, что после этого актива Ф. М. Нахимсон выступит с большевистской критикой и самокритикой.

Как известно, Нахимсон не нашел слов...

По вопросам, так сказать, невинного характера Ф. М. Нахимсон написал за 1937 г. две статьи: в № 7 «Советской юстиции» под заглавием «Вторая годовщина закона 7 апреля 1935 г.» и в № 22 — под заглавием «Борьба с детской преступностью в СССР». В этой последней статье мы читаем: «Можно утверждать, что такое пренебрежительное отношение к изучению вопросов охраны прав несовершеннолетних имеет своим источником те же самые «теории», которые вели (?) к отрицанию возможности и необходимости советского, гражданского, административного и государственного права...» И это все, что сказал Нахимсон по поводу вредительства на правовом фронте.

Почему бы, в самом деле, заместителю председателя уголовно-судебной коллегии Верховного Суда ССР — заместителю ответственного редактора «Советской юстиции» не воодушевить «растерявшихся товарищей»?

Ведь со времени актива 15—19 марта 1937 г., со дня опубликования «Тезисов» в № 8 журнала «Советская юстиция» прошло много времени. Номер с «Тезисами» и отчетом об этом активе вышел в начале мая прошлого года, а Нахимсон молчал вплоть до начала февраля 1938 г... Больше года со дня разоблачения бандита Пашуканиса Нахимсон молчал об ошибках и вредительстве. Чрезвычайно невразумительно и робко он говорил лишь на последнем активе Верховного Суда. Это выступление имело место после того, как изменилось руководство Народным комиссариатом юстиции. Скажут — совпадение. Может быть!

* * *

Как сообщают «Известия» от 5 февраля текущего года, на состоявшемся в первые числа февраля активе Верховного суда Ф. М. Нахимсон сказал: «С благословения Крыленко Верховный суд рассматривает преступления отдельных лиц, но не руководит судебной политикой. По Конституции же он должен быть высшим органом Союза...» Законная претензия, что и говорить!

Но вот вопрос — почему Ф. М. Нахимсон эту законную претензию не предъявил Крыленко до его снятия с поста наркомюста? Узурпация прав Верховного б. наркомом юстиции, узурпация, составляющая ревизию Сталинской Конституции, не дело последних дней. «Социалисти-

ческая законность» об этом писала еще в июле, сентябре и октябре 1937 г., в №№ 7, 9 и 10. Разве план выборов заседателей в народный суд по особым спискам, опубликованный б. наркомюстом, — не составляет самой неприкрытой ревизии Конституции? Не является вопиющим антипартийным актом? Где же критика и самокритика из уст Ф. М. Нахимсона?

Где же протесты Нахимсона по поводу этих вопиющих актов антипартийных действий б. наркомюста юстиции? Их нет. Их не могло быть, так же как не могли быть пропущены статьи против Пашуканиса. Почему же, могут спросить. Да потому, что в 1935 г. заместитель председателя уголовно-судебной коллегии Ф. М. Нахимсон выдал нечто вроде векселя сроком по предъявлению, о котором он писал по адресу бывшего народного комиссара юстиции: «... Мы же, кому довелось много лет бок-о-бок, под его руководством работать, многому у него научились, и мы можем заверить его, что наша любовь и глубокое уважение обеспечены ему навсегда...» и далее пожелание: «и также крепко всегда стоять на партийных позициях, как он это делал до сих пор...»¹.

* * *

Если обратиться к «Рабочему суду», то Ф. М. Нахимсону следует напомнить, что самокритика необходима.

Вот, например, вопросы о государстве, его «уничтожении» и «отмирании». Как эти вопросы решались в 1924 г. в издании Ленинградского губсуда, председателем которого в это время был Ф. М. Нахимсон? В передовой статье «Памяти Ленина» в журнале «Рабочий суд» № 1—2 за 1924 г. мы читаем:

«... Государство есть особая сила для подавления». Вот какое понимание государства завещал нам Ленин, и это понимание мы в повседневной работе не должны забывать ни на минуту, и каждый наш шаг, практиков права, принявших на себя наиболее ответственную обязанность в пролетарском государственном аппарате, должен быть направлен к правильному применению основного принципа советского права, по которому «государство есть особая сила для подавления» в интересах пролетариата, до уничтожения — отмирания пролетарского государства.

Таков завет Ленина нам — практикам права. Мы не имеем права отступать от него ни на шаг. Этот завет Ленина определяет формы и сущность нашей работы, и мы с честью должны его выполнить».

Так беспардонно «интерпретировать» Ленина, значит клеветать на Ленина. Выходит, что Владимир Ильич, якобы, проповедывал одно подавление, и только подавление. Это прямое извращение Ленина.

Диктатуру пролетариата как систему чрезвычайных мер трактовал обер-фашист Троцкий, — причем же тут Ленин?

В своей замечательной работе «Очередные задачи советской власти», написанной в 1918 г., Владимир Ильич писал:

«Красногвардейская» атака на капитал была успешна, была победоносна, ибо мы победили и военное сопротивление капитала и саботажническое сопротивление капитала.

¹ «Советская юстиция», № 8, 1937 г.

¹ «Советская юстиция», № 15, 1935 г.

Значит ли это, что всегда уместна, при всяких обстоятельствах, «красногвардейская» атака на капитал, что у нас нет иных способов борьбы с капиталом? Думать так было бы ребячеством. Мы победили легкой кавалерией, но у нас есть и тяжелая артиллерия. Мы победили методами подавления, мы сумеем побеждать и методами управления¹. И далее: «...Нет достаточного сознания того, что суд есть орган привлечения именно бедноты поголовно к государственному управлению (ибо судебная деятельность есть одна из функций государственного управления), что суд есть орган власти пролетариата и беднейшего крестьянства,— что суд есть орудие воспитания к дисциплине»².

В уже названной передовой статье, основываясь на бессмертной работе Владимира Ильича «Государство и революция», говорят: «... Государство есть особая сила для подавления» в интересах пролетариата до уничтожения — отмирания пролетарского государства. Таким образом ставится знак равенства между «уничтожением» и «отмиранием» пролетарского государства. Так ли учит Ленин?

«На деле здесь Энгельс говорит об «уничтожении» пролетарской революцией государства буржуазии, тогда как слова об отмирании относятся к остаткам пролетарской государственности после социалистической революции. Буржуазное государство не «отмирает», по Энгельсу, а «уничтожается» пролетариатом в революции. Отмирает после этой революции пролетарское государство или полугосударство³. Мы и здесь видим прямое извращение Ленина. «Так происходит незаметная подделка великого революционного учения под господствующую обывательщину»⁴.

* * *

Приветствуя работников в годовщину деятельности Ленинградского суда, Ф. М. Нахимсон, напомнив о декрете о суде № 1, сказал: «... Правда, наряду с этим он имеет некоторый эсеровский налет, мы там находим указание на демократические выборы судей и прочую ерунду, которую революция потом отменяла...» («Рабочий суд» 1924 г., № 5). Эта «точка зрения» на декрет о

суде № 1 выводится, по видимому, из того, что во время его издания в состав советского правительства входила пара представителей партии левых эсеров... О какой такой «прочей ерунде» говорил Нахимсон, до сих пор неизвестно. Между тем если учесть, что декрет о суде № 1 был тем самым замечательным декретом, который сломал судебную царскую машину, тр его революционизирующее значение не будет переоценено. Вынужденный, на время, отказ от прямых демократических выборов судей возводится в добродетель. Напрасно!

«Развитие демократии до конца, изыскание форм такого развития, испытание их практикой и т. д.— все это есть одна из составных задач борьбы за социальную революцию...»¹

В числе подписавших исторический «декрет о суде» мы видим товарищей Ленина, Сталина и Стучку. Пора покончить с этой «окрыленной» легендой о «некотором эсеровском налете», ее необходимо развеять. Ф. М. Нахимсон обязан сказать, о какой «прочей ерунде» идет у него речь в этом декрете.

Больше уважения к историческим, революционного права, памятникам, среди которых «декрет о суде № 1» принадлежит почетнейшее место. Он служил орудием Октябрьской революции для слома одного из устоев буржуазной машины — суда.

«Упразднить донные существующие общие судебные установления...» вот, что основное в этом декрете, а не «прочая ерунда»...

* * *

Нас, с точки зрения советского гражданина, интересует, почему, как заявил на активе Верховного суда СССР в начале февраля текущего года зам. председателя уголовно-судебной коллегии, ухудшилась работа этой коллегии и какие приняты меры к улучшению ее работы?

Нам представляется весьма целесообразным как можно скорее провести в жизнь предложение, содержащееся в 33-м тезисе редакции «Советской юстиции», в № 8 за 1937 г., по которому «необходимо проверить свои ряды, собрать все живые силы, имеющиеся на нашем фронте, способные работать по-новому, работать по-большевистски...»

Р. ЛОПУХОВ и В. ТРУБНИКОВ

За чуткое отношение к красноармейским жалобам

Советский народ горячо любит свою родную семью красноармейцев. К этим нарушениям Красную Армию и Красный Флот. Служба относится: неправильное выселение, переселения, Красной Армии — самая почетная обязанность гражданина СССР.

Права уходящих в Красную Армию и остающихся их семей защищаются законом. Но на местах еще иногда встречаются отдельные нарушения льгот, предоставляемых нашим законом

Партия и правительство требуют от органов, разбирающих красноармейские жалобы, исключительного внимания и чуткости, ибо, как говорил товарищ Сталин: «... чуткость к запросам масс является основной заповедью нашей партии»².

¹ Ленин и Сталин, сборник произведений к изучению истории ВКП(б), т. 2, стр. 90—93.

² Там же, стр. 105.

³ Ленин, т. XXI, стр. 380.

⁴ Ленин, т. XXI, стр. 381.

¹ Ленин, т. XXI, стр. 423.

² И. Сталин, «Вопросы ленинизма», 10 изд., стр. 131.

ЦИК СССР 14 декабря 1935 г. принял специальное постановление «О положении дел с разбором жалоб трудящихся», которым конкретно и четко определены задачи и методы работ по рассмотрению жалоб трудящихся и установлены сроки для их разрешения в республиканских, краевых и областных организациях. Срок для разрешения жалоб этими органами установлен не свыше месяца со дня подачи, а для красноармейских жалоб — не свыше 15 дней. Согласно указанному постановлению районные и городские организации должны разрешать жалобы в срок, не превышающий 20 дней, а красноармейские жалобы — 7 дней.

Постановление от 14 декабря 1935 г. относится не только к исполкомам и советам, но, в такой же степени и к прокуратуре, суду, профсоюзам и другим организациям.

Установление более короткого срока для рассмотрения красноармейских жалоб свидетельствует об особом внимании нашей партии и правительства к бойцам РККА. Правильное и своевременное рассмотрение красноармейских жалоб несомненно является одним из факторов, содействующих сохранению устойчивого политико-морального состояния в рядах РККА. Всякое отступление от точного выполнения закона от 14 декабря 1935 г. не только является нарушением Сталинской Конституции, но и может быть использовано врагами народа. Нередко, пробравшись на ответственные посты, троцкистско-бухаринские бандиты грубейшим образом нарушали советские законы и самоуправно применяли к семьям красноармейцев незаконные налоги, штрафы и т. д., стремясь вызвать этим недовольство среди бойцов РККА.

В. И. Ленин требовал самого внимательного и тщательного отношения к красноармейским жалобам. В одной из своих статей М. И. Ульянова приводит письмо Ленина по поводу обращения к нему красноармейца т. Семенникова:

«В 1921 г., когда Ленин был уже болен, т. Семенников приехал в Москву из Донской области со специальной целью осведомить Ленина о случаях превышения власти, хищений, бесхозяйственности продовольственных работников и ответственных коммунистов Донской области. Как реагировал на обращение т. Семенникова Ленин?

Вот записка товарища Ленина к т. Фотиевой:

1. Разыщите автора спешно, примите, успокойте, скажите, что я болен, но дело его двину.
2. Письмо его дайте переписать на машинке в нескольких экземплярах
- т. Молотову.
- т. Сольцу ЦКК.

3. При посылке письма Молотову добавьте от меня: предлагаю послать Контрольную Комиссию на Дон из члена ВЦИК + 10 (или 20) свердловцев (автора взять с собой) и расстрелять на месте тех, кого изобличат в грабежах»¹.

В этом поучительном примере видна не только чуткость, внимание и забота к рядовому красноармейцу, но и ненависть к врагам, жуликам, которые расхищают народное имущество и чинят беззакония.

Неоднократные указания Ленина и товарища Сталина о заботливом отношении к «малым» и «большим» работникам являются прямыми директивами, в первую очередь обязательными для

работников прокуратуры, призванных охранять социалистическую законность.

Однако имеющиеся факты о прохождении в 1937 г. жалоб красноармейцев в Мособлпрокуратуре далеко не свидетельствуют о том, чтобы требования Ленина и Сталина полностью выполнялись.

За первые 3 квартала 1937 г. (о IV квартале будет сказано особо) в областную прокуратуру поступило 926 красноармейских жалоб. Больше всего жалоб (227 жалоб, т. е. 24%) поступило на неокказание помощи семьям красноармейцев. Анализ этих жалоб показывает, что райисполкомы и правления колхозов недостаточно чутко относятся к запросам семей красноармейцев. Органы прокуратуры на местах, при обращении к ним членов семей красноармейцев по оказании им помощи, не принимают энергичных мер к разрешению этого вопроса в советских и общественных организациях, и лишь только вмешательство высших советских органов и органов прокуратуры ускоряет разрешение вопроса. Из направленных в районы 227 жалоб получены ответы об удовлетворении 107 жалоб (эти сведения неполны, так как 94 жалобы отправлены без контроля и по ним сведений о результатах не имеется).

Главным недостатком работы Мособлпрокуратуры являлось то, что 42% красноармейских жалоб были направлены без контроля, и неизвестно, как они разрешены. Таким образом, Мособлпрокуратура по этим жалобам являлась только простой передаточной станцией, не выполняя директив об особом надзоре за прохождением красноармейских жалоб.

Остальные жалобы были взяты на контроль, но проверкой, произведенной отделом жалоб, установлено, что результаты по 42 рассмотренным жалобам не были сообщены в воинские части и красноармейцам, а некоторые жалобы были положены в ряд окончательных переписок, хотя по ним не было окончательных результатов. Приведем несколько конкретных примеров.

25 января 1937 г. поступила жалоба красноармейца Леликова Е. В. о том, что Тульский горсовет не принимает мер по ремонту квартиры его семьи и последняя находится в плохих жилищных условиях. По запросу Мособлпрокуратуры из приемной Тульского горсовета 2 февраля был получен ответ, что ремонт квартиры Леликова включен в смету. 10 февраля поступила вторая жалоба Леликова, где он сообщил о ложном ответе заведующего приемной Тульского горсовета. Мособлпрокуратура направила два запроса в Тульский горсовет 12 и 28 февраля, но ответа не получила. 4 марта поступила третья жалоба Леликова по этому же вопросу. По этой жалобе областной прокуратурой сделаны три запроса (14 и 29 марта и 29 апреля), но ни на один из них от Тульского горсовета ответ не получен.

Вместо того чтобы привлечь виновных в волоките к ответственности работником общего отдела Мособлпрокуратуры 15 мая наложена резолюция о снятии этой переписки с контроля и сдаче ее в ряд.

В марте 1937 г. поступила жалоба красноармейца Федотова о волоките в Тульском нарсуде. 11 марта было направлено отношение председателю гражданской коллегии Мособлсуда с просьбой принять меры к устранению волокиты по разбору нарсудом дела. Одновременно была со-

¹ Ленинский сборник XX, стр. 333.

ставлена копия этого отношения на имя начальника школы для сообщения красноармейцу Федотову, но эта бумага по назначению не была послана. 10 июня был сделан вторичный запрос в Мособлсуд о судьбе отношения от 11 марта, но ответа не последовало. После всего этого 8 июля работник гражданского отдела областной прокуратуры снимает переписку с контроля и сдает ее в наряд.

В апреле 1937 г. от военкома части поступило заявление красноармейца Гусева Н. В. о нарушении устава сельхозартели. 8 апреля заявление было направлено прокурору Коломенского района для проверки. Факты, указанные в заявлении, были подтверждены, и 16 мая дана санкция на привлечение к уголовной ответственности председателя Городецкого сельсовета Капралова. И лишь только 14 октября дело рассмотрено нарсудом и Капралов оправдан. Райпрокурором внесен протест в кассационную коллегия Мособлсуда, но следственный отдел не взял этого дела на особый учет, не сообщил об оправдании в судебный отдел, чтобы проследить за движением дела в Мособлсуде. Ни военкому, ни красноармейцу Гусеву ответ не дан, и результаты по делу им неизвестны.

В сентябре 1937 г. поступила жалоба красноармейца Абрикова на приговор нарсуда. 14 сентября было дано распоряжение прокурору Белевского района о срочной проверке дела в порядке надзора и о сообщении в Мособлпрокуратуру. На контроль жалобы судебным отделом не взята, результаты неизвестны и военкому части не сообщены.

26 июня поступила жалоба отца красноармейца Шульц о выселении из совхоза. Мособлпрокуратурой (по отделу жалоб) дано приостановление выселения до рассмотрения дела, но дело не затребовано и материал положен в окончанные переписки. И лишь только в октябре было затребовано дело и окончательно разрешен вопрос о выселении.

По контрольным красноармейским жалобам имеются следующие результаты: удовлетворено:—31,9% жалоб, отказано—14,2% жалоб, не подтвердилось—5,5%, осталось нерассмотренными на IV квартал—3% жалоб, по остальным даны разъяснения.

Постановление ЦИК СССР от 14 декабря 1935 г. «О положении дел с разбором жалоб трудящихся» в отношении установленных сроков рассмотрения красноармейских жалоб грубо нарушалось. Так, в срок до 15 дней было рассмотрено свыше 71% жалоб, до 1 месяца—13,5% и свыше месяца рассматривалось около 15%. Следует отметить, что в число жалоб, рассмотренных до 15 дней, вошло большинство жалоб, направленных к райпрокурорам и в другие организации без контроля и по которым нет результатов рассмотрения.

Учет красноармейских жалоб производился только в канцелярии, оперативные же отделы, за исключением отдела общего надзора, особого учета красноармейских жалоб не вели. Такое же состояние с учетом этих жалоб и в райпрокуратурах.

На оперативном совещании по отчету отдела жалоб о состоянии красноармейских жалоб были освещены все недостатки работы оперативных отделов в этом направлении и на этот участок работы в IV квартале было обращено больше внимания.

За IV квартал поступила 171 красноармейская жалоба, часть жалоб была направлена во вновь организованные Тульскую и Рязанскую области. По срокам рассмотрения жалоб в IV квартале имеются улучшения. В срок до 10 дней было разобрано 78,8% всех жалоб, до 15 дней—20%, и только 3 жалобы рассматривались более одного месяца.

В целях проверки на местах рассмотрения красноармейских жалоб Мособлпрокуратурой было предложено райпрокурорам провести в ноябре—декабре в райисполкомах, горсоветах и отдельных сельсоветах контрольные проверки выполнения постановления правительства о разборе жалоб трудящихся и в первую очередь красноармейских.

В результате этой проверки был выявлен целый ряд фактов бюрократического рассмотрения красноармейских жалоб, а также отсутствие контроля за рассмотрением этих жалоб в отделах райисполкомов и неаккуратное извещение жалобщиков о результатах.

Как правило, во всех проверенных райисполкомах, горсоветах и сельсоветах жалобы красноармейцев и их семей рассматривались в сроки, превышающие сроки, установленные законом от 14 декабря 1935 г.

Серпуховский горсовет из 64 красноармейских жалоб, поступивших в 1937 г., рассмотрел в 10-дневный срок только 9 жалоб. Остальные жалобы рассматривались в более длительные сроки, и 7 жалоб были рассмотрены в срок свыше двух месяцев. В числе последних жалоб была жалоба красноармейца Круглова о предоставлении его семье другой жилищной площади, так как помещение, в котором она проживала, грозило обвалом, о чем было составлено шесть актов различными комиссиями. И эта жалоба рассматривалась горсоветом в течение 5 месяцев.

Коломенский райисполком обычно рассматривает красноармейские жалобы в срок от одного до двух месяцев. Жалоба красноармейца Скопцова об оказании помощи его семье разрешалась райисполкомом целых 4 месяца. Жалоба красноармейца Гришина о присвоении председателем Бобриневского сельсовета Сиротовым денег, полученных им с семьи Гришина за дрова, в течение двух месяцев «путешествовала» из одного отдела рика в другой и за столь длительный срок не была разрешена по существу.

Дмитровский райисполком проявил к красноармейским жалобам формально-чиновничье отношение. 7 марта президиум рика вынес постановление об обязательном ведении учета и контроля заведующими отделами, но в действительности этот контроль не производился, и постановление осталось на бумаге. По полученной 8 августа жалобе Октябрьского райвоенкомата о принятии мер к прекращению издевательства, организуемого домохозяином над семьей красноармейца Кануба, сотрудник рика в регистрационном журнале сделал формально-бюрократическую отметку: «Вызывался председатель сельсовета и 15 августа вопрос должен уладиться». Как этот вопрос уладился и привлечен ли виновный к ответственности—неизвестно.

Шаховской райисполком допустил хаотическое состояние в хранении красноармейских жалоб, в результате чего некоторые жалобы были утеряны. По 5 красноармейским жалобам о выделении покоса из госфонда заведующий райзо Беляков ограничился бюрократической резолюцией: «от-

казать», не известив даже об этом жалобщиков. Между тем проверкой, проведенной прокурором Качапкинским, была выявлена неосновательность отказа, и президиумом райисполкома на Белякова наложено дисциплинарное взыскание.

Весь собранный материал по проверке состояния рассмотрения красноармейских жалоб в райисполкомах, горсоветах и сельсоветах области был обобщен Мособлпрокуратурой, и перед президиумом Мособлсполкома был поставлен вопрос о наложении на виновных в нарушении постановления правительства по рассмотрению красноармейских жалоб дисциплинарных взысканий.

В заключение необходимо отметить, что постановка дела с рассмотрением красноармейских жалоб как в Мособлпрокуратуре, так и в районных прокуратурах, райисполкомах, горсоветах и сельсоветах находится в неудовлетворительном состоянии и руководство Мособлпрокуратуры и Мособлсполкома должно проявить к этому участку работы особое внимание. Для этого необходимо систематически организовывать проверку и контроль по выполнению постановления ЦИК СССР от 14 декабря 1935 г. как путем увеличения выездов на места работников областного аппарата, так и путем организации систематического контроля райпрокурорами разбора красно-

армейских жалоб в райисполкомах, горсоветах и сельсоветах.

Следует особо отметить, что к проверке красноармейских жалоб совершенно не привлекался актив — группы содействия прокуратуре и секции ревзаконности, а также и то, что отдельные возмутительные факты волокиты и бюрократизма, допущенные при разборе красноармейских жалоб, не освещались в местной печати. Нужно больше вовлекать в работу по проверке красноармейских жалоб массы.

Небольшое число привлеченных к ответственности за волокиту и бюрократизм, проявленные при рассмотрении красноармейских жалоб, говорит о «либеральном» отношении к лицам, нарушающим постановления правительства от 14 декабря 1935 г.

Изучение красноармейских жалоб также свидетельствует о недостаточном разъяснении населению закона о льготах красноармейцам и их семьям.

Права красноармейцев и их семей должны строго охраняться, и всех нарушителей этих прав надо сурово наказывать.

В эпоху великой Сталинской Конституции не должно быть места бездушному, невнимательному и нечуткому отношению к жалобам трудящихся, тем более к красноармейским жалобам.

О Б Ъ Е Д И Н Е Н Ы Е П Ы Т Ы

Неослабное внимание борьбе с преступлениями, посягающими на личность, достоинство, права женщин национальных меньшинств

В следственной, прокурорской и судебной практике по делам о преступлениях, составляющих пережитки родового быта и направленных в первую очередь против раскрепощения женщин, продолжают иметь место серьезные недостатки, на которые уже неоднократно обращалось внимание и которые частично были указаны т. Бомас в № 3 журнала «Социалистическая законность» за 1937 г.

Сроки расследования и судебного разрешения ряда этих дел совершенно неудовлетворительны. В отдельных случаях расследование носит характер безобразной волокиты. Следует также отметить имеющую иногда место недоброкачественность расследования и судебного следствия по этим делам. Например, дело по обвинению Жинбаева по ст. 148 ч. II УК (Алма-Атинская область) в общей сложности разрешалось в течение более чем 8 месяцев, так как ни предварительное следствие, ни судебное следствие не дали себе труда выяснить ряд существенных моментов и обстоятельств, необходимых для правильного разрешения дела. В частности, по делу о женитьбе на несовершеннолетней остался не выясненным вопрос о возрасте потерпевшей. Расследование иногда затягивается на несколько месяцев не в результате особой сложности дел, а ввиду того, что органы расследования

вследствие грубой недооценки политического значения этих дел в ряде случаев не уделяют им должного внимания.

Из приведенного выше примера видно, что длительность расследования и прохождения в судах рассматриваемых дел не только не является следствием полного исследования всех существенных их обстоятельств, необходимых для правильного разрешения этих дел, но, наоборот, иногда вызывается существенной неполнотой предварительного и судебного следствия. По ряду дел, в которых вопрос о возрасте потерпевших имеет существеннейшее значение, выяснение возраста потерпевшего не производилось. Иногда в делах вовсе отсутствуют справки о возрасте или фигурирует несколько противоречивых справок, без малейшей попытки со стороны предварительного и судебного следствия выяснить эти противоречия.

По делам о принуждении к вступлению в брак нередко не уделяется никакого внимания установлению фактов, которые подтверждали бы наличие принуждения. Так например, по делу по обвинению Садулова по ст. 196—198 УК РСФСР (Дагестанская АССР) по протесту прокурора приговор был отменен за отсутствием данных о возрасте потерпевшей, невыясненности фактов принуждения к браку, непривлечения к ответственности лиц, избитых в соучастии в преступлении. Дело нарсуда Кумутора-Калинского района Дагестанской АССР по обвинению Халазова и других по протесту прокурора республики было прекращено, так как по данному делу был вынесен обвинительный приговор при отсутствии данных о возрасте потерпевшей, а затем оказалось, что вступившая

в брак была совершеннолетняя. По делу по обвинению Нагаева по ст. 148 УК (Киргизия) фигурируют две медицинских справки о возрасте потерпевшей: в одной возраст определен в 15 лет, в другой 18 лет. То же по делу Комураева: по одной справке возраст потерпевшей 15 лет, а по другой — 19 лет. Органы расследования и суд считали свою задачу выполненной, прибавив к делам подобные противоречивые справки. В некоторых делах фигурирует по три разноречивых справки о возрасте.

Яркий пример вынесения обвинительного приговора при наличии исключаящих одна другую справок и при полнейшем игнорировании необходимости судебно-медицинской экспертизы приведен в определении уголовно-судебной коллегии Верховного Суда СССР по делу Адизова и других (Узбекистан); подробности этого дела были освещены в № 23 журнала «Советская юстиция» за 1937 г.

Другим серьезным дефектом предварительного и судебного следствия (в первую очередь — предварительного следствия) по отдельным делам является непривлечение к уголовной ответственности всех участников преступления, причем иногда лицо, не привлеченное к уголовной ответственности, оказывается как раз главным вдохновителем преступления (родители, родственники). На этот серьезный недостаток было обращено внимание еще в циркуляре Прокурора СССР от 23 апреля 1936 г. за № 24/1, указавшем, что органы расследования обычно ограничиваются лишь привлечением непосредственных физических исполнителей, оставляя безнаказанными прямых пособников. Например, по делу нарсуда Джалабадского района (Киргизия) по обвинению Хаддарова по п. 1 ст. 189 УК было установлено, что обвиняемый получил возможность вступить в брак с 12-летней вследствие наличия подложной справки об ее возрасте. Справка была получена путем направления к врачу вместо потерпевшей другого лица. Вопрос о привлечении к ответственности родственников потерпевшей, без содействия которых данное преступление, очевидно, не могло бы совершиться, равным образом, как и вопрос о возможности злоупотребления с выдачей ложной справки о возрасте со стороны должностных лиц, оставались совершенно вне поля внимания как органов расследования, так и суда.

Вследствие таких недостатков расследования, а также и отсутствия инициативы в деле полного раскрытия всех участников преступления, острота судебной репрессии иногда направляется не против главных, а против второстепенных виновников.

Не останавливаясь на процессуальных нарушениях, встречающихся при расследовании и судебном рассмотрении рассматриваемой нами категории дел, поскольку эти нарушения не представляют собой чего-либо специфического, отметим лишь не единичные случаи объединения в одно производство нескольких совершенно не связанных между собой дел.

Так например, в Киргизской ССР имел место случай, когда в одно производство были объединены уголовные дела по обвинению Рахмакуловых (отца и сына) по ст. 196 ч. II УК и дело по обвинению Бабаева в растрате. Единственным «основанием» для объединения этих дел послужило то, что обвиняемые из одного аула! В Казахской ССР были объединены в одно про-

изводство дела по обвинению бригадира колхоза «Тансугур» Асанова, счетовода Тарабасова, завхоза Жалдабаева за женитьбу на несовершеннолетних. Эти лица были приговорены к двум годам лишения свободы каждый. За исключением того, что все обвиняемые работали в одном колхозе, ничего другого, что могло бы служить законным основанием для объединения этих дел в одно производство, не было.

Грубое нарушение ст. 117 УПК, естественно, не может не сказаться на качестве расследования. При смешении в одну кучу разнородных дел все обвиняемые подводятся под одну гребенку, не выясняется с необходимой полнотой виновности каждого из них в отдельности, получается вреднейшее упрощение. С таким упрощением, как указывалось, все еще нередко приходится встречаться по делам о преступлениях, направленных против раскрепощения женщины.

Одним из условий для правильного применения уголовной репрессии является правильная квалификация преступления по соответствующим статьям Уголовного кодекса. Неправильная квалификация влечет за собой в одних случаях необоснованное привлечение и осуждение людей, в других — сглаживание серьезных преступлений, незаконное снижение репрессий. Между тем факты совершенно неправильной квалификации по делам о преступлениях, направленных против раскрепощения женщин, встречаются довольно часто.

В частности, женитьба на несовершеннолетних по ряду дел совершенно без всяких оснований и неправильно квалифицируется по ст. 151 УК (вместо ст. 193 ч. I). Эти ошибки допускаются как органами предварительного расследования, так и судами. Неправильная квалификация преступлений, являющихся пережитками родового быта, предусмотренных разделом X Уголовного кодекса, по статьям других разделов УК, помимо других своих отрицательных последствий, затрудняет точный учет движения осужденных и динамики преступлений — в действительности осужденных за эти преступления больше, чем значится в статистических отчетах. Например, по отчетам в Чечено-Ингушетии в 1936 г. почти совершенно не проходило дел по ст. 193 УК (женитьба на несовершеннолетних), между тем такие преступления там имели место, но неправильно квалифицировались по другим статьям УК. Как указывалось выше, часто при расследовании дел о похищении женщин не обращается никакого внимания на точное выяснение возраста потерпевшей в результате чего, вопреки примечанию к ст. 197 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик, в случаях, когда похищение сопровождалось половым насильством несовершеннолетних, не применяются санкции, предусмотренные ст. 151 УК.

Мы имеем далее факты неосновательного привлечения и осуждения людей при отсутствии состава преступления. В Куликовском районе Туркменской ССР был привлечен к уголовной ответственности, а затем осужден к 3 годам лишения свободы один гражданин за то, что он «тайно сожительствовал с замужней женщиной». Нарсуд 20 участка Арынского р-на (Туркменской ССР) приговорил гражданина к 1½ годам лишения свободы за то, что он по обоюдному желанию «сбежал с совершеннолетней девушкой с целью жениться на ней». Характерно и такое де-

ло. Гр. А. вышла замуж за гр. Ханакаева, а затем, прожив с ним полтора года, она ввиду плохого обращения с ней мужа ушла от него и в течение нескольких лет не жила с ним, то есть фактически брак был расторгнут, хотя формально развод не состоялся. Ханакаев женился на другой. При таких условиях, очевидно, нельзя было привлечь Ханакаева к уголовной ответственности за двоеженство — он мог быть привлечен к ответственности только за издевательство над своей женой (если этот факт доказан). Между тем Ханакаев был привлечен к ответственности за двоеженство и осужден к двум годам лишения свободы. (Туркменская ССР). Приговора по всем этим делам были отменены в порядке надзора.

Все это несомненно свидетельствует о недостаточности надзора, а также руководства со стороны соответствующих прокуроров предварительным расследованием по указанным делам. При надлежащем руководстве такие серьезные недостатки не могли бы иметь места или исправлялись бы до того, как дело поступило в суд.

Еще менее удовлетворительно обстоит в ряде районов с надзором прокуроров в стадии судебного разрешения дел о преступлениях, направленных против раскрепощения женщин. Тов. Бомас в № 3 журнала «Социалистическая законность» привел данные, когда прокуратура Узбекской ССР в III квартале 1936 г. не проверила ни одного дела этой категории, несмотря на такие серьезные сигналы, как прекращение более половины расследованных дел, или то, что в Азербайджанской ССР из 129 дел в порядке надзора проверены были прокуратурой только 4 дела.

Аналогичные цифры можно было бы привести по целому ряду мест и в настоящее время. Мы имеем не единичные указания судов на недостаточность участия отдельных прокуроров как в подготовительных, так и в судебных заседаниях, на незначительное число, а то и полное отсутствие прокурорских протестов на неправильные приговоры и определения судов. Это было бы с полбеды, если бы суды по всем делам рассматриваемой категории проводили правильную карательную политику. В действительности этого нет. Подготовительные заседания судов по этим делам зачастую или совершенно не проводятся, или хотя и проводятся, но формально, поверхностно, — так, что они не являются реальным контролем за правильностью предания суду и полнотой расследования преступлений. Карательная политика судов по преступлениям, направленным против раскрепощения женщин, нередко буквально воспроизводит те ошибки и извращения, которые допускают органы предварительного расследования.

Наряду с явными извращениями карательной политики по отдельным делам имели место и случаи неосновательного осуждения. Некоторые примеры этого уже приводились нами выше. Даем еще несколько иллюстраций недоброкачественной судебной работы по рассматриваемым делам. 29% осужденных за изнасилование в Туркменской ССР в 1936 г. были приговорены к наказаниям, не связанным с лишением свободы. Нарсуд 9 участка Г. Тепинского р-на (Туркмения) по ст. 144-2 УК ограничился одним годом исправтрудработ в отношении гр. Бугра, обвиняемого в систематическом преступном противодействии своей жене учиться и принимать уча-

стие в общественной жизни, в то время как ст. 141-2 УК имеет карательную санкцию до 5 лет лишения свободы. Нарсуд 22 участка Илотаньского р-на по ст. 136 ч. 1 УК ограничился 2 годами лишения свободы за изнасилование 12-летней девочки, при наличии карательной санкции ст. 156 ч. 1 УК до 10 лет лишения свободы. Нарсуд Саясоновского района Чечено-Ингушетии ограничился одним годом исправтрудработ в отношении гражданина, избившего в двоеженстве, а другого гражданина за такое же преступление штрафует на 700 руб. (причем по обоим делам суд совершенно не интересовался возрастом потерпевшей).

Кассационные коллегии областных и верховных судов в ряде случаев не только не исправляют ошибок народных судов, но своими определениями дезориентируют их. Например, по делу нарсуда Гумбетовского р-на Дагестанской АССР по обвинению Садулова УКК Дагестанского верхсуда, дважды рассматривавшая это дело, не обратила никакого внимания на грубые процессуальные нарушения, допущенные при расследовании и судебном разрешении дела, и на неправильную квалификацию преступлений по ст. 151 УК. По делу нарсуда Кумутор-Калинского района Дагестанской АССР (по протесту Прокуратуры СССР это дело дошло до Верховного суда РСФСР) со стороны УКК Дагестанского верхсуда также была допущена по меньшей мере небрежность и невнимательность, — УКК прошла мимо грубейших нарушений закона, допущенных народным судом (отсутствие сведений о вручении обвинительных заключений, о вручении повесток, отсутствие подготовительного заседания по делу и др.). Уголовно-кассационная коллегия Туркменского верхсуда своими определениями, которые зачастую совершенно неосновательно снижали наказания, дезориентировала народные суды вместо того, чтобы выработать их карательную политику по уголовным делам. УКК здесь фактически способствовала либеральному извращению карательной политики.

Не секрет, что целый ряд допущенных извращений судебной политики и по данной категории дел был прямым результатом и формой вражеской работы пробравшихся в прокурорские и судебные органы врагов народа.

При наличии таких серьезных недостатков и прямых извращений в работе отдельных судов первой и кассационных инстанций полное отсутствие в некоторых местах протестов прокуроров на приговора и определения судов или незначительное число их протестов или выступлений, конечно, не могут быть расценены иначе, как показатели неудовлетворительности прокурорского надзора за судебной практикой по делам о преступлениях, направленных против раскрепощения женщины.

В частности, попутно коснемся вопроса о выступлениях на судебных процессах по делам рассматриваемой категории. Процессы по этим делам в особенности важно использовать для воспитательных целей, для публичного разоблачения этих преступлений, для показания всей их гнусности, для создания здоровой моральной атмосферы окружающей среды. Конечно, не всякое дело этого рода можно и должно рассматривать в условиях широкой гласности, но несомненно, что многие из этих дел должны рассматриваться в условиях развернутого судебного

го процесса с участием сторон, а стало быть и прокуроров. Сохраняет поэтому и свое значение указание, данное еще в 1936 г. прокурором СССР об обязательности обеспечить участие по этим делам прокурора и общественного обвинителя из женщин-националок.

Огромное политическое значение прокурорской работы в области борьбы с преступлениями, направленными против раскрепощения женщин, требует быстрого и решительного устранения отмеченных недостатков в работе отдельных прокуроров. Эти дела заслуживают того, чтобы каждое из них было взято прокурором на специальный учет и контроль с момента возникновения дела и до вынесения приговора по нему. Прокурорам необходимо максимально усилить руководство в самом процессе расследования дел рассматриваемой категории, не говоря уже о необходимости усиления контроля за качеством расследования при утверждении обвинительного заключения.

Нужно развернуть работу прокуроров по осуществлению надзора за всеми стадиями прохождения этих дел в судах (подготовительных заседаниях, в судебных заседаниях, кассационных и надзорных инстанциях). Прокуроры не должны проходить мимо медленности и других недочетов в работе судов, а обязаны своевременно ставить вопросы перед соответствующими органами об устранении этих недостатков. Необходимо также периодически обобщать практику прокурорской работы по этим делам. Тов. Бомас совершенно правильно отметил, что эти преступления встречаются преимущественно лишь в отдельных районах, а это обязывает обратить на соответствующие районы более серьезное внимание и усилить в них работу прокуроров и органов расследования.

Особое внимание должно быть обращено на действительное вовлечение в борьбу с этими преступлениями судебно-прокурорского общественного актива, в особенности женского актива. Содействие общественного актива тут имеет особое большое значение, так как потерпевшие женщины все еще иногда находятся в таких условиях, что не всегда решаются сами обращаться за защитой в суд и прокуратуру.

Недооценка актуальности и политического значения борьбы с данным видом преступлений совершенно недопустима, и внимание этому участку борьбы с преступностью должно быть не эпизодическим, приурочиваемым к тем или иным торжественным дням и поводам, а повседневным.

СССР — единственная страна в мире, которая раскрепостила женщину. В статье 122 Сталинской Конституции записано: «Женщины в СССР предоставляются равные права с мужчинами во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни».

В деле осуществления не только юридического, но и фактического равноправия женщины, в деле раскрепощения женщины бывших национальных окраин, где она тысячелетиями была особенно угнетена, успехи и достижения СССР огромны. Но и здесь, как и в других областях, наши успехи и достижения не должны служить поводом для самоуспокоения и демобилизации. Пережитки проклятого родового строя еще не окончательно выкорчеваны и используются вражескими элементами против политики раскре-

пощения женщины. Преступные посяательства на личность, достоинство и права женщин еще кое-где имеют у нас место. С этими преступлениями должна вестись повседневная, неослабная борьба, в которой ответственной роль принадлежит органам прокуратуры, суда и следствия.

Н. Лаговнер.

О необходимых коррективах в ГПК и в УПК¹

На страницах журнала «Советская юстиция» № 3 за 1938 г. т. Кругман в статье «Необходимые коррективы в УПК» поставила вопрос о необходимости ставить в известность обвиняемого о поданной гражданским истцом кассационной жалобе и последнего о жалобе, поданной обвиняемым, путем присылки им копии этих жалоб. Это же требование автор поставил в отношении кассационного протеста прокурора и его протеста, поданного в порядке надзора.

Аналогичный вопрос, но в более широком объеме, ставит т. Кирзнер в своей статье «О правах сторон в надзорном производстве», помещенной в № 10 журнала «Социалистическая законность» за 1937 г.

Мы считаем, что постановка этого вопроса должна найти свое разрешение в будущих общесоюзных УПК и ГПК, так как ныне действующие УПК и ГПК не дают никаких гарантий сторонам, участвующим в уголовном или гражданском процессах, что их уже разрешенные дела не решаются где-то снова.

Как известно, при рассмотрении дел в порядке надзора стороны не участвуют. Как правильно указывает т. Кирзнер, дела в таком порядке возникают чаще всего по жалобе кого-нибудь из тяжущихся, оставшегося недовольным решением суда. Гораздо реже протесты по гражданским делам приносятся прокурорами.

В жалобе, поданной в порядке надзора, тяжущаяся сторона может представить и ряд документов, не бывших предметом рассмотрения суда и совершенно неизвестных противной стороне. При предъявлении их не исключены и случаи злоупотреблений со стороны тяжущихся. Для избежания, а также для гарантии прав противной стороны (или сторон) нужно в законодательном порядке обязать сторону, представившую жалобу, вместе с ней представить копию (или копии) с приложением к ней копий документов. Эти копии должны направляться противной стороне, которая имеет право в течение 3 дней с момента получения этих материалов представить на них возражения. Такой порядок не только гарантирует охрану прав противной стороны, но и дает известную уверенность в том, что прокурор не подаст неосновательного протеста, основывая его на представленных иногда жалобщиком неправильных документах.

О принесенном протесте или об отказе в таком порядке стороны должны быть поставлены в известность посылкой в первом случае копии протеста. Копии протеста должны посылаться противной стороне, и ей должно быть предоставлено право в определенный срок представить свои возражения. При принесении протеста прокурором по

¹ В порядке обсуждения. Ред.

собственной инициативе стороны также должны получить копии такового и иметь право представлять на него свои возражения в определенный срок.

Такой же порядок должен быть установлен при подаче жалобы в надзорном порядке гражданским истцом или протеста прокурором в надзорном и кассационном порядке.

Мы не согласны с предложением т. Кирзнера урезать слишком большие, по его мнению, полномочия надзорной инстанции по гражданским делам, приравняв их к полномочиям надзорной инстанции по уголовным делам. Права кассационной инстанции по гражданским делам также шире прав той же инстанции по уголовным делам, и мы находим это вполне нормальным, так как для вынесения решения достаточны одни доказательства основания и размера иска; для вынесения же приговора одним доказательств вины обвиняемого слишком мало: нужно установление целого ряда других обстоятельств, дающих основание вынести тот или иной приговор. И этим, по-нашему, объясняется причина лишения кассационной инстанции права изменить приговор в сторону ухудшения положения обвиняемого. Гражданская же кассационная коллегия может и прекратить дело, что ухудшает положение истца.

Не разделяем мы и точку зрения т. Кирзнера на то, что надзорное производство должно остаться только для дел, имеющих исключительно важное значение, для дел особенно принципиальных. Как показывает само название, надзорное производство, осуществляя функции надзора, обязано осуществлять их в отношении всех дел, как бы незначительны они нам ни казались, во-первых, потому что великая Сталинская Конституция в ст. 10 гарантирует всем гражданам охрану законом их личной собственности, а во-вторых, каждое дело для трудящегося может иметь не только материальное, но и принципиальное значение.

В итоге мы делаем следующий вывод:

Надзорное производство должно быть сохранено для всех без исключения дел.

Права сторон в надзорном производстве должны быть охранены внесением в УПК и ГПК необходимых коррективов, причем при их внесении нет оснований суживать полномочия надзорной инстанции по гражданским делам.

Ф. Арк.

О 423 статье УПК РСФСР

Проблема оценки доказательств по внутреннему судейскому убеждению занимает в нашей юридической прессе большое место среди других проблем уголовного процесса. Это объясняется не только теоретическим интересом к данному вопросу, но и тем, что при толковании многих статей УПК нельзя забывать о существовании трактующей этот вопрос статьи (319 ст. УПК).

Возьмем 423 ст. УПК в редакции РСФСР: «В случае передачи дела губсудом (читай окрсудом, крайсудом, облсудом — Ф. А.) для нового рассмотрения, указания, сделанные губсудом, обязательны для нарсуда, вторично его рассматривающего».

За редким исключением судьи понимают эту статью как статью, обязывающую при отмене

приговора за его мягкостью вынести более суровый приговор, чем тот, который был вынесен при рассмотрении дела в первый раз.

Между тем, в данном случае усиление наказания не есть обязанность суда, а только его право. Это подтверждает формулировка ст. 25 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. В указанной статье сказано: «При рассмотрении судом дела, переданного ему из кассационной инстанции для нового рассмотрения по существу, усиление меры социальной защиты (наказания), избранной при первом рассмотрении дела, допускается». Допущение усиления наказания при новом рассмотрении дела не связывает суд заранее установленным приговором. Новый состав суда, разбирающий дело после отмены его в кассинстанции, должен оценить все доказательства по делу по своему внутреннему судейскому убеждению, дающему право верить одним свидетелям и не верить другим, верить свидетелям и не верить ответчику, или наоборот (как указывает ст. 58 действующего УПК, показания обвиняемого также имеют доказательную силу).

На то, что в рассматриваемых случаях мера наказания не может быть увеличена механически, что дело передается не на «пересмотр», а на рассмотрение, указывает то обстоятельство, что суд обязан снова проверить показания всех свидетелей, обвиняемых, и, если по делу нужна была экспертиза, выслушать такую. Мера наказания может увеличить не кассационная инстанция, а только суд первой инстанции. Это объясняется тем, что первая имеет дело только с материалами судебного дела, а вторая видит перед собой живых людей, от непосредственного соприкосновения с ними получает те или иные впечатления, результатом которых является приговор.

Право усилить приговор не принадлежит не только кассационной инстанции, но его не имеют и надзорные инстанции. Об этом говорит постановление 33 пленума Верховного суда СССР от 10 мая 1931 г. «Об отсутствии у пленумов верховных судов союзных республик права на непосредственное увеличение меры социальной защиты, назначенной судом первой инстанции; без передачи дела на новое рассмотрение».

Постановление 49 пленума Верховного суда СССР от 25 декабря 1934 г. говорит об отсутствии права у кассационных и надзорных судебных инстанций на непосредственную отмену условного осуждения или меры уголовного наказания ниже низшего предела, примененных судами первой инстанции.

В отношении надзорной кассационной инстанции законодатель исходил из вышеуказанного нами принципа.

Таким образом, ни кассационная, ни надзорная инстанция не могут обязать (да они в этом и не заинтересованы) суд первой инстанции увеличить меру наказания при вторичном рассмотрении дела. Между тем при поступлении дела из кассационной инстанции в суд первой инстанции нарсуды, руководствуясь 423 ст. УПК, обычно считают себя обязанными выполнить указания кассационной инстанции во всех пунктах, причисляя к ним меру наказания. Исходя из указанного, мы считаем, что редакция 423 ст. УПК нуждается во внесении соответствующего корректива.

Ф. Арк.

Несколько слов о советской адвокатуре

Больше года в специальной юридической литературе идет спор о том, какой должна быть советская адвокатура и каково должно быть положение о советской адвокатуре. Доминирующей организационной формой советской адвокатуры, бесспорно, должна быть коллективная форма и только в тех местах, где нет трех адвокатов, должна быть индивидуальная форма работы. Основным принципом советской адвокатуры должна быть незамкнутость ее: в адвокатский коллектив должен быть открыт широкий доступ всем политически проверенным лицам с высшим юридическим образованием. Адвокат с высокими знаниями и не менее высокими моральными качествами не может бояться потери заработка, не должен бояться соревнования. А искаженно толковать принцип добровольного коллективизма как самоограничение — неправильно, неверно и противоречит фактам жизни в области коллективизации других отраслей труда. Ни одному кустарю в городе не закрыт путь вступления в артель, ни одному крестьянину-единоличнику не закрыта дорога в колхоз, раз он отвечает политическим и профессиональным требованиям. Почему же перед адвокатом должен быть закрыт вход в адвокатский коллектив? У каждого адвоката образуется определенный круг клиентов, в зависимости от его профессиональных и моральных качеств. Не должно быть такого положения, чтобы наши советские юристы с высшим юридическим образованием не могли попасть в адвокатский коллектив, так как они якобы грозят уменьшением заработка другим членам коллектива. Ведь, если вновь поступающий юрист доводит коллектив до такого состояния, что тот или другой старый член коллектива не может зарабатывать — значит, ему не место в коллективе и он сам уйдет из коллектива как неспособный к коллективистическому соревнованию. Адвокатам, как и судьям, прокурорам и следователям, должна быть предоставлена возможность, если они не имеют высшего юридического образования, подучить его в заочном порядке, без отрыва от производства. Если мы не доверяем лечению человеческого тела знахарям, а поручаем врачам, лицам, имеющим высшее медицинское образование, то почему решение подчас судьбы человека мы должны доверять юридически неграмотным лицам? Проект нового положения об адвокатуре захватывает ряд серьезных и больших вопросов и подлежит поэтому самому широкому обсуждению не только в специальной юридической литературе, но даже в общей периодической печати широкими массами трудящихся, как обсуждались ими проекты других декретов, захватывающих их насущные интересы (отцовство, алименты, запрещение абортов и т. д.).

Колхозники, советские писатели, советские архитекторы обсуждали на своих всесоюзных съездах свои уставы, свои положения, по которым они должны существовать и развивать свою общественно-полезную деятельность.

Мы считаем, что и проект о советской адвокатуре должен быть обсужден на всесоюзном съезде советских адвокатов.

Такая постановка вопроса диктуется принципами советского социалистического демократизма.

М. Хитаров.

Практический вопрос

В нашей судебной практике наблюдается разбой в части составления протоколов судебных заседаний. Поскольку в УПК нет определенных указаний на этот счет, одни секретари в протоколах судебных заседаний показания обвиняемых, свидетелей и т. д. записывают в первом лице, другие же — в третьем.

Имеются защитники и противники как первого, так и второго способа ведения протоколов. Сторонники составления протоколов (показаний допрошенных лиц) в третьем лице в основном сводят свои доводы к тому, что секретарь судебного заседания не участвует в допросах, а лишь фиксирует допросы, производимые составом суда и прокурором, и к тому же этот протокол подписывается только председательствующим по делу и секретарем. Все это до известной степени верно, однако мы считаем, что для разрешения этого вопроса таких «доказательств» явно недостаточно.

Во-первых, отсутствие в законе точных указаний о том, в каком лице следует фиксировать в протоколах судебных заседаний показания допрашиваемых лиц, нужно восполнить не путем произвольного и формального толкования, а лишь исходя исключительно из практической стороны дела. При разрешении же вопроса с такой точки зрения мы приходим к выводу, что протоколы судебных заседаний, в которых показания допрошенных лиц приведены в третьем лице, составлять очень трудно, а главное, они слишком «тяжелы» для читающего. При чтении такого протокола, особенно по большому и сложному делу, подчас очень трудно понять суть показаний допрошенного лица. Протоколы же судебных заседаний, где показания допрошенных лиц записаны в первом лице, легче составлять, и они читаются без всяких затруднений (и в том и другом случае мы считаем, что протокол составляет опытный, квалифицированный секретарь).

Во-вторых, если основываться только на формальной стороне затронутого вопроса, то и в этом случае мы считаем, что поскольку в законе нет прямых указаний, в каком лице записываются показания в протоколах судебных заседаний, то следует руководствоваться (по аналогии) ст. ст. 138 и 165 УПК и записывать эти показания в первом лице.

Сергеев.

Дело Рекстон

Доктор Рекстон совершил в Шотландии в 1935 г. убийство своей жены и домашней работницы.

Дело Рекстон имеет значительный криминалистический и судебно-медицинский интерес. В Англии вышли две специально посвященные ему книги.

Первым толчком к возникновению дела послужило заявление одной девушки, что, проходя по мосту через ручей Линн, она увидела торчавшую из воды человеческую руку. Произведенный осмотр дна ручья и прилегающей местности обнаружил, кроме этой руки, на некотором расстоянии от нее несколько кусков мяса. В овраге, в котором протекал ручей, были найдены различные части человеческого тела. Все обнаруженные куски были отправлены для исследования в Эдинбургский университет. Судебно-

медицинская экспертиза по делу была произведена под руководством судебного медика проф. Глайстер и патолого-анатома проф. Бренн. Исследование обнаруженных кусков тела привело к заключению, что они принадлежат двум женским трупам. Органам расследования не удалось собрать всех частей трупов. Вероятно, что ручей Линн, сильно разливавшийся после дождей, унес недостающие куски тела в реку, в которую он впадал. Голова одного из трупов была закутана в шерстяные детские штанишки. Один кусок тела был завернут в женскую шерстяную кофточку. К частям трупа местами прилипли обрывки газет. Осмотр найденных частей обнаружил, что расчленение трупов было выполнено лицом, хорошо знакомым с анатомией человека и владеющим секционной техникой. Вероятно для того, чтобы предотвратить возможность идентификации убитых, преступник удалил соответствующие части тела своих жертв (зубы, некоторые участки кожи, где, как потом оказалось, имелись родимые пятна, пальцы у одного из трупов, глаза, кончик носа, уши).

Обнаруженные части трупов, все вещи и куски бумаги, в которые они были завернуты, были сфотографированы. Фотоснимки были разосланы по розыскным учреждениям. В ежедневной прессе были помещены подробные описания найденного. Проф. Глайстер, основываясь на измерениях костей и других признаках, высчитал вероятные размеры тела убитых и сообщил некоторые приметы (возраст и др.).

Были приняты меры к установлению, к каким газетам принадлежат найденные на некоторых частях трупов обрывки. На одном из клочков имелась фотография, изображавшая событие, происшедшее 14 сентября 1935 г. Выяснилось, что этот лист был отпечатан в ограниченном количестве экземпляров и распространен исключительно в Ланкастерском округе. При сравнении кусков бумаги, в которые были завернуты части трупов, было установлено, что некоторые куски, принадлежащие двум разным трупам, были завернуты в обрывки одного и того же номера газеты. Из этого вытекало, что обе женщины были жертвами одного преступления.

Важный шаг к раскрытию убийства был сделан одним из сотрудников розыска. Просматривая газеты, он обратил внимание на публикацию о пропаже без вести Марии Роджерсон, жившей в качестве домашней работницы в доме врача Рекстон. Объявление было помещено в прессе по инициативе родителей Роджерсон, беспокоившихся о судьбе своей дочери. Описание Роджерсон походило на приметы одного из женских трупов, опубликованные проф. Глайстером. При розысках по месту жительства Роджерсон оказалось, что кроме нее из дома пропала также и ее хозяйка, гражданка Рекстон. Муж последней не мог дать никаких сведений о местонахождении жены и высказал предположение, что она ушла из дома вместе с Роджерсон.

Органы расследования не придали веры словам Рекстона и решили продолжать расследование для выяснения роли Рекстона в исчезновении обеих женщин. Учитывая способ расчленения

трупов, была выдвинута версия, что жена Рекстона и Мария Роджерсон были убиты и разрезаны на части самим доктором Рекстон. Наведенные справки показали, что Рекстон в последнее время плохо жил с женой, постоянно ревновал ее, был груб с ней и даже бил ее.

Внимательное обследование кусков материи, в которую были завернуты некоторые части трупов, показало, что эти куски были оторваны от простынь. В доме Рекстона был произведен обыск. Технический эксперт исследовал простыни доктора Рекстона и сравнил материю, из которой они были сделаны, с материей кусков простынь, найденных на трупах. На основании дефектов ткани было установлено, что сравниваемые объекты происходят от одного и того же куска материи. В доме Рекстона, в нескольких местах на лестнице и в ванной комнате, были найдены замывшие пятна крови. Органы расследования осмотрели части труб, служивших для оттока воды из ванны. В коленях труб были найдены многочисленные мелкие частицы мяса и пучки женских волос. Исследование частиц мяса обнаружало, что они принадлежат человеческому телу. Исследование волос показало их сходство с волосами убитой Рекстон.

Детские штанишки, в которые завернута голова Марии Роджерсон, были опознаны свидетельницей Холм, которая признала их за штанишки одного из своих сыновей. Холм подарила их Роджерсон, у которой было много маленьких братьев.

Женская шерстяная кофточка, о которой было упомянуто выше, была опознана за кофточку Марии Роджерсон. Мать потерпевшей показала, что в определенном месте кофточка была заплата. Этот отличительный признак был обнаружен и на кофточке, найденной в овраге.

Обстоятельства дела рисуются по предположению судебных органов в следующем виде.

В ночь на 14 сентября 1935 г. жена Рекстона отправилась навестить свою сестру, жившую в другом городе. На обратном пути она остановилась по дороге в одном отеле. Доктор Рекстон узнал об этом и был чрезвычайно взволнован, так как предполагал, что его жена имела в гостинице свидание с одним молодым человеком. Рекстон в состоянии сильнейшего возбуждения ждал возвращения жены. Когда она вошла в дом, Рекстон набросился на нее, задушил, а затем ударил ножом. Услышав шум, Мария Роджерсон, находившаяся в соседней комнате, прибежала на помощь, но подверглась той же участи, что и ее хозяйка. Рекстон убил ее, чтобы устранить свидетельницу насильственной смерти жены. Затем Рекстон втащил трупы в ванную комнату и там, наполнив ванну холодной водой, вскрыл артерии у трупов и вынул из них кровь. Рекстон расчленил трупы на широкой и длинной скамье, стоявшей в ванной комнате. Тут же он отрезал те части трупов, которые могли послужить для идентификации, и упаковал куски трупов в несколько свертков. Он спрятал эти свертки в доме и постепенно выносил их и бросал в ручей.

Н. Терзиев.

СУДЕБНО - НАДЗОРНАЯ ПРАКТИКА ПРОКУРАТУРЫ СОЮЗА

**ЕСЛИ ВОЗБУЖДЕННОЕ ПРОТИВ РАБОТНИКА
УГОЛОВНОЕ ДЕЛО ПРЕКРАЩЕНО ПО МАЛО-
ВАЖНОСТИ, ТО РАБОТНИК НЕ МОЖЕТ БЫТЬ
УВОЛЕН ПО п. «д» ст. 47 КЗОТ**

Тов. Винокуров работал вагоновожатым бакинского трамвая с 1926 г. 11 августа 1935 г. на вагон, который вел Винокуров, наскочил оторвавшийся и шедший впереди прицепной вагон, вследствие чего были разбиты 2 стекла и повреждена буферная скоба вагона, который вел Винокуров.

Администрация признала Винокурова виновным в этой аварии и уволила его.

РКК санкционировала увольнение. Инспектор труда решение РКК отменил.

Нарсуд решил восстановить Винокурова на работе, но ГKK Бакинского горсуда отменила решение нарсуда и в иске Винокурову отказала. По протесту Прокуратуры СССР президиум Верховного суда Аз. ССР признал определение ГKK Верховсуда неправильным и отменил его. Но президиум Верховсуда отменил и решение нарсуда и дело производством прекратил на том основании, что это дело не подсудно нарсуду и подлежит разрешению в РКК.

Прокуратура ССР, считая это постановление президиума Верховсуда неправильным, опротестовала его по следующим основаниям.

В деле Винокурова затронут принципиальный вопрос о праве расторжения трудового договора по пункту «д» ст. 47 КЗОТ в случае, если возбужденное против работника уголовное дело прекращено «по маловажности».

Верховный суд РСФСР в разъяснении пленума от 6 февраля 1928 г. указал, что прекращение уголовного дела по прим. к ст. 6 УК не дает оснований к увольнению по п. «д» ст. 47 КЗОТ.

В этом случае наниматель «может возбудить в РКК или трудсессию вопрос о расторжении трудового договора по непригодности» (п. «в» ст. 47 КЗОТ). Это постановление пленума Верховсуда РСФСР является правильным и вытекает из смысла ст. 47 п. «д» КЗОТ, которая допускает увольнение «вследствие совершения нанявшимся уголовно-преследуемого деяния, непосредственно связанного с его работой и установленного вступившим в силу приговором суда, а также в случае пребывания нанявшегося под стражей более двух месяцев».

Определение ГKK Бакинского горсуда, признавшее правильным увольнение Винокурова на том основании, что уголовное дело о нем прекращено «по маловажности» и что он считается «преступником», является абсолютно неправильным и по форме (Винокуров—преступник!) и по существу.

Президиум Верховсуда Аз. ССР правильно постановил, отменив это определение.

Однако президиум Верховсуда Аз. ССР поступил неправильно, отменив решение нарсуда и предложив Винокурову обратиться в РКК.

Как видно из дела, вопрос об увольнении Винокурова до передачи в суд рассматривался в РКК, которая согласилась с правильностью

увольнения, и лишь после отмены этого решения РКК инспектором труда дело перешло в суд.

При этих условиях непонятно, зачем вторично направлять это дело в РКК и вправе ли будет РКК разбирать снова дело после того, как инспектор труда отменил решение РКК и указал Винокурову, что он может обратиться в суд.

Ст. 42 постановления ЦИК и СНК СССР от 29 августа 1928 г. дает право инспекции труда, отменяя решение РКК, направить дело на новое рассмотрение в РКК или в суд.

Поскольку же в данном случае инспектор труда направил это дело в суд, РКК и не вправе рассматривать его вторично.

Помимо указанных процессуальных соображений, подтверждающих неправильность постановления президиума Верховсуда Аз. ССР об отмене решения нарсуда о прекращении дела за неподсудностью, необходимо обратить внимание и на существо дела.

Судебным следствием установлено, что Винокуров, кадровый старый рабочий Бакинской железной дороги, не заслужил столь сурового наказания, как увольнение. Винокуров во время аварии вел себя дисциплинированно, не бросил трамвай и, рискуя жизнью, оставался все время на посту. Быть может, поэтому авария и оказалась столь незначительной.

Суд на основе подробного разбора всех обстоятельств дела не нашел оснований к увольнению Винокурова.

Это решение, по мнению Прокуратуры СССР, является правильным.

Судебно-надзорная коллегия Верховного Суда СССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, признала, что увольнение работника по п. «д» ст. 47 КЗОТ может иметь место на основании вступившего в законную силу обвинительного приговора суда по делу, непосредственно связанному с его работой, а также в случае пребывания нанявшегося под стражей или отстранения его от работы по требованию судебно-следственных органов свыше 2 месяцев. В случае прекращения уголовного дела по малозначительности или нецелесообразности увольнение работника по п. «д» ст. 47 КЗОТ не может иметь места. В этом случае администрация вправе, при наличии достаточных к тому оснований, возбудить вопрос об увольнении работника по причинам, указанным в п. п. «в» и «г» ст. 47 КЗОТ, причем механическое расторжение договора по этим статьям закона недопустимо.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда СССР постановила отменить определение Бакинского горсуда от 11 марта 1936 г. и постановление президиума Верховсуда Аз. ССР от 27 июня 1937 г. и оставить в силе решение нарсуда по трудовым делам г. Баку в части восстановления Винокурова на работе; в остальной части указанное решение нарсуда отменить, предложив нарсуду уточнить размер вознаграждения Винокурову за вынужденный прогул, в соответствии с постановлением 59 пленума Верховсуда СССР от 30 декабря 1937 г.

КВАРТИРОНАНИМАТЕЛЬ, ПОСТОЯННО ПЕРЕДАЮЩИЙ КОМНАТУ ВРЕМЕННЫМ ЖИЛЬЦАМ ЗА СПЕКУЛЯТИВНУЮ ПЛАТУ, ДОЛЖЕН БЫТЬ ПРИЗНАН УТРАТИВШИМ ПРАВО НА ЭТУ КОМНАТУ

Гр. Толкачева М. И. арендует с 1925 г. в г. Москве в частновладельческом доме гр. Козловой Е. А. 3 комнаты, площадью в 36 кв. м.

В сентябре 1933 г. гр. Толкачева сдала в наем одну комнату (размером 11 кв. м). гр. Дорскому М. О. Плату за комнату гр. Толкачева взимала с гр. Дорского по 125 руб. в месяц. В 1934 г. гр. Толкачева обратилась в нарсуд с иском о выселении Дорского из комнаты.

Нарсуд 3 участка Сталинского района 4 октября 1934 г. в иске Толкачевой отказал и закрепил спорную комнату за гр. Дорским, с внесением квартилаты в домоуправление.

ГПК Мосгорсуда от 21 октября 1934 г. это решение нарсуда оставил в силе.

Президиум Мосгорсуда 28 апреля 1935 г. решение нарсуда и определение кассационной коллегии в части закрепления за гр. Дорским комнаты отменил и постановил считать гр. Дорского временным жильцом на площади гр. Толкачевой.

После этого в декабре 1936 г. гр. Толкачева снова обратилась в нарсуд с иском к гр. Дорскому о выселении из комнаты, ссылаясь на возвращение из рядов РККА своего сына, которому нужна комната.

Нарсуд 5 участка Сокольнического района 22 декабря 1936 г. решил выселить гр. Дорского с семьей как временного жильца.

Кассационная коллегия Мосгорсуда 16 января 1937 г. это решение нарсуда оставила в силе, указав, что ответчик является временным жильцом на площади истицы, которая не имеет излишков жилплощади, и что спорная комната необходима возвратившемуся из рядов РККА сыну истицы.

Прокуратура СССР, считая указанные судебные решения неправильными, опротестовала их по следующим основаниям.

Из материалов дела видно, что после решения нарсуда 3 участка Сокольнического района от 4 октября 1934 г. об отказе в иске Толкачевой о выселении Дорского, последний более 2 лет платил квартплату непосредственно домовладелице Козловой по 10 руб. в месяц.

Гр. Толкачева около 2 лет не оспаривала этого положения и таким образом признала, что спорная комната фактически отошла от нее и перешла в распоряжение домовладельца Козловой и постоянного съемщика этой комнаты Дорского.

В судебном заседании 22 декабря 1936 г. было выявлено, что спорную комнату Толкачева сдавала с 1925 г. в наем 16 семействам, причем, например, с Дорского она получала квартплату по 125 руб. в месяц, то есть явно спекулировала этой комнатой.

Не используя такое долгое время комнату, гр. Толкачева не может претендовать на нее.

В том же заседании 22 декабря 1936 г. было выявлено и другое важное обстоятельство, что истица Толкачева, занимая квартиру из 8 комнат (считая и комнату, занимаемую Дорским), сама не платит домовладелице квартплату и,

таким образом, не только не имеет права на иск к Дорскому, но законность проживания ее самой в доме Козловой находится под сомнением.

Возвращение из РККА сына истицы не может служить решающим фактом при разрешении вопроса о выселении Дорского с семьей из спорной комнаты, так как до поступления его в ряды РККА в этой комнате он не жил, а проживал с остальными членами семьи в 2 других комнатах.

Кроме того произведенным Прокуратурой СССР расследованием было установлено, что вернувшийся из РККА сын истицы, хотя и прописан на площади матери гр. Толкачевой, но проживает, главным образом, у жены, имеющей свою жилплощадь.

Президиум Мосгорсуда отменил 22 апреля 1935 г. решение нарсуда от 4 октября 1934 г. лишь в части закрепления комнаты за Дорским. В части же отказа в выселении его как временного жильца решение было оставлено в силе.

С того момента ничего не изменилось в семье гр. Толкачевой. Семья ее осталась там же, и для выселения Дорского с семьей на улицу и с этой стороны нет оснований.

Президиум Верховного Суда РСФСР 10 февраля 1938 г., рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил отменить все состоявшиеся по делу судебные решения и дело направить в соответствующий нарсуд для нового рассмотрения с вызовом всех заинтересованных лиц и с участием прокуратуры.

ОТМЕНА НЕОБОСНОВАННОГО СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ О ПРИЗНАНИИ ОТЦОМ РЕБЕНКА

Решением нарсуда 2 участка Выборгского района от 20 мая 1936 г. гр. Б. был признан отцом ребенка гр. М. и с него на содержание ребенка было взыскано по 50 руб. в месяц. Это решение было оставлено в силе определением гражданской кассационной коллегии Ленинградского облсуда. Протест облпрокурора президиумом Ленинградского суда отклонен.

Прокуратура СССР, считая решение нарсуда и утвердившее его определение кассационной коллегии и постановление президиума облсуда неправильными, опротестовала все эти судебные решения по следующим основаниям.

Решение о признании гр. Б. отцом ребенка было постановлено с явным нарушением ст. 5 и 118 ГПК. Дело это совершенно не обследовано. В основу решения суда положены показания свидетелниц гр. М. (жены брата истицы) и Б. Если обратиться к показаниям этих свидетелей, то необходимо будет признать, что оснований для вывода, что гр. Б. является отцом ребенка гр. М., абсолютно нет никаких.

Свидетельницы Б. и М. ни разу не видели гр. Б. с истицей, а между тем истица утверждает, что она в течение целого года гуляла с ним. Свидетельница Б. заявила, что ей известно, что отцом ребенка является Б. со слов истицы. Свидетельница М. также не могла сказать, что она видела Б. с М. В суде она только указывала на те взаимоотношения, какие существовали между ее мужем, братом истицы, и самой истицей, и что в результате этих отношений истица принуждена была уйти из дома брата.

Равным образом, ни один из свидетелей, допрошенных в судебном заседании, не подтвер-

дил, что они когда-либо видели Б. и М. гуляющими вместе. Наоборот, свидетели категорически утверждали, что В. никогда не гулял с М. Является непонятным, как это могло быть, что если, как утверждает истица, она в течение почти целого года гуляла с ответчиком, никто из близких им людей или живущих с ними не только в доме, но и в квартире, не видел бы их ни разу вместе. Гр. Б., у которой проживала М. после ухода из дома брата, ни разу не видела их вместе, несмотря на то, что она живет в одном коридоре с ответчиком. Это дает основание утверждать, что заявление истицы по настоящему делу не соответствует действительности. В качестве соотечки по делу привлечен был гр. Ш. Суд признал, что он не является отцом ребенка. Между тем гр. Ш. все свидетели знают, видели его часто у М., известно, что он имел определенные намерения в отношении истицы и якобы из-за него истица должна была оставить дом своего брата и переселиться жить в другой дом.

Если принять во внимание, что к моменту зачатия гр. М. ответчику было всего 16 лет, то указания истицы о том, что она с ответчиком гуляла в течение года, что свидетельскими показаниями не подтверждается, что совершенно не выяснены действительные отношения, существовавшие между М. и Ш., и чем вызван был уход ее из дома брата, то надлежит признать, что решение суда, признавшее отцом ребенка гр. Б. и освободившее от ответственности гр. Ш., является неправильным и подлежит отмене.

Подтверждением того обстоятельства, что Б. действительно ничего общего не имел с гр. М., может служить то, что, после того как гр. М. ушла из дома своего брата и ей нигде было жить, мать ответчика просила одну из свидетельниц пустить гр. М. к себе в комнату. Если бы у матери были хоть какие-нибудь основания предполагать, что ее несовершеннолетний сын ухаживает за гр. М., а этого она не могла бы не знать, то она не стала бы хлопотать, чтобы ее прописали в один с ними дом, и стремилась бы не дать им возможности встречаться.

По изложенным соображениям и имея в виду, что решение о признании гр. Б. отцом ребенка М. вынесено с явным нарушением ст. 5 и 118 ГПК, что дело это совершенно не обследовано, что не выяснены действительные отношения М. и Ш., что в суде не был допрошен брат истицы, который должен был бы объяснить, чем вызван уход истицы из его дома (ответчик утверждает, что ее уход связан с тем, что она находилась в близких отношениях с гр. Ш., который жил в этой же квартире), что по делу, где имеются 2 ответчика, не была произведена экспертиза (анализ крови), которая при таком положении могла бы иметь весьма существенное значение для правильного разрешения дела, Прокуратура СССР просила в порядке ст. 254 ГПК решение народного суда 2 уч. Выборгского района и утвердившее его определение кассационной коллегии и постановление президиума Ленинградского облсуда отменить и дело направить в нарсуд для нового рассмотрения.

Гражданская коллегия Верховного суда СССР, рассмотрев 27 февраля 1938 г. протест Прокуратуры Союза ССР, определила все состоявшееся по делу решения отменить и передать дело для нового рассмотрения в тот же нарсуд в ином составе.

ТРУДЯЩИЙСЯ, ОСВОБОЖДЕННЫЙ ОТ РАБОТЫ В УЧРЕЖДЕНИИ ЗА НЕВОЗМОЖНОСТЬЮ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ, НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ВЫСЕЛЕН ИЗ ДОМА УЧРЕЖДЕНИЯ БЕЗ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ПЛОЩАДИ

Гр. Брейдо, работавший 12 лет в системе Госбанка, был переброшен в сентябре 1936 г. из Хабаровска в Москву, где ему предоставлены были 2 комнаты в надстройке дома Госбанка, принадлежащего жакту.

В связи с невозможностью использовать Брейдо в системе Госбанка, в декабре 1936 г. он был освобожден от работы в Госбанке и перешел на работу в Наркомтяжпром.

В апреле 1937 г. Госбанк предъявил иск о выселении Брейдо. Нарсуд удовлетворил этот иск. ГПК Мосгорсуда это решение оставила в силе.

Прокуратура СССР опротестовала это решение суда по следующим основаниям.

И до издания постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. «О сохранении жилищного фонда» судебная практика не допускала выселения без предоставления жилищной площади в таких случаях, как это имело место в деле Брейдо.

Тем более в настоящее время, когда в силу ст. 31 п. «б» закона от 17 октября 1937 г. выселение из домов учреждений без предоставления помещения допускается лишь в случаях прекращения трудового договора «по собственному желанию», «за нарушение трудовой дисциплины», либо «за совершение преступления», выселение гр. Брейдо не может быть признано обоснованным.

Брейдо, как видно из протокола судебного заседания, по признанию ответчика был уволен за невозможность использования его на работе в системе Госбанка, то есть применительно к п. «в» ст. 47 КЗОТ.

В настоящее время дом, в котором проживает Брейдо, полностью перешел в ведение райсовета.

Президиум Московского городского суда 11 февраля 1938 г., рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил решение нарсуда и определение ГПК горсуда отменить и в иске Московской областной конторе Госбанка отказать.

ССЫЛКА НА СОСТОЯНИЕ ИСТИЦЫ В БРАКЕ НЕДОСТАТОЧНА ДЛЯ ОТКАЗА ЕЙ В ИСКЕ О ПРИЗНАНИИ ОТЦОМ РЕБЕНКА—ДРУГОГО ЛИЦА. СУД ОБЯЗАН ВЫЯСНИТЬ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

У гр. К., состоящей в зарегистрированном браке с К. (находящимся с июня 1937 г. на лечении в 1 психиатрической больнице вследствие прогрессивного паралича), имеется трое детей: Леонид, родившийся в 1923 г., Валентина, родившаяся в 1927 г., и Анатолий, родившийся в 1936 г.

По рождении сына Анатолия гр. К. в 1936 г. предъявила к гр. А. иск о признании его отцом ребенка.

Нарсуд 7 уч. Дзержинского района 8 октября 1936 г. удовлетворил иск.

Это решение 4 ноября 1936 г. было отменено гражданской кассационной коллегией Мосгорсуда, которая указала, что, так как истица проживала совместно с мужем, последний и должен был быть привлечен к участию в деле в качестве ответчика.

При новом рассмотрении дела нарсуд 29 декабря 1936 г. признал отцом Анатолия не В., а

мужа истицы, гр. К., и это решение было 27 января 1937 г. утверждено Мосгорсудом.

Прокуратура Союза ССР, считая, что решение нарсуда подлежит отмене, а дело — новому рассмотрению по существу, опротестовала это решение по следующим основаниям.

Допрошенные нарсудом свидетели показали: гр. Е. — что Б. неоднократно ночевал у К. и она ночью открывала ему дверь, а затем будила его, чтобы он ушел до прихода мужа К. Гр. М. — что В. при ней говорил К.: «Смотри, Нюра, какой у нас ребенок. У К. такой не будет»; а когда дети говорили В., чтобы он ушел, так как должен притти отец, то В. отвечал, что он такой же папа.

Нарсуд 29 декабря 1936 г. оставил без удовлетворения иск К. к В. по следующим соображениям: К. во время зачатия ребенка была в близких отношениях с мужем, и поскольку ребенок зарегистрирован на мужа, постольку последний и должен быть признан отцом. КК Мосгорсуда к этому добавила, что решение нарсуда правильно, так как «истица и до настоящего времени не расторгла брака с К., он признается ее отцом 2 старших детей, и сам К. решения не обжаловал».

Мотивы решения нарсуда и определения ГКК неубедительны.

1. К. и ее муж заявили суду, что в близких отношениях в течение последних лет не состояли. К. болен (как выше указано, у него — прогрессирующий паралич). При этих условиях суд, в случае сомнения в правильности утверждений К., обязан был вызвать эксперта для дачи заключения, мог ли К. — муж быть отцом ребенка.

То обстоятельство, что К. в феврале 1936 г. зарегистрировала ребенка Анатолия на фамилию К., дав ему отчество «Филиппович» (хотя мужа зовут Филипп, а Ефим Филиппович; В. зовут Николай Филиппович) само по себе не может служить доказательством того, что отцом является К. Регистрация на фамилию К. объяснялась бытовыми условиями. В октябре 1936 г. К. предъявила иск о признании В. отцом ребенка.

Ссылка ГКК Мосгорсуда на то, что К. и до настоящего времени не расторгла брака с К., не имеет никакого отношения к вопросу, кто отец ребенка Анатолия.

Указание ГКК Мосгорсуда, что К. признается истицей отцом двух старших детей, отнюдь не является, вопреки мнению ГКК, доводом против иска К. Напротив, К. искренно заявила нарсуду, что жила с мужем и имеет от него детей, родившихся в 1923 и 1927 гг. После этого муж заболел, детей в течение ряда лет не было, а затем она сошлась с В., и от этой связи родились двое детей: один умер в 1934 г., другой ребенок — Анатолий, родившийся в 1936 г.

Наконец, ссылка ГКК на то, что К. будто бы не обжаловал решения о признании его отцом Анатолия, неверна. В деле нарсуда имеется поданная К. в установленный законом срок кассационная жалоба на решение нарсуда. Нарсуд сделал на ней отметку «эту жалобу подписывать не надо, так как по ней нужна судпошлина», но в нарушение ст. 81 ГКК не известил кассатора о необходимости уплатить судпошлину.

Таким образом отказ гр. К. в иске к В. основан либо на формальных, либо на не имеющих отношения к делу, либо, наконец, на не соответствующих действительности утверждениях судебных инстанций.

Необходимо передать дело на новое рассмотрение, поручив суду, в случае недостаточности свидетельских показаний, прибегнуть к экспертизе крови и сходственной экспертизе.

Президиум Московского городского суда 27 февраля 1938 г., рассмотрев протест Прокуратуры Союза, отменил все судебные решения по этому делу и передал дело на новое рассмотрение в гражданскую коллегия Мосгорсуда в качестве суда 1-й инстанции.

ПРЕДПРИЯТИЕ, ВЫДАВШЕЕ РАБОЧЕМУ СПРАВКУ С НЕЗАКОННОЙ, ПОРОЧАЮЩЕЙ ЕГО ФОРМУЛИРОВКОЙ ПРИЧИН УВОЛЬНЕНИЯ, ОБЯЗАНО УПЛАТИТЬ РАБОЧЕМУ ЗА ВРЕМЯ ВЫНУЖДЕННОГО ПРОГУЛА

Рабочий завода им. Марти в Ленинграде Попов П. А., проработавший на этом заводе 25 лет, 20 июля 1936 г. подал заявление об освобождении его от работы по собственному желанию. Попов в октябре потребовал учинения с ним расчета и не вышел на работу. Администрация, вместо учинения расчета и выдачи справки об увольнении «по собственному желанию», 18 ноября 1936 г. уволила Попова «за злостный прогул и срыв заказа».

С такой формулировкой Попов не мог поступить куда-либо на работу.

После рассмотрения этого дела в РКК и отмены решения РКК нарсуд разобрал дело 15 апреля прошлого года, признал формулировку об увольнении за прогул неправильной, решил считать Попова уволенным по собственному желанию и взыскать с завода в пользу Попова за 1 месяц вынужденного прогула.

Прокуратура СССР, считая это решение неправильным, опротестовала его по следующим основаниям.

Судом признано грубое нарушение заводом ст. 46 КЗОТ. Судом было установлено также, что завод выдал Попову справку о работе с незаконной и порочащей его формулировкой причины увольнения.

При этих обстоятельствах взыскание в пользу Попова только за 1 месяц вынужденного прогула противоречит ст. 68 постановления ЦИК и СНК СССР от 29 августа 1928 г. и практике наших судов, отраженной в постановлении 59 пленума Верховного суда Союза ССР.

Президиум Ленинградского областного суда 16 марта с. г., рассмотрев протест Прокуратуры СССР, постановил решение нарсуда 1 уч. г. Ленинграда от 15 апреля и определение ГКК облсуда от 29 апреля 1937 г. изменить и взыскать с завода им. Марти в пользу Попова П. А. зарплату за время вынужденного прогула с 14 ноября 1936 г. по 14 апреля 1937 г. дополнительно в сумме 1 173 руб.

НЕОСНОВАТЕЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЛА НА ДОСЛЕДОВАНИЕ

Транспортная коллегия Верхсуда СССР определением своим от 19 ноября 1937 г. отменила приговор линейного суда Ярославской ж. д. по обвинению Дмитриева Ф. А. и Костева В. Ф. по ст. 109 УК с направлением дела на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Приговор был отменен по мотивам, что по делу не установлено, какие фиктивные счета яв-

ляются товарными и какие бестоварными и что суд вынес обвинительный приговор без конкретизации обвинения каждому осужденному.

Прокуратура Союза опротестовала определение Транспортной коллегии по следующим основаниям.

Выявить документально, какие фиктивные счета являются товарными и какие бестоварными, нельзя, потому что Дмитриев и Костев подделывали счета на закупку различных частей для автомашин, фактически этих деталей никогда не покупали, но проводили их по документам кладовой как принятые кладовой, тут же составляли требование на получение этих деталей из кладовой будто бы для постановки их на машины, на которые фактически ставились старые отремонтированные детали, снятые с этих же машин. Таким образом, по документации кладовой и по документам бухгалтерии будет полное совпадение в наличии закупленных деталей и поставленных на автомашины, и проведенная инвентаризация кладовой ничего не даст.

Бестоварность фиктивных счетов можно только установить по показаниям обвиняемых и свидетелей, что по делу вполне установлено.

Установлено документально, что 13 фиктивных счетов завода автотракторного оборудования на сумму 4 586 р. 90 к. являются полностью бестоварными и завод по этим счетам ничего не отпускал.

Установлена фиктивность и бестоварность актов и счетов на покупку 4 аккумуляторов на сумму 1 805 руб.

Установлена фиктивность и бестоварность счетов завода «Топризо» на ремонт 7 аккумуляторов на 455 руб. Эти аккумуляторы завод не ремонтировал.

Установлена фиктивность и бестоварность счетов № 261 и 262 от 29 июня 1937 г. о продаже Костевым аккумуляторов ОРСУ на сумму 240 руб. ОРСУ аккумуляторов не получал.

Установлена фиктивность и бестоварность счетов и требований на постановку новых 2 динамо и 2 стартеров на сумму 582 р. 40 к. для одной автомашины завода «Мехремобуви», на которую фактически поставили старые динамо и стартер, снятые с этой же автомашины.

Установлена фиктивность и бестоварность счетов на постановку к машине № 19 новых динамо и стартера на 321 р. 40 к., на которую также поставлены старые динамо и стартер, снятые с этой же машины.

Таким образом, документально установлены фиктивность и бестоварность счетов на сумму 9 183 р. 70 к., которые присвоены обвиняемыми. Определение Транспортной коллегии по второму вопросу, что обвинение не конкретизировано в отношении каждого из обвиняемых, также является несомнительным.

Обвиняемый Костев признал себя полностью виновным по всем перечисленным выше фиктивным счетам, но не может точно указать, какую сумму присвоил по ним он и какую Дмитриев, последний же был инициатором присвоения казенных средств.

Дмитриев уличается в присвоении государственных средств по следующим данным:

Выписывая фиктивные бестоварные счета на имя завода АТБ, что подтверждается тем, что: а) Дмитриев налагал резолюции об утверждении счетов, б) показаниями кладовщиков Дубинина и Гуськова, что Дмитриев принуждал их подпи-

сывать счета о приемке деталей в кладовую, тогда как самих деталей для сдачи обвиняемые не представляли, в) показаниями обвиняемого Костева.

Дмитриев выписал два требования на постановку к одной машине «Мехремобуви» 2 новых динамо и 2 стартеров, а на самом деле поставили старую динамо и стартер, точно так же сделали и с ремонтом машины № 19. Это подтверждается: 1) актом, 2) актом монтеров, что поставлены старые детали, 3) показаниями обвиняемого Костева.

Дмитриев выписал шоферу политотдела Голинову фиктивный счет на 160 руб. за постановку нового аккумулятора, а фактически поставил старый, фиктивный счет выписывал у себя в кабинете и лично вручил шоферу Голинову.

Дмитриев присвоил мошенническим путем деньги завода «Мехремобуви» в сумме 640 руб., что подтверждается показаниями свидетеля Вульфович и обвиняемого Костева.

На подотчетные суммы Дмитриев купил и присвоил бильярд, часы, патефон, стулья. Это обвинение Транспортная коллегия признала доказанным, это подтверждается показаниями обвиняемого Костева и свидетелем Антроповым.

Таким образом, фиктивность и бестоварность счетов вполне установлена материалами дела, и преступные действия каждого из обвиняемых доказаны.

Судебно-надзорная коллегия Верховуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила определение Транспортной коллегии Верховуда СССР от 19 ноября 1937 г. по делу Дмитриева и Костева отменить и дело вернуть ей на новое рассмотрение.

* * *

2 октября 1937 г. линейный суд Октябрьской ж. д. приговорил по ст. 59-3 п. «в» ч. 1 УК РСФСР Вахромцева Михаила Семеновича к 5 годам лишения свободы без поражения в избирательных правах и Пахомова Ивана Ивановича к 4 годам лишения свободы без поражения в избирательных правах.

29 октября 1937 г. Транспортная коллегия Верховуда СССР приговор линейного суда отменила и дело направила на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Прокуратура Союза опротестовала определение Транспортной коллегии Верховного суда СССР по следующим основаниям.

Вахромцев — машинист и Пахомов — пом. машиниста были признаны линейным судом виновными в нарушении §§ 205, 265, 426 правил технической безопасности. Это нарушение заключалось в том, что 29 сентября 1937 г. Вахромцев дал распоряжение Пахомову перевести стрелку, не дождаввшись прихода стрелочника и не проверив, освобожден ли путь, самовольно направился с паровозом по 6-му пути под экипировку. В это время по 6-му пути следовал маневровый состав, и паровоз под управлением Вахромцева и Пахомова наехал на состав. В результате столкновения был разбит 1 вагон, повреждены 4 вагона и тяжело ранен составитель поезда.

Транспортная коллегия Верховного суда СССР предложила дело по обвинению Вахромцева и Пахомова расследовать вместе с делом по об-

винению Першина и Иванова. Из данных дела видно, что Першин и Иванов, работники депо, были привлечены к уголовной ответственности по ст. 58-7 УК РСФСР. Преступление, совершенное Вархомцевым и Пахомовым, никакого отношения к делу Першина и Иванова не имеет.

Судебно-надзорная коллегия Верховсуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила определение Транспортной коллегии Верховсуда СССР отменить и дело передать на новое рассмотрение в ту же коллегию в ином составе.

* * *

9 июля 1937 г. линейный суд Московско-Донбасской ж. д. приговорил Жукова Михаила Михайловича по ст. 59-3 п. «в» УК к 4 годам лишения свободы и Шаталина Михаила Алексеевича по ст. 59-3 п. «в» УК к 3 годам лишения свободы.

3 августа 1937 г. Транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР приговор линейного суда отменила и дело передала в тот же суд в ином составе на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия по следующим мотивам.

1. На станции Узловая существовала плохая организация на депоовских путях, что способствовало частым авариям и крушениям.

2. 30-й путь оказался чрезмерно перенапряженным; стрелочниками и сигналами путь, согласно правилам технической эксплуатации, не обеспечен.

3. Сами паровозные бригады распоряжаются стрелками по своему усмотрению и что такое положение не могло не отразиться на той аварии, которая произошла с паровозами Жукова и Шаталина.

Прокуратура Союза опротестовала определение Транспортной коллегии Верховсуда Союза ССР по следующим основаниям.

22 июня 1937 г. в 14 час. 30 мин. на ст. Узловая по 30-му тракционному пути к угольному складу следовал для набора топлива паровоз № 733-81 под управлением машиниста Жукова и пом. машиниста Прохорова. В это время навстречу по этому же 30-му пути со стороны угольного склада возвращался паровоз № 20-885 под управлением машиниста Шаталина и пом. машиниста Кузьмина.

Приближение паровозов своевременно было замечено Прохоровым и Кузьминым, которые предупредили своих машинистов о принятии мер к остановке, но ни Жуков, ни Шаталин мер к остановке паровозов не приняли, в результате чего произошло столкновение паровозов.

Независимо от плохой организации на депоовских путях, за что постановлением подготовительного заседания лиссуда привлечены к уголовной ответственности быв. начальник паровозного хозяйства Урбан и нач. депо Васяченко, по ст. 59-14, в отношении которых ведется отдельное расследование, Жуков и Шаталин не имели права самостоятельно выезжать.

Жуков и Шаталин, несмотря на предупреждение своих помощников Прохорова и Кузьмина, не приняли мер к предотвращению столкновения, чем злобно нарушили правила технической эксплуатации.

Судебно-надзорная коллегия Верховсуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила определение Транспортной коллегии

Верхсуда СССР от 3 августа 1937 г. по делу Жукова и Шаталина отменить и дело вернуть ей на новое рассмотрение.

ОТМЕНА ПРИГОВОРА ЗА НЕДОКАЗАННОСТЬЮ ОБВИНЕНИЯ

13 декабря 1937 г. суд Калининской ж. д. приговорил по ст. 59-3 п. «в» ч. 1 УК РСФСР Яковлева Кузьму Егоровича к 5 годам лишения свободы и Ваулина Николая Ивановича к 3 годам лишения свободы.

9 января 1938 г. Транспортная коллегия Верховсуда Союза ССР приговор линейного суда оставила в силе.

Прокуратура Союза опротестовала приговор линейного суда и определение Транспортной коллегии Верховсуда Союза ССР в отношении осужденного Ваулина по следующим основаниям.

2 декабря 1937 г. дежурный по станции разъезда Зарубино Яковлев дал согласие на прием поезда № 902 и приготовил маршрут для приема поезда на 2-й боковой путь.

После этого через несколько минут Яковлев дал согласие на прием пассажирского поезда № 77. Не дождавшись доклада стрелочника о готовности маршрута для приема поезда № 77, Яковлев открыл поезду семафор.

Поезд № 77 под управлением машиниста Ваулина проследовал границы станции и взрезал выходную стрелку, через которую принимался поезд № 902. Крушение было предотвращено.

Линейный суд признал машиниста Ваулина виновным в том, что для того, чтобы скрыть проезд предельного столбика, Ваулин самовольно стал осаживать состав назад и изломал острие пера стрелки, вследствие чего паровоз сошел с рельс.

Выводы линейного суда о виновности машиниста Ваулина находятся в противоречии с фактическими обстоятельствами дела.

Из материалов дела видно, что пассажирский поезд № 77 разъезд Зарубино должен был проследовать на проход и машинист Ваулин не был предупрежден о том, что на разъезде Зарубино ему предстоит скрещение с поездом № 902.

Старший стрелочник Котомов встречал поезд на стрелках белым сигналом, то есть таким сигналом, который показывал, что поезд следует на проход. Дежурный по станции Яковлев, принимая поезд № 77 на скрещение с поездом № 902, не вышел встречать поезд.

Из показаний выездной бригады видно, что когда поезд дошел до оси станции, они, видя, что дежурный по станции поезд не встречает, немедленно приняли меры к остановке поезда. Но ввиду того, что поезд следовал на проход и у него не было тормозного расстояния, машинист Ваулин проследовал выходную стрелку.

Для того чтобы избежать столкновения с поездом № 902, машинист Ваулин стал осаживать состав назад, и свидетели заявляют, что если бы машинист Ваулин не осадил состав назад, то произошло бы крушение.

Линейный суд не проверил заявление свидетелей, а в своем приговоре указал, что крушение поездов предотвратил машинист поезда № 902. Между тем это утверждение линейного суда не находит подтверждения в материалах дела. В деле нет указаний, где остановился поезд № 902 и в чем конкретно выразились меры машиниста поезда № 902 в предотвращении крушения.

Судебно-надзорная коллегия Верховсуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила приговор лисуда Калининской ж. д. от 13 декабря 1937 г. и определение Транспортной коллегии Верховсуда СССР от 9 января 1938 г. в отношении Ваулина Николая Ивановича отменить и дело о нем на основании ст. 4 УПК РСФСР производством прекратить.

ОТМЕНА ПРИГОВОРА ЗА НЕДОКАЗАННОСТЬЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

20 января 1937 г. линейный суд Западной ж. д. приговорил Баранова Федора Константиновича по ст. 11 УК РСФСР к 1 году ИТР по месту работы.

8 февраля 1937 г. Транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР заменила Баранову ИТР условным осуждением.

Прокуратура Союза опротестовала приговор линейного суда и определение Транспортной коллегии Верховного суда Союза ССР по следующим основаниям.

Баранов был признан линейным судом виновным в том, что, исполняя обязанности заместителя заведующего западным отделением вагонов-ресторанов 9 декабря 1936 г., он не принял мер к снабжению вагона-ресторана инвентарем, вследствие чего вагон-ресторан ушел с поездом № 3 без бригады, продуктов и инвентаря.

Из данных дела видно, что упущение произошло по вине Управления спальных вагонов ж. д., а не по вине Баранова. Чельгин — старший диспетчер участка по отправке вагонов-ресторанов и Милаков — технический инспектор перед отправлением поезда № 3 дважды меняли свои распоряжения о включении вагона-ресторана в состав поезда, предлагая то один вагон-ресторан включить в состав, то другой.

Все это происходило перед самым отправлением поезда, и Баранов был поставлен в такие условия работы, при которых он вынужден был то погружать инвентарь в вагон, то выгружать его.

Судебно-надзорная коллегия Верховсуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила приговор линейного суда Западной ж. д. от 20 января 1937 г. и определение Транспортной коллегии Верховсуда СССР от 8 февраля 1937 г. по делу Баранова Федора Константиновича отменить и дело о нем прекратить.

ОТМЕНА ПРИГОВОРА ЗА НЕДОСЛЕДОВАНОСТЬЮ ДЕЛА

9 декабря 1937 г. линейный суд Горьковской ж. д. приговорил Мамаева Александра Яковлевича по ст. 59-3 п. «в» ч. 1 УК РСФСР к 4 годам лишения свободы без поражения в избирательных правах.

9 января 1938 г. Транспортная коллегия Верховсуда Союза ССР приговор линейного суда оставила в силе.

Прокуратура Союза опротестовала приговор линейного суда и определение Транспортной коллегии по следующим основаниям.

Мамаев — младший стрелочник ст. Киров — был признан линейным судом виновным в нарушении § 269 правил технической эксплуатации.

1 ноября 1937 г. старший стрелочник Костин дал распоряжение Мамаеву приготовить стрел-

ку № 82 для пропуска паровоза по 35-му пути в депо.

Мамаев, приготовив стрелку, не проверил, плотно ли прилегло перо стрелки к рамному рельсу. Вследствие того что перо стрелки неплотно прилегло к рамному рельсу, паровоз сошел с рельса.

Из показаний Мамаева на предварительном следствии и в судебном заседании видно, что стрелка № 82 находилась в неисправном состоянии. Для за четыре до случая схода паровоза на этой же стрелке также сошел паровоз.

В кассационной жалобе Мамаев, утверждал, что о неисправном состоянии стрелки № 82 доводили до сведения дорожного мастера, но последний никаких мер к исправлению стрелки не принял.

Ни предварительное следствие, ни суд не проверили заявление Мамаева о том, что стрелка № 82 была неисправна. Между тем, если заявление Мамаева правильно, то к уголовной ответственности должен быть привлечен дорожный мастер, а не Мамаев.

Судебно-надзорная коллегия Верховсуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила приговор линейного суда Горьковской ж. д. от 9 декабря 1937 г. и определение Транспортной коллегии Верховсуда СССР от 9 января 1938 г. в отношении Мамаева Александра Яковлевича отменить и дело вернуть на новое рассмотрение со стадии предварительного расследования.

НАРУШЕНИЕ СТ. 54 УПК УССР

28 октября 1937 г. линейный суд Юго-Западной ж. д. приговорил по ст. 56-30 п. «а» ч. 1 УК УССР Кульчицкого Василия Ефремовича к 3 годам лишения свободы с запрещением работать на транспорте после отбытия наказания в течение 5 лет и Романюка Анатолия Леонтьевича к 3 годам лишения свободы с запрещением работать на транспорте после отбытия наказания в течение 5 лет.

14 ноября 1937 г. Транспортная коллегия Верховсуда Союза ССР приговор линейного суда оставила в силе.

Прокуратура Союза опротестовала приговор линейного суда и определение Транспортной коллегии Верховсуда Союза ССР по следующим основаниям.

9 сентября 1937 г. составитель Кульчицкий во время маневров остановил один вагон за контрольным столбиком. Машинист Романюк следовал с превышенной скоростью, проехал контрольный столбик и ударился в стоявший на путях вагон.

В судебном заседании по этому делу выступал прокурор. Поэтому в силу ст. 54 УПК УССР линейный суд обязан был назначить Кульчицкому защитника. Вместо этого линейный суд возложил защиту интересов Кульчицкого на защитника, который защищал Романюка. Между тем интересы Кульчицкого и Романюка противоречивы.

Судебно-надзорная коллегия Верховсуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила приговор линейного суда и определение Транспортной коллегии Верховсуда СССР по настоящему делу отменить и дело передать на новое рассмотрение со стадии судебного следствия в тот же линейный суд в ином составе.

ОТМЕНА ПРИГОВОРА ВСЛЕДСТВИЕ НЕПРОВЕРКИ ФАКТОВ, ОПРОВЕРГАЮЩИХ ОБВИНЕНИЕ

2 ноября 1937 г. линейный суд Западной ж. д. приговорил Бурова Михея Клементьевича по ст. 109 УК РСФСР к 2 годам лишения свободы без поражения в избирательных правах.

19 ноября 1937 г. Транспортная коллегия Верховного Суда Союза ССР приговор линейного суда оставила в силе.

Прокуратура Союза опротестовала приговор линейного суда и определение Транспортной коллегии Верховного Суда Союза ССР по следующим основаниям.

Преступление Бурова, по приговору линейного суда, заключается в том, что он, будучи управляющим конторой Гжатского Заготзерно, преступно-халатно относился к порученной ему работе. Буров не принял мер к оборудованию транспортеров; не обеспечил фронт погрузки и выгрузки достаточным количеством работников. Буров допустил загроможденность склада зерном, что не давало возможности своевременно производить разгрузку подаваемых вагонов с зерном. Вследствие всех этих недостатков в работе конторы Гжатского Заготзерно за 1937 г. имели место простои вагонов в количестве 947 вагоно-часов.

В судебном заседании Буров настойчиво заявлял, что начальники станции Гжатск Елаго систематически срывал погрузочные работы, несвоевременно подавая вагоны под погрузку. Заявление Бурова обязывало суд проверить, когда вагоны подавались под погрузку. Суд этого не сделал, а в настоящее время Елаго арестован как вредитель (в суде по делу Бурова Елаго выступал в качестве свидетеля).

Судебно-надзорная коллегия Верховного Суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила приговор линейного суда Западной ж. д. от 2 ноября 1937 г. и определение Транспортной коллегии Верховного Суда СССР от 19 ноября 1937 г. по делу Бурова Михея Клементьевича отменить и дело вернуть на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

ОТМЕНА ПРИГОВОРА ВСЛЕДСТВИЕ НЕПРАВИЛЬНОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Линейный суд Ярославской ж. д. 10 августа 1937 г. признал виновным и приговорил: инженера Мишкинд по 109 ст. УК к 3 годам лишения свободы за то, что он в 1935 г. заключил невыгодный для дороги договор с комбинатом № 3 имени Махарадзе на покупку меховых изделий на 1 005 000 руб. с превышением конвенционных цен, и за выдачу аванса 650 000 руб. комбинату на покупку сырья; плановика Додлова по 129 ст. УК к 2 годам лишения свободы за то, что он, будучи командирован в г. Тифлис для проверки работы Мишкинд, не только не разоблачил его злоупотребления, а наоборот, одобрил его действия и дал разрешение на аккредитование второго фиктивного счета на 250 000 руб.; зам. начальника ХМО Пузина по 129 ст. УК к 2 годам лишения свободы за то, что он, зная, что договор для дороги невыгодный, что рабочие своевременно не будут снабжены теплой одеждой, санкционировал незаконные действия Мишкинд и Додлова.

Транспортная коллегия Верховного Суда 16 августа с. г. приговор линейного суда оставила в силе.

Считая, что приговор линейного суда и определение Транспортной коллегии по делу неправильны и подлежат отмене потому, что преступления осужденных на предварительном и судебном следствии квалифицированы неправильно по ст. 109 и 129 ст. УК, когда по делу были все основания квалифицировать преступления по 58-7 ст. УК, Прокуратура Союза опротестовала его по следующим основаниям.

Уполномоченный Северной дороги Мишкинд на основании доверенности, выданной начальником хозяйственного материального отдела Комаровым 28 октября 1935 г. № 4/47, 2 сентября 1935 г. заключил договор купли-продажи на сумму 1 005 000 руб. с директором комбината № 3 Всегрузинского общества слепых Саркисовым.

По договору комбинат № 3 обязан был сдать проданные меховые изделия в следующие сроки: в сентябре 1 000 шт., в октябре 2 000 шт., в ноябре 1 500 шт. и 15 декабря 1935 г. 1 000 шт.

К моменту заключения договора продавец — комбинат № 3 Всегрузинского общества слепых, в лице Саркисова, никакого предусмотренного договором купли-продажи товара в наличии не имел и рассчитывал на деньги Северной ж. д. вести заготовку сырья для пошивки. С этой целью директор комбината вошел в преступную сделку с представителями дороги.

На почве, следствием точно не установленной, преступной связи представителей договаривающихся сторон (Мишкинд, Саркисов, Пузина, Додлова и др.) 15 сентября Мишкинд и Саркисов составили фиктивный акт приемки 2 040 штук полушубков черной дубки на 301 471 р. 20 к., 500 шт. тулупов на 96 950 руб., упаковку и другие расходы на 1 548 р. 80 к., а всего на 400 000 руб. Фактически же ни одного комплекта одежды не было в наличии и ничего не сдавалось и не принималось.

17 сентября 1935 г. Саркисов вместо будто бы принятого Мишкиндом 15 сентября товара вручил Мишкинду сохранную расписку в том, что «принятый» им товар комбинатом «принят» обратно на хранение до отправки покупателю.

16 сентября 1935 г. Мишкинд, не получив ничего, кроме фиктивной сохранной расписки, с ведома и согласия Пузина, Додлова и Комарова, акцептовал комбинату № 3 фиктивный счет на 400 000 руб., сняв эту сумму с аккредитива и вручив комбинату, который эти деньги использовал как оборотный капитал для заготовок сырья.

Выполнение договора по срокам было сорвано. Продавец, постепенно заготавливая сырье и производя пошивку, сдавал товар мелкими партиями, а именно: в сентябре вместо 1 000 шт. меховых изделий ничего не сдал, в октябре вместо 2 000 шт. сдало только 600 шт., в ноябре сдало 1 618 шт. и к 15 декабря, последнему льготному сроку сдачи товара, не сдало по договору 3 317 шт. шубных изделий.

Несмотря на непогашение покупателю 400 000 руб. готовыми изделиями, 29 октября 1935 г. Мишкинд с согласия своего начальства акцептовал 2-й фиктивный счет на 250 000 руб. и выдал их Саркисову.

Не установлено, что сдаваемые продавцом меховые изделия и рукавицы попали бы на дорогу — покупателю своевременно и были бы использованы для снабжения рабочих.

Результат договора для покупателя: из средств дороги преступным путем были изъяты 650 000 руб.; меховая одежда была получена для снабжения рабочих в зимний период 1935/1936 г. в небольшом количестве и с большим опозданием.

Снабжение рабочих было сорвано.

К лету 1936 г. образовалась заготовленность по меховым изделиям на сумму, изъятую из средств дороги. Продажа этих изделий под флагом разморозивания затраченного капитала и убыток от этой операции составляли 274 775 р. 20 к.

Вся эта операция по существу — прямое экономическое вредительство, для раскрытия которого и причастных к нему лиц следствие и суд ничего не сделали.

Кроме этого суд 27 июня 1937 г. совершенно неправильно выделил дело о Саркисове и Ано-

нове и направил материал о них в линсуд Закавказской ж. д.

О наличии в данном деле прямого организованного вредительства свидетельствует и тот факт, что всю эту операцию организовал и выдачу денег без товара санкционировал быв. начальник ХМО, ныне разоблаченный враг народа Комаров.

Судебно-надзорная коллегия Верховного Суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила приговор линейного суда Ярославской ж. д. от 10 августа 1937 г., определение Транспортной коллегии Верховного Суда СССР от 15 ноября 1937 г. и определение линейного суда Ярославской ж. д. от 27 июня 1937 г. о выделении дела Саркисова отменить и дело вернуть на новое рассмотрение со стадии предварительного расследования, приобщив к данному делу и дело о Саркисове.

ПО СОЮЗНЫМ РЕСПУБЛИКАМ

Борьба с растратами в кооперации и госторговле

Вопрос о борьбе с хищениями и растратами в кооперации и госторговле в условиях сегодняшнего дня является особенно актуальным.

Хищения и растраты в госторговле и кооперации — это один из видов посягательства на социалистическую собственность.

Товарищ Сталин учит нас, что забота об охране социалистической собственности является основной задачей революционной законности.

Гнуснейший участник право-троцкистского блока — провокатор и агент царской охраны «очкастый», изменник, шпион и диверсант, пролезший на пост председателя Центросоюза, Зеленский в своих показаниях на процессе право-троцкистского блока о формах и методах осуществленного им вредительства прямо указал на то, что содействие растратам и хищениям было одним из видов его вражеской деятельности.

Вот почему за последние месяцы мы имеем повышенное внимание к вопросу борьбы с растратами и хищениями в системе кооперации и госторговли со стороны руководящих органов прокуратуры. Вот почему является чрезвычайно своевременным совещание, созванное по этому поводу в последних числах февраля 1938 г. прокуратурой и Наркомюстом УССР, в котором приняли участие все областные прокуроры, председатели областных судов и руководители Наркомторга и Укоопсылки.

Общая сумма растрат и хищений, зафиксированная по линии органов кооперации и госторговли на Украине в 1937 г., чрезвычайно велика.

Достаточно будет сказать, что 55% всех растрат, имевших место в 1937 г. на Украине, относятся за счет растрат в кооперации и госторговле; 45% всех осужденных растратчиков — это работники кооперации и госторговли.

Не взирая на то, что положение с растратами и хищениями является достаточно серьезным, тем не менее органы кооперации и госторговли действительной борьбы с этим весьма опасным явлением не проводят.

Целый ряд руководителей торговых и кооперативных организаций ошибочно считают, что борьба с хищениями и растратами в их системе это удел органов прокуратуры и суда, а их роль ограничивается только передачей этим органам материалов, сообщением о зафиксированных растратах. Эта точка зрения является совершенно неправильной и с ней нужно вести решительную борьбу.

Товарищ Сталин неоднократно указывал нам на то, что репрессия является только второстепенным мероприятием, обеспечивающим эффект борьбы, а основные мероприятия должны быть проведены по линии организационной. Борьба с растратами должна прежде всего носить характер профилактики, то есть предупреждения. Отказ кооперативных и торговых организаций от этой борьбы, бездеятельность в этой области умножает количество растрат, а отсюда и количество дел, которые кооперативные и торговые организации вынуждены впоследствии передавать в органы прокуратуры.

Отсутствие надлежащей борьбы с растратами со стороны руководителей кооперативных и торговых организаций проявляется еще и в совершенно недопустимом отношении к вопросу о подборе кадров. Теперь уже известно, что и в подборе кадров по линии кооперации и госторговли было допущено вредительство. Провокатор Зеленский прямо говорит в своих показаниях, что он имел задание и преследовал цель засорять этот аппарат чуждыми, враждебными, антисоветскими и повстанческими элементами. Засоренность аппарата Центросоюза видна, говорит Зеленский, из того, что в аппарате Центросоюза было при нем около 15% бывших меньшевиков, эсеров, анархистов, троцкистов и т. д. Точно такое положение было на периферии. Сюда также просачивались уголовные и спекулятивно-торга-ские элементы.

Люди принимаются на работу без всякой проверки, иной раз и без документов и допускаются немедленно к материальным ценностям. И не приходится удивляться, если, к примеру, в Варварском сельпо Николаевской области был принят на должность счетовода не проверенный человек; через несколько дней ему доверили кассу; перед

выходным днем он забрал выручку за несколько дней в сумме 13 000 руб. и скрылся. Сейчас неизвестно даже, кто был этот человек и нет никакой возможности даже объявить о нем розыск.

Руководители очень многих кооперативных и торговых организаций забыли указания Ленина о важности проверки людей.

По материалам прокуратуры можно часто видеть, как отдельные руководители кооперативных и торговых организаций своим подходом к подбору кадров прямо поощряют растраты. Вместо того чтобы немедленно отказаться от использования лица, за которым выявлена растрата, очень часто из него делают «незаменимого» работника, переводят его на другую работу, дают ему возможность покрыть растраты, иными словами — покрывают его. Вот ряд фактов:

В Конотопском районе Черниговской области в торговых организациях работают 16 человек, которые раньше были изобличены в растратах и судились.

В Прилукском районе той же области уволенный за растрату в Черниговторге некий Моринец ровно через 2 недели принимается на аналогичную работу в райпотребсоюз.

В райпотребсоюзе Березнянского района той же области растратчики Зайцев и Желудько, осужденные за растрату, продолжают оставаться как «старые специалисты» на работе в системе кооперации.

Завмаг промсоюза в г. Виднице Виренбург растратил 8 000 руб.; Горвнторг, совершенно не интересуясь этим вопросом, принимает Виренбурга на работу, где он снова учиняет растрату.

Вопрос о работе с кадрами, очевидно, явно недооценивается по линии кооперации и госторговли. В кадрах работников кооперации и госторговли, особенно работников прилавка, наблюдается исключительная текучесть. За один год по линии кооперации на Украине сменилось 14 000 человек.

Состояние подготовки кадров тоже граничит с вредительством. Так, колоссальное количество средств, отпущенных правительством на подготовку кадров, совершенно не было использовано. В 1935 г. по системе потребкооперации было закрыто 30 техникумов и 2 высших учебных заведения. Сейчас с большим трудом приходится все это восстанавливать. Совершенно естественно, что такая работа с кадрами не могла не привести к чрезвычайно серьезным отрицательным результатам.

Не лучше обстоит дело с постановкой учета и отчетности в кооперации и госторговле.

Мы имели возможность на очень большом количестве конкретных дел видеть, что запущанность учета и отчетности, сама постановка этой работы, которая, как теперь видно, тоже была организована по-вредительски, приводила, с одной стороны, к сокрытию огромного количества растрат и хищений и, с другой стороны, — к совершенно неосновательному дерганию ни в чем неповинных людей. Часто приходилось сталкиваться с такими делами, когда лица, недавно выдвинутые на работу, в течение первых двух месяцев работы запутывались и против них возбуждались уголовные дела.

В отдельных органах кооперации и госторговли существовала и существует по настоящее время семейственность в самом худшем смысле этого слова, семейственность, которая начинается от продавца и кончается контрольно-ревизион-

ными органами кооперации и госторговли. Дело доходит до того, что о предстоящей ревизии сообщается завмагу, что стараются ему вывести баланс так, чтобы ни в коем случае не уличить его в растрате.

Неудовлетворительная постановка учета и отчетности характеризуется тем, что только к концу года обычно начинают выявляться все хищения и недостатки и в начале следующего года в прокурорские органы начинают пачками поступать материалы об имевших место за 6, за 8, за 10 месяцев до этого растратах и хищениях.

Неудовлетворительная постановка учета и отчетности совершенно исключает какую бы то ни было борьбу с так называемыми «легальными» присвоениями, то есть присвоениями, которые имеют место в результате неосновательно составленных актов о порче или о недостатке продукции, в результате обвешивания, повышения цен и т. д.

Надо подчеркнуть, что эти именно виды присвоений и растрат являются наиболее опасными, потому что ими пользуются особенно опытные растратчики и пользуются, в большинстве случаев, безнаказанно.

Необходимо также указать на низкое качество тех материалов, которые передаются в органы следствия и суда. В большинстве случаев это материал сырой, мало проверенный, в котором следствию без помощи экспертизы чрезвычайно трудно разобраться, материал, из которого нельзя сделать прямого вывода о том, имели ли место растрата, хищение или недостача.

26 декабря 1937 г. Прокуратура Союза совместно с Центросоюзом издала директиву о порядке передачи материалов органам прокуратуры для расследования. В этой директиве вопрос поставлен совершенно четко. Безоговорочное и совершенно точное выполнение этой директивы на местах даст возможность этот серьезный пробел восполнить.

Однако самое отрицательное в вопросе передачи материалов о растратах в органы прокуратуры заключается в том, что эти материалы передаются с совершенно недопустимым опозданием. Материалы по полгода, а иногда и по году задерживаются на так называемом оформлении в органах кооперации и госторговли и к тому моменту, когда они передаются в органы прокуратуры, успевают переменить место жительства как сам растратчик, так и все свидетели, документы переходят в архив. Все это вместе взятое значительно усложняет задачу следователя.

Возьмем к примеру по Харьковской области темпы передачи материалов о растратах в прокурорско-судебные органы: 25% — передано в срок от 3 до 6 месяцев, 18% — в срок от 6 месяцев до года, 7,8% — передано в срок от года до 2 лет и 2,1% — в срок от 2 до 3 лет. Как иначе, как не содействием растратам, как не покрывательством растратчиков можно назвать такого рода темпы передачи материалов в органы прокуратуры.

Наконец, последнее обстоятельство, характеризующее неудовлетворительную борьбу с растратами в самом аппарате кооперации и госторговли, обстоятельство решающего порядка — это неудовлетворительная работа ревизионных комиссий. Внезапные ревизии проводятся очень редко и во многих случаях они совсем не являются внезапными для ревизуемых. Ревизионные комиссии на местах работают очень плохо, в

большинстве случаев они не умеют провести квалифицированную ревизию, а если они уже проводят ревизию, они в большинстве случаев находятся на поводу у заведующего магазином, либо у продавца, которые, собственно говоря, выступают в роли учителя, показывающего, как нужно проводить ревизию.

Кооперативные и торговые организации ничего не сделали и в части мобилизации своего актива на борьбу с хищениями социалистической собственности в своей системе. По существу вся работа с активом, отчеты перед членами кооперации, вынесение работы кооперации на обсуждение и контроль масс, критика и самокритика — все это находится в очень большом запоне.

Задача кооперативных организаций состоит в настоящее время также в том, чтобы мобилизовать свой общественный актив на борьбу с хищениями и растратами в кооперации и госторговле, чтобы вынести на свет критики и самокритики всю работу кооперации и госторговли. Только с помощью общественности можно будет устранить те серьезные недочеты, которые имеют в своей работе кооперативные и торговые организации.

Плохая работа по борьбе с растратами, с хищениями в кооперации и госторговле дополнялась совершенно неудовлетворительной работой в этой области органов следствия, прокуратуры и суда.

Никто из работников следствия, прокуратуры и суда не может пожаловаться на то, что в этом вопросе было мало указаний и директив. Первая и основная директива — это постановление Совнаркома Союза от 16 февраля 1933 г., в котором была преподана развернутая программа борьбы с хищениями и растратами в кооперации, там было разработано все до мельчайших деталей, и если бы мы придерживались этого постановления в своей работе, то, очевидно, борьба с растратами и хищениями в кооперации и госторговле была бы на надлежащей высоте.

После этой директивы было очень много постановлений и директив, однако, все эти директивы и, в частности, постановление Совнаркома от 16 февраля 1933 г. до настоящего времени так следует не выполняются.

Каковы основные недочеты наших следственных, прокурорских и судебных органов в этой важнейшей работе?

Первый и основной недочет — это отсутствие эффективности в борьбе с растратами и хищениями.

У нас имеется колоссальный разрыв между количеством возбужденных дел и количеством дел, законченных следствием. Наконец, наблюдается колоссальный разрыв между количеством законченных дел и количеством заслушанных и разрешенных в судах.

Для примера приведем цифры по Винницкой и Харьковской области:

Из общего количества дел по Винницкой области в процессе следствия прекращено 16%, в суды передано только 84% всех дел, рассмотрено судом только 67%, применено лишение свободы только по 30% всех возбужденных дел и утверждено приговоров кассационной инстанцией только по 25% всех дел. Получается, таким образом, что из общего количества законченных следствием дел получили реальное разрешение в 1937 г. по Винницкой области только 25% всех дел.

Такая же безотрадная картина наблюдается и по Харьковской области. В процессе следствия прекращено 11% дел; прекращено в суде и возвращено на доследование — 14%; утверждено приговоров только в отношении 64% всех осужденных. В итоге в суде реально разрешено не больше 30% дел.

Такая низкая эффективность борьбы с растратами и хищениями в кооперации и госторговле, прежде всего, объясняется поверхностным и некритическим подходом к возбуждению этого рода дел. Наши районные, городские и областные прокуроры до сих пор принимают на веру материалы, которые им дает та или иная кооперативная или торговая организация. Вместо того чтобы поставить эти организации обосновать свои претензии и дать готовый, полностью уточненный материал, из которого ясно было бы видно, кто и какую сумму растратил или похитил, наши органы принимают от кооперативных и торговых организаций материалы сырые и машинально, механически передают для расследования то следователю, то органам милиции.

Второй момент, обуславливающий низкую эффективность работы по борьбе с растратами, это неумелое и недоброкачественное ведение расследования по этим делам.

Наши органы расследования и дознания допускают в этих делах чрезвычайно серьезные ошибки. Во многих случаях следователь, получив материалы о растрате, немедленно передает это дело экспертизе, не производя до того никаких следственных действий. При этом он даже не ставит экспертизе никаких вопросов, не руководит ею, и экспертиза в таких случаях «заменяет» следствие. Такое отношение к экспертизе пагубно отражается на деле.

Имеются также случаи, когда следователь находится на поводу у обвиняемого, который требует бесконечного количества экспертиз. Мы ни в какой мере не хотим вселить следователям мысль о том, что нужно ограничить права обвиняемого в процессе следствия. Нельзя, однако, допускать, чтобы обвиняемый своими правами злоупотреблял для оттяжки дела, для запутывания его, для заведения его в тупик. Это уже не гарантия прав обвиняемого, это не нормальное соблюдение интересов обвиняемого в процессе.

По делам о растратах и хищениях в торговле и кооперации мы часто наблюдаем отсутствие оперативности, неповоротливость в проведении следствия, причем целый ряд моментов, которые следователь должен был бы использовать для обеспечения эффективности борьбы с растратами, он не всегда использует.

В частности, следователь, имея данные о растрате, учиненной тем или иным лицом, не принимает часто достаточно оперативных мер к тому, чтобы возместить государству растратенную сумму: арест накладывается с большим опозданием, часто тогда, когда обвиняемый уже успел распродать большую часть своего имущества или скрыть его.

И, наконец, самое отрицательное, что наблюдается в работе органов следствия в этой области работы, — это совершенно неправильная квалификация недостачи как растраты и все вытекающие отсюда последствия, влекущие за собой нередко прекращение дел как неосновательно возбужденных. К этому надо добавить чрезвычайную волокиту по расследованию и рассмотрению этих дел судами.

Несмотря на то, что постановлением Совнаркома Союза максимальный срок расследования дел этой категории установлен в 20 дней и для рассмотрения в суде — 10 дней, по Винницкой области свыше 1 месяца в следствии находилось 40% дел, больше половины этих дел находится в стадии следствия свыше 2 месяцев, причем есть много таких дел, которые лежат по полгода, по году и даже полтора года. В суде 26% дел лежало в 1937 г. без движения свыше месяца, 50% дел свыше 2 и больше месяцев.

По Харьковской области: до 1 месяца закончено только 42% дел, от 1 до 2 месяцев — 26%, от 2 до 6 месяцев — 21%, до 1 года — 7% и свыше 1 года 3% — это в следствии. В судебных органах Харьковской области в срок до 20 дней рассмотрено только 46% всех дел, в срок от 20 дней до 1 месяца — 18%, от 1 до 3 месяцев — 28% и свыше 3 месяцев — 8%.

Нет надобности объяснять, что при таких темпах расследования и рассмотрения дел в суде значительная часть дел теряет свою актуальность, и порой создается впечатление безнаказанности растратчиков.

Переходя к судебной репрессии, надо прямо сказать, что линия судебной репрессии по делам о растратах была в целом ряде областей невыдержанной.

Средний процент лишения свободы на Украине за растраты в кооперации и госторговле составляет 56, остальные 44% составляют принудительные работы и другие более мягкие меры наказания.

Прокуроры принесли незначительное количество протестов на неправильные приговоры судов по делам о растратах и хищениях. Если учесть, что большинство из этих протестов были не кассационные, а в порядке надзора, что по этим делам было мало выступлений прокуроров в судах, то станет совершенно ясно, что прокуроры не осуществляли достаточного влияния на судебную политику по этим делам.

Положение с растратами и хищениями в кооперации и госторговле требует серьезных и неотложных мер со стороны прокурорских и судебных органов.

Надо прямо сказать, что директива Прокурора Союза ССР тов. Вышинского и объединенная директива Прокуратуры и НКЮ УССР не дала соответствующих результатов. Места не взяли по-настоящему за выполнение этих директив.

Что необходимо внедрить в повседневную практику нашей работы по борьбе с растратами?

Первое: обеспечить самый критический подход к материалам, которые являются основанием к заведению уголовного дела, понудить кооперативные и торговые организации давать полноценные и обоснованные материалы.

Второе: не распыляться в этой работе, не размениваться на мелочи. Это значит, что мелкими растратами и недостатками нам нет надобности заниматься; пусть кооперативные и торговые организации снимают с работы людей, учинивших такие растраты, и взыскивают с них растратные суммы в гражданском порядке.

Следствие по делам о растратах и хищениях в кооперации и госторговле необходимо вести с максимальной оперативностью и быстротой. Нельзя ни в коем случае забывать о месте и пределах экспертизы и расследования и тем более подменять расследование экспертизой. Надо покончить с так называемой «бесконечной» экс-

пертизой, потому что это всегда приводит к искусственной оттяжке расследования.

При установлении фактов больших растрат к обвиняемым должно быть применено в качестве меры пресечения содержание под стражей.

Для того чтобы предупредить возможность дальнейших злоупотреблений со стороны растратчиков и сокрытия следов преступления, следователи должны широко пользоваться правом, предоставленным им ст. 140 УПК и отстраняя обвиняемых с занимаемой должности.

Надо уже в процессе следствия принимать все меры к возмещению государству понесенных в связи с растратой или хищением убытков, обеспечивая своевременно и реально гражданские иски по этим делам.

Успех борьбы с растратами и хищениями в серьезной мере будет зависеть от того, как мы сумеем покончить с той безобразной волокитой, которая наблюдается в прохождении этих дел как в следствии, так и в суде.

Облпрокуратурам и облсудам надо взять под особый контроль сроки прохождения этих дел и буквально в ближайшие дни обеспечить окончание старых дел.

Есть все возможности к тому, чтобы в прохождении этих дел соблюдать сроки, указанные в постановлении СНК СССР от 16 февраля 1933 г.

Необходимо тщательно проанализировать линию репрессии по этим делам и обеспечить такое положение, чтобы репрессия за этот вид преступления соответствовала общей линии борьбы за охрану социалистической собственности.

В работе по выправлению линии судебной репрессии прокуратура должна сыграть весьма активную роль посредством усиления судебного надзора.

Райпрокурор, как правило, должен принимать участие при рассмотрении всех дел этого характера в подготовительном и судебном заседании.

Прокуратура должна перенести центр тяжести своего надзора на первую и кассационную инстанции. Тогда у нее будет значительно меньше потребности исправлять в порядке надзора допущенные судом неправильности.

Вот тот комплекс мероприятий, который в общей сложности может дать соответствующий эффект в борьбе с растратами и хищениями в кооперативной и торговой системе.

Прокуратура, суд и торгово-кооперативные органы должны общими усилиями взяться за ликвидацию результатов вредительства, проводившегося в системе Центросоюза и других торговых органов, и покончить с этим весьма серьезным видом преступления.

С. Гоган

Условия работы одной районной прокуратуры

В стране победившего социализма, основным законом которой является Сталинская Конституция, самая демократическая конституция в мире, на органы прокуратуры возлагается огромная, почетная и ответственная задача — осуществлять во всех областях народного хозяйства надзор за точным исполнением законов.

Для четкого выполнения прокуратурой столь ответственной задачи, для продуктивности ее работы нужны определенные условия, которые, к сожалению, еще не везде созданы.

В частности, не имеет нормальных условий для своей работы прокуратура в Комсомольском районе Сталинградской области. Со дня организации района и организации в районе органов юстиции прошло около трех лет. Все это время нарсуд и районная прокуратура занимают один домик, состоящий из трех комнат. Причем одну из этих комнат занимает технический работник нарсуда и райпрокуратуры, вторую занимает нарсуд, нотариальный стол, судебный исполнитель, защитник, и эта же комната является залом заседаний, а в последней комнате ютится районная прокуратура.

Это небольшая комната, в которой находятся три письменных стола, один для прокурора, второй для следователя и третий для секретаря, маленький одноэтажный шкаф для бумаг и дел, несколько стульев.

Ясно, что в таких условиях продуктивность работы райпрокуратуры не достигает должной высоты. Не имея камеры, следователь вынужден просить «посторонних» освободить комнату на время допроса. Приходящие к прокурору с жалобами и просьбами посетители вынуждены ждать. Секретарь теряет много времени, так как помещение, где он работает, является одновременно и кабинетом прокурора и камерой следователя.

В то же время рядом стоит совершенно свободное помещение, имеющее две больших комнаты. Это помещение нуждается только в небольшом ремонте — вставить стекла, исправить печи и т. п. Имеются и другие никак не занятые помещения, вполне пригодные для размещения в них районной прокуратуры.

Вопрос о переводе аппарата районной прокуратуры в более подходящее помещение был поставлен на заседании президиума рика, но до сих пор не получил никакого разрешения.

л.

Подготовка прокурорских и следственных кадров в Калмыцкой АССР

Подготовка и переподготовка кадров, повышение квалификации прокурорских и следственных работников — неотложная задача. Между тем до сих пор прокуратурой Калмыцкой АССР этому важнейшему делу не уделялось должного внимания. Распоряжением Прокурора СССР от 21 мая 1937 г. предлагалось организовать созыв десятидневных конференций районных прокуроров и народных следователей по разработанной Прокуратурой Союза программе. Это распоряжение, направленное к повышению квалификации райпрокуроров и народных следователей, в 1937 г. в Калмыцкой АССР не выполнялось. Не уделялось здесь должного внимания и подготовке кадров через систему юридических курсов, институтов, годичных курсов при Академии права. Товарищи, которые состояли и состоят заочниками Саратовского юридического института, не посещали заочных конференций, с них не потребовали выезда на зачетные конференции, и в конечном счете юридический институт большинство заочников исключил. Из 14 про-

куроров аппарата республиканского и улусных прокуроров нет ни одного с высшим образованием, и всего 3 человека окончивших курсы, остальные практики. Из 11 народных следователей нет ни одного человека с высшим юридическим образованием, 5 человек окончили юридические курсы, остальные практики. Среди состава прокурорских и следственных работников, много новичков, не имеющих практического опыта, следовательно, с ними надо больше заниматься, их надо готовить, вырабатывать, чтобы сделать из них стойких борцов за революционную законность.

Если мы обратимся к фактам работы улусных прокуроров, мы констатируем большие недочеты в работе. Приведем примеры из заслушанных 11 января с. г. на оперативном совещании прокуратуры Калмыцкой республики отчетов прокуроров некоторых улусов: Приволжского — т. Никонова, Добановского — т. Наминова, Лаганского — т. Касперовича, Черноземельского — т. Павлова. По Приволжскому улусу 11% всех дел, расследованных милицией, прекращалось производством, и до 10% дел возвращалось на доследование. А что это значит? Это значит, что сотни людей по этим делам без должных оснований вызывались, допрашивались, обвинялись и т. д.

Почему к людям было проявлено такое бездушное отношение, граничащее с грубейшими нарушениями Сталинской Конституции СССР, охраняющей неприкосновенность личности граждан СССР. Это можно объяснить только тем, что прокуроры плохо осуществляли надзор за расследованием этих дел. Если следователи заканчивают в месяц максимум 6—8 дел, то это говорит о ненормальном положении на этом участке. Борьба за повышение качества следствия и строжайшее соблюдение сроков расследования ведется недостаточно. Улусные прокуроры плохо работают с активом. Группы содействия организованы не везде, в некоторых улусах актив расстрелян. Отдельные улусные прокуроры не возбуждали такие дела, как избитие колхозников руководителями колхозов, например, Добанский улус, где улусный прокурор т. Наминов не решился пойти против улусных руководителей. Такие факты еще раз подтверждают необходимость как усиления конкретного руководства работой улусных прокуроров со стороны прокуратуры республики, так и проведения мероприятий по повышению квалификации работников.

С 10 по 20 января с. г. прокуратура Калмыцкой АССР провела конференцию улусных прокуроров, на которой приняли участие все улусные прокуроры, а также работники аппарата прокуратуры. Проработаны следующие темы:

1. Сталинская Конституция и задачи органов прокуратуры (один доклад).
2. Основные вопросы уголовного процесса (пять лекций — 10 часов).
3. Уголовное право и квалификация отдельных видов преступлений (две лекции — 4 часа).
4. Методика прокурорской работы по общему надзору (одна лекция — 2 часа).
5. Методика надзора за следствием (две лекции — 4 часа).
6. Процессуальное значение экспертизы (одна лекция).
7. Основные вопросы гражданского процесса (одна лекция).
8. О некоторых методах-приемах иностранных

разведывательных органов и их троцкистско-бухаринской агентуры (одна лекция).

После проведения конференции было созвано оперативное совещание при прокуратуре республики, на котором были обсуждены итоги работ конференции. Выступившие на совещании улусные прокуроры тт. Касперович, Никонов и Никшиков отметили не только положительные стороны конференции, которая многое дала слушателям, но и ее недочеты (например, слушатели не были полностью снабжены необходимой литературой и пособиями, конференция продолжалась всего 7 дней вместо 10, мало проведено практических занятий и т. д.).

Организационная подготовка к конференции проводилась недостаточно, лекторам-докладчикам приходилось работать с большой перегруженностью. Конференция проведена исключительно силами аппарата прокуратуры республики, так как вызвать в Элисту лекторов из института не представилось возможным за дальностью расстояния.

Совещание внесло очень ценные пожелания для будущей конференции. Например, было внесено пожелание проработать такие специальные вопросы, как вопросы судебной, медицинской, бухгалтерской экспертизы (с приглашением специалистов), а также вопросы трудового и гражданского права и некоторые специальные вопросы социалистического животноводства. Совещание поручило прокурору республики договориться в директивных организациях о созыве конференции по повышению квалификации народных следователей.

Несомненно, прокуратура Калмыцкой АССР учит замечания и просьбы прокуроров и следователей улусов и по-настоящему займется вопросами повышения квалификации своих работников. Конференция, несомненно, будет иметь положительные результаты и улучшит в дальнейшем работу прокуроров, так как местные работники порою теряют вкус к изучению законов — подчас следователь работает без Уголовно-процессуального кодекса, судья судит, не имея Уголовного кодекса и т. д. Такое положение ведет к ошибкам, иногда очень серьезным. Совещание призвало всех прокурорских работников к максимальному повышению классовой революционной бдительности, к беспощадной борьбе с врагами народа — троцкистско-виновьевскими-бухаринскими и буржуазно-националистическими элементами — этими наймитами фашизма. Совещание подчеркнуло, что прокурорские работники должны энергично бороться за укрепление социалистической законности и ограждение прав советских граждан, охраняемых великой Сталинской Конституцией.

Сергин.

Нарушения устава сельскохозяйственной артели в Каз-Тановском районе

Вредительская работа буржуазных националистов и их агентуры в Казахской ССР шла, между прочим, и по линии нарушений устава с.х. артели.

Постановлением ЦК КП(б)К и СНК Казахской ССР от 4 ноября 1937 г. было признано, что Каз-Тановский район Западно-Казахстанской области отличается массовыми нарушениями зако-

на о национализации земли и администрированием в колхозах.

Для подтверждения этого приведем несколько фактов.

Председатель колхоза им. Куйбышева Мендыгерев, ранее осужденный за развал колхоза, сдал в аренду Алтайскому конесовхозу 1000 га колхозной земли. Когда эта сделка была вскрыта, первый секретарь районного комитета партии Айтмагамедов стал на путь прямой защиты Мендыгерова и потребовал от прокуратуры прекращения дела. Когда же прокуратура категорически отказалась выполнить его требования, Айтмагамедов добился прекращения дела в нарсуде по мотивам отсутствия состава преступления в действиях Мендыгерова, хотя Мендыгерев и арендатор на предварительном следствии дважды признали себя виновными. Незаконный приговор нарсуда был прокуратурой опротестован. Между тем, возвратившийся в колхоз Мендыгерев, уверенный в защите со стороны руководящих работников района, сдал еще 500 га земли в аренду.

Пред. колхоза «Кзыл-Акрай» Ерешев сдал 2000 га земли в аренду, присвоил 3000 руб. и систематически избивал колхозников, а пред. колхоза «Кусет» Жумагалиев, без ведома общего собрания колхозников, распродал 98 голов скота и присвоил 3000 руб. Второй секретарь РК партии Жангалиев, по примеру первого секретаря Айтмагамедова, тоже потребовал прекращения этих дел и, чтобы спасти Жумагалиева от уголовной ответственности, срочно откомандировал его на учебу в комвуз, выдав характеристику, что он «выдержанный коммунист».

Прокуратура привлекала Жумагалиева к уголовной ответственности, и он был осужден.

Председатель колхоза «Баетауин» Бисенев дошел до того, что самовольно продал 4 скирды сена, которые были получены колхозниками на трудодни. Продажа была совершена по 2 р. 75 к. за центнер, в то время как соседние колхозы продавали центнер сена по 10 руб. Этот же председатель колхоза сдал 500 га земли в аренду, получив от арендатора взятку, присвоил 1270 руб. колхозных денег, систематически издевался над колхозниками.

Преступления Бисенева были раскрыты самими колхозниками, и на общем собрании Бисенев был снят с работы с отдачи под суд.

Однако секретарь РК партии Жангалиев, зам. председателя рика Жанекенев, нач. ЗУ Карасаев обрушились на такое решение общего собрания колхозников и срочно направили представителя района Тетралиева в колхоз с заданием восстановить Бисенева на работу, создать ему авторитет на месте. Тетралиев грозно объявил на собрании колхозников решение районных организаций, колхозники не посмели протестовать, и Бисенев был восстановлен. В тот же день был исключен из колхоза председатель ревкомиссии т. Сенткаинев, принимавший участие в раскрытии преступления Бисенева.

Начальник райзо Карасаев Шайен, на глазах у руководства района, без стеснения творил безобразия, устанавливал твердые оклады пред. колхозов, распоряжался имуществом колхозов, преступников, не имеющих никакого отношения к колхозу (Дуйсамир Сагмалиев, Салатов), навязывал на руководящую работу в колхозы, правлениям колхозов предоставлял право незаконно расходовать средства, в результате чего стои-

мость трудодней снизилась, а для расчетов с колхозниками потребовалось распродать 500 голов скота.

В аппарате райзо Карасаев растранижил 5 тыс. руб., аппарат райзо укомплектовал чуждыми людьми, которые творили свои гнусные дела. Районная прокуратура безрезультатно несколько раз ставила вопрос в РК партии о Карасаеве. Бывший прокурор Западно-Казахстанской области Анжаров отказывался дать санкцию на привлечение Карасаева к уголовной ответственности, а облпрокурор Ибраев, назначенный после Анжарова, прекратил дело Карасаева. Лишь после решительного требования райпрокуратуры Карасаев арестован и предан суду.

Вместо конкретной помощи органам прокуратуры, руководство района стало на путь прямой защиты преступных элементов, вплоть до гонений на работников прокуратуры.

Однако работники прокуратуры сумели с честью защитить свою независимость и довести начатые дела до конца.

Мукашев.

Работа прокуратуры Киргизской ССР по следствию за 1937 г.

Работа следственных органов Киргизской ССР в 1937 г. протекала неудовлетворительно.

По сравнению со II полугодием 1936 г. в 1937 г. ухудшились как качественные, так и количественные показатели работы следователей. Так например, если во II полугодии 1936 г. было возвращено на доследование следователям 11,5% дел, то в 1937 г. было возвращено уже 18,4% всех направленных дел. Если во II полугодии 1936 г. пропускная способность следователя составляла в среднем 5,8 дел в месяц, то в 1937 г. следователь оканчивал в среднем в месяц только 5,3 дела.

Исключительно высок (12,7%) процент дел, приостановленных производством, что может быть объяснено только недостаточной оперативностью следователей.

По срокам расследования работу следственных органов Киргизской ССР также нельзя признать вполне удовлетворительной. Правда, основная масса дел (62,6%) расследуется в течение месячного срока. Однако процент дел, расследуемых свыше двух месяцев (17%), достаточно высок.

Нельзя не отметить того положения, что работа следователей в 1937 г. значительно усложнилась, так как увеличилось количество дел о контрреволюционных и должностных преступлениях.

Ухудшение работы следственных органов Киргизии в 1937 г. явилось прямым результатом недопустимого отношения прокуратуры республики к сохранению следственных кадров. Достаточно сказать, что в течение 1937 г. из 57 следователей по штату выбыло 33 следователя. Из них 12 выбыло в порядке перемещения, а 15 по другим причинам, не связанным со снятием или отстранением от должности.

Распыление следственных кадров привело к тому, что следственный аппарат к настоящему времени оказался преимущественно из малоопытных работников, не имеющих не только специальной, но и общей подготовки. Так например, из 54 следователей по состоянию на 1 января 1938 г.— 37 следователей работают в органах прокуратуры до 1 года, 12 — от 1 до 3 лет и т. д.

Это не значит, конечно, что следственный аппарат Киргизии не в состоянии улучшить свою работу. Наоборот, к этому имеются все основания. На работу в качестве следователей пришла растущая, способная молодежь, и нужно только умелое и повседневное руководство ею для того, чтобы добиться определенных успехов. Достаточно указать, что 55,6% всех следователей Киргизии — это комсомолы. Сравнительно благополучно и с национальным составом следователей: 42,6% следователей — киргизы, остальные других национальностей (узбеки, татары, русские, казахи).

Следственный отдел прокуратуры республики, состоявший всего из двух работников (т. Герштейн и Колесников), совершенно правильно поставил своей основной задачей повышение квалификации следователей. В этом направлении проделана, правда, еще недостаточная, но все же большая работа. В 1937 г. были проведены 2 учебных конференции, на которых занимались 18 следователей, 6 следователей прослушали шестимесячные курсы, в 1937 г. была на месте проверена работа 79 процентов следователей. За этот же период времени в прокуратуре республики были заслушаны доклады 16 следователей о их работе и, наконец, проведены 3 кустовых совещания.

Наряду с работой по повышению квалификации следователей и улучшению их работы следственным отделом прокуратуры республики за указанный выше период времени проделана большая работа по рассмотрению дел и жалоб. Неплохо работают и старшие следователи прокуратуры республики.

В 1938 г. основной и решающей задачей следственного отдела прокуратуры республики является развертывание работы по повышению квалификации следователей. Необходимо добиться такого положения, чтобы в течение 1938 г. все следователи, выдвинутые на следственную работу, были охвачены курсами-конференциями. От массовых обследований следователей в 1938 г. нужно отказаться и за счет сокращения количества обследований улучшить качество обследовательской работы с таким расчетом, чтобы каждое обследование было использовано в инструктивных и учебных целях.

Совершенно очевидно, что имеющиеся в работе следственных органов Киргизии существенные недостатки возможно будет устранить лишь при том условии, если в центре внимания работы следственного отдела прокуратуры республики будет поставлено обучение новых кадров и повышение их квалификации как путем развертывания методической и учебной работы, так и путем улучшения оперативного руководства работой следователей.

Г. Александров.

СВОДКА ВАЖНЕЙШИХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ

За январь, февраль и март
1938 г.

СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

1. Госустройство и управление

1. Об образовании Экономического совета при Совете Народных Комиссаров Союза ССР—пост. СНК СССР от 23/XI 1937 г. (С. З. 1937 г., № 75, ст. 365).

2. Положение о Народном комиссариате тяжелой промышленности Союза ССР—утв. СНК СССР от 10/I 1937 г. (С. З. 1937 г., № 76, ст. 376).

3. Об образовании Народного комиссариата Военно-Морского Флота СССР—пост. ЦИК и СНК СССР от 30/XII 1937 г. (С. З. 1938 г., № 1, ст. 1).

4. Об утверждении «Положения о Народном комиссариате зерновых и животноводческих совхозов Союза ССР»—пост. СНК СССР от 17/II 1938 г. (С. П. 1938 г., № 4, ст. 12).

5. Положение о Государственной плановой комиссии при Совете Народных Комиссаров Союза ССР—пост. СНК СССР от 2/II 1938 г. (С. П. 1938 г., № 7, ст. 41).

6. Закон об изменении и дополнении ст.ст. 22, 23, 26, 28, 29, 49, 77, 70, 78 и 83 Конституции (основного закона) СССР—пост. Верховного Совета СССР от 15/I 1938 г. (Ведомости В. С. СССР, 1938 г., № 1).

7. Об избрании Президиума Верховного Совета СССР—пост. В. С. СССР от 17/I 1938 г. (Ведомости В. С. СССР, 1938 г., № 1).

8. Об образовании Правительства СССР—Совета Народных Комиссаров СССР—пост. В. С. СССР от 19/I 1938 г. (Ведомости В. С. СССР 1938 г., № 1).

9. Закон о возмещении депутатам расходов, связанных с выполнением депутатских обязанностей—пост. Верх. Сов. СССР от 17/I 1938 г. (Ведомости В. С. СССР 1938 г., № 1).

10. Об улучшении работы Комиссии советского контроля при СНК СССР—утв. СНК СССР от 26/II 1938 г. (С. П. 1938 г., № 7, ст. 42).

11. Об аппарате Комиссии советского контроля при СНК СССР—пост. СНК СССР от 5/III 1938 г. (С. П. 1938 г., № 7, ст. 43).

12. Об образовании Комитета по делам строительства при Совнаркоме СССР—пост. СНК СССР от 26/II 1938 г. (С. П. 1938 г., № 9, ст. 57).

2. Военное и морское дело

13. Об учреждении юбилейной медали «XX лет Рабоче-Крестьянской Красной Армии»—указ През. В. С. СССР от 24/I 1938 г. (Ведомости В. С. СССР 1938 г., № 1).

14. Положение о юбилейной медали «XX лет Рабоче-Крестьянской Красной Армии»—указ През. В. С. СССР от 24/I 1938 г. (Ведомости В. С. СССР 1938 г., № 1).

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

1. Промышленность

15. Об использовании амортизационных отчислений и об улучшении ремонта в промышленных предприятиях—пост. СНК СССР от 8/I 1938 г. (С. П. 1938 г., № 1, ст. 1).

16. О программе производства промышленности и о работе железных дорог на 1938 г. и на первый квартал 1938 г.—пост. СНК СССР от 29/XI 1937 г. (С. З. 1937 г., № 75, ст. 364).

17. О производстве и выпуске новых фармацевтических препаратов—пост. СНК СССР от 16/XI 1937 г. (С. З. 1937 г., № 75, ст. 367).

18. О производстве газогенераторных автомобилей, тракторов и других видов транспортных машин—пост. СНК СССР от 28/II 1938 г. (С. П. 1938 г., № 8, ст. 49).

19. Об улучшении проектного и сметного дела и об упорядочении финансирования строительства—пост. СНК СССР от 26/II 1938 г. (С. П. 1938 г., № 9, ст. 57).

20. Об изменении постановления ЦИК и СНК СССР от 1 июня 1935 г. «Об укреплении материальной и финансовой базы местной промышленности»—пост. ЦИК и СНК СССР от 5/I 1938 г. (С. З. 1938 г., № 1, ст. 3).

2. Земля и сельское хозяйство

21. О распространении постановления ЦИК и СНК СССР от 4 июня 1937 г. «О воспрепятствии сдачи в аренду земель сельскохозяйственного значения» на побочные виды пользования земель в лесах—пост. ЦИК и СНК СССР от 7/XII 1937 г. (С. З. 1937 г., № 76, ст. 373).

22. О территориальных управлениях лесоохраны и лесонасаждений—пост. СНК СССР от 13/XII 1937 г. (С. З. 1938 г., № 1, ст. 9).

23. О государственном плане сельскохозяйственных работ на 1938 г.—пост. СНК СССР от 27/I 1938 г. (С. П. 1938 г., № 2, ст. 5).

24. О премировании тракторных бригад МТС за экономию горючего и сбор отработанных масел—пост. СНК СССР от 4/III 1938 г. (С. П. 1938 г., № 4, ст. 11).

25. Об отчислениях от выручки за сданную государству рыбу на нужды рыболовецких колхозов, обслуживаемых моторно-рыболовными станциями—пост. СНК СССР от 13/III 1938 г. (С. П. 1938 г., № 8, ст. 54).

26. Об основных показателях плана совхозов Наркомсовхозов, Наркоминцепрома и Наркомзема СССР на 1938 г.—пост. СНК СССР от 8/II 1938 г. (С. П. 1938 г., № 4, ст. 14).

3. Транспорт

27. Об аннулировании авиаобязательств Всесоюзного объединения Гражданского воздушного флота—пост. СНК СССР от 23/XII 1937 г. (С. З. 1938 г., № 1, ст. 7).

28. Об изменении статьи 70 Устава железных дорог—пост. СНК СССР от 7/I 1938 г. (С. П. 1938 г., № 1, ст. 4).

4. Связь

29. О таксах и тарифах за услуги связи—пост. СНК СССР от 2/II 1938 г. (С. П. 1938 г., № 3, ст. 6).

III. ФИНАНСЫ

30. О порядке распределения доходов от государственной монополии на производство играль-ных карт—пост. ЦИК и СНК СССР от 27/XI 1937 г. (С. З. 1937 г., № 75, ст. 363).

31. Об отмене постановления ЦИК и СНК

СССР от 23 октября 1929 г. «Об органах, производящих обложение налогами — промышленным, подоходным и на сверхприбыль» — пост. ЦИК и СНК от 7/XII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 76, ст. 374).

32. Об изменении ставок подоходного налога для организаций промкооперации системы Всекопромсовета на 1937 г. — пост. ЦИК и СНК СССР от 17/XII 1937 г. (С. З. 1938 г. № 1, ст. 2).

33. О запрещении предприятиям и учреждениям выписки газет и журналов для бесплатной раздачи рабочим и служащим — пост. СНК СССР от 25/XII 1937 г. (С. З. 1938 г. № 1, ст. 5).

34. О закрытии неиспользованных на 1 января 1938 г. кредитов и о порядке финансирования до утверждения планов и титульных списков на 1938 г. — пост. СНК СССР от 20/XII 1937 г. (С. З. 1938 г. № 1, ст. 5).

35. О включении местных доходов управлений железных дорог в финансовый план НКПС — пост. СНК СССР от 16/XI 1937 г. (С. З. 1937 г. № 75, ст. 369).

36. О возложении на Промбанк финансирования жилищно-коммунального строительства промышленных наркоматов — пост. СНК СССР от 3/XII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 75, ст. 370).

37. О порядке подачи и рассмотрения жалоб плательщиков налогов в городских поселениях — пост. СНК СССР от 3/XII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 75, ст. 371).

38. Об утверждении отчетности сельских советов и районных исполнительных комитетов по самообложению — пост. СНК СССР от 23/XII 1937 г. (С. З. 1938 г. № 1, ст. 8).

39. О порядке финансирования выплат государственного пособия многодетным матерям — пост. СНК СССР от 30/XII 1937 г. (С. З. 1938 г. № 1, ст. 10).

40. Об организации и финансировании ремонта тракторов, комбайнов и сельскохозяйственных машин МТС — пост. СНК СССР от 11/I 1938 г. (С. П. 1938 г. № 4, ст. 10).

41. О государственном страховании имущества предприятий, учреждений и организаций — пост. СНК СССР от 3/II 1938 г. (С. П. 1938 г. № 7, ст. 46).

42. О предоставлении хозорганам права внеочередного расходования на неотложные нужды 50% дневных поступлений на их расчетные счета — пост. СНК СССР от 26/I 1938 г. (С. П. 1938 г. № 7, ст. 47).

43. Об утверждении инструкции Наркомфина СССР о порядке обложения колхозов подоходным денежным налогом — пост. СНК СССР от 1/II 1938 г. (С. П. 1938 г. № 8, ст. 48).

44. Об укреплении штатной дисциплины и обеспечении правильного расходования средств заработной платы — пост. СНК СССР от 26/II 1938 г. (С. П. 1938 г. № 8, ст. 51).

IV. ТОРГОВЛЯ, ЗАГОТОВКИ И СНАБЖЕНИЕ

45. О мероприятиях по расширению и улучшению торговли медикаментами и другими апте-

карскими товарами — пост. СНК СССР от 16/XI 1937 г. (С. З. 1937 г. № 75, ст. 366).

46. Об утверждении инструкции Комитета заготовок при СНК СССР «О порядке проведения обязательной поставки мяса государству в 1938 году» — пост. СНК СССР от 28/XII 1937 г. (С. З. 1938 г. № 1, ст. 4).

47. Об утверждении инструкции Комитета заготовок при СНК СССР «О порядке проведения обязательной поставки молока и масла государству в 1938 году» — пост. СНК СССР от 11/I 1938 г. (С. З. 1938 г. № 1, ст. 3).

48. О торговле печеным хлебом — пост. СНК СССР от 27/II 1938 г. (С. П. 1938 г. № 8, ст. 53).

49. О продаже малокалиберных винтовок — пост. СНК СССР от 15/II 1938 г. (С. П. 1938 г. № 8, ст. 56).

50. О плане контрактации льна и конопли в 1938 г. — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 22/II 1938 г. (С. П. 1938 г. № 10, ст. 59).

51. О плане контрактации хлопка-сырца урожая 1938 г. — пост. Экономсовета при СНК СССР от 15/III 1938 г. (С. П. 1938 г. № 10, ст. 60).

52. Об обязательной поставке шерсти в 1938 г. — пост. Экономсовета при СНК СССР от 3/III 1938 г. (С. П. 1938 г. № 10, ст. 61).

53. О плане контрактации и заготовок масляных культур на 1938 г. — пост. Экономсовета при СНК СССР от 14/III 1938 г. (С. П. 1938 г. № 10, ст. 62).

V. КОММУНАЛЬНОЕ И ЖИЛИЩНОЕ ХОЗЯЙСТВО

54. Об изменении жилищного законодательства СССР в связи с постановлением ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. «О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства в городах» — пост. СНК СССР от 3/II 1938 г. (С. П. 1938 г. № 7, ст. 45).

VI. ТРУД И СОЦСТРАХОВАНИЕ

55. О льготах колхозникам, работающим угольной и торфяной промышленности — пост. СНК СССР от 13/II 1938 г. (С. П. 1938 г. № 7, ст. 15).

56. О порядке приема-сдачи дел при смене руководителей учреждений, предприятий, хозяйственных организаций и строителей — пост. СНК СССР от 2/III 1938 г. (С. П. 1938 г. № 10, ст. 44).

57. О расчетах с трактористами МТС — пост. Экономсовета при СНК СССР от 8/I 1938 г. (С. П. 1938 г. № 10, ст. 63).

VII. СУДОУСТРОЙСТВО, СУДОПРОИЗВОДСТВО УГОЛОВНОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

58. Об имуществе иностранцев, не проживающих на территории Союза ССР — пост. СН СССР от 26/XI 1937 г. (С. З. 1937 г. № 7, ст. 368).

ИЗДАТЕЛЬ: Юридическое издательство НКЮ СССР

Ответственный редактор А. Я. ВЫШИНСКИЙ

Рукопись поступила в издательство 19/V 1938 г.

Сдано в производство 19/V 1938

Подписано к печати 1/VI 1938 г. 6 1/2 п. л. 16,67 авт. лист. Формат 70×106 Ю—4п.; № 233 В одном бум. листе 213 000 з

Адрес издательства: Москва, Красная площадь, зд. 6. ГУМ, пом. 28.

Технический редактор П. Рушковский

Уполномоч. Главлита РСФСР № В-45352.

Зак. № 594.

Тираж 25000 эк

ВУЗ НКЮ СССР объявляет прием аспирантов в Московский, Ленинградский и Харьковский юридические институты по следующим специальностям:

1. Уголовное право.
2. Уголовный процесс.
3. Гражданское право.
4. Трудовое право.
5. Земельно-колхозное право.
6. Гражданский процесс.
7. Теория государства и права.
8. История государства и права.
9. Государственное право.
9. Криминалистика.
1. Международное право.

в аспирантуру принимаются лица в возрасте старше 35 лет, имеющие законченное высшее юридическое образование.

Заявления о приеме в аспирантуру подаются непосредственно в юридические институты: Москва, ул. Герцена, 11; Ленинград, Университетская набережная, 7/2; Харьков, Пушкинская, и после рассмотрения их дирекцией направляются вместе с заключением института в центральную отборочную комиссию НКЮ СССР.

После утверждения кандидатов в аспиранты центральной отборочной комиссией НКЮ СССР и после сдачи испытаний по философии, общей теории государства и права, избранной специальности и по одному иностранному языку, производится окончательное зачисление в аспирантуру.

ЛИЦА, ЗАЧИСЛЕННЫЕ В АСПИРАНТУРУ, ОБЕСПЕЧИВАЮТСЯ СТИПЕНДИЕЙ И МЕСТОМ В ОБЩЕЖИТИИ (ЧЛЕНЫ СЕМЬИ ОБЩЕЖИТИЕМ НЕ ОБЕСПЕЧИВАЮТСЯ).

К заявлению о приеме в аспирантуру должны быть приложены следующие документы: 1) диплом об окончании высшего юридического учебного заведения, 2) отзыв с места работы, 3) характеристика общественных организаций, 4) личный листок по учету кадров, 5) две фотокарточки, 6) заверенная автобиография.

Без вызова института выезжать на экзамены не следует.

Все справки по вопросам приема дают институты.

ВСЕСОЮЗНАЯ ПРАВОВАЯ АКАДЕМИЯ

объявляет прием слушателей на первый курс Академии и на Высшие Академические курсы.

В число слушателей Всесоюзной Правовой Академии и на Высшие Академические курсы (В) принимаются члены ВКП(б), практические работники органов суда, прокуратуры, следствия, госарбитража и юридические работники таких учреждений и организаций.

Все поступающие во Всесоюзную Правовую Академию и на ВАК подвергаются приемным испытаниям в объеме программы 7 классов средних школ.

Заявление о приеме в число слушателей Всесоюзной Академии или ВАК подается на имя ректора Академии, через местные органы власти и Госарбитраж.

Лица, выдержавшие приемные испытания в Правовую Академию, так и на ВАК, обеспечиваются общежитием (без семьи) и стипенди-

ей: в размере не ниже 350 руб. в месяц для слушателей Академии без сохранения за ними заработной платы по прежней работе и 150 руб. в месяц для слушателей ВАК с сохранением за ними заработной платы по окладу последней занимаемой должности.

5. Срок обучения во Всесоюзной Правовой Академии три года, а на ВАК 1 год.

6. Срок приема заявлений до 1 августа с/г.

7. Начало приемных испытаний 1 августа 1938 г.

8. Начало занятий 1 сентября 1938 г.

За всеми справками обращаться в местные органы Юстиции и Госарбитраж или Академию по адресу: Москва, 63, Всесоюзная Правовая Академия, Продольный пер., д. № 3.

ДИРЕКЦИЯ

Всесоюзный юридический заочный институт НКЮ СССР (ВЮЗИ)

объявляет набор студентов на 1938/39 учебный год

ВЮЗИ является высшим учебным заведением с 4-летним сроком обучения без отрыва от производства.

Лица, окончившие ВЮЗИ, получают диплом и все права окончивших стационарные юридические институты и квалификацию юриста, могущего работать в органах суда, прокуратуры, следствия, нотариата, адвокатуры, арбитража и т. д.

В институт принимаются без ограничения возраста все граждане СССР, имеющие среднее образование (десятилетка, техникум, рабфак), а также окончившие полную среднюю школу в порядке экстерната.

Поступающие в институт подвергаются приемным испытаниям в соответствии с утвержденными ВКВШ правилами приема в заочные институты.

Заявления о приеме с приложением аттестата средней школы, справки о занимаемой должности, автобиографии и трех заверенных фотокарточек подаются непосредственно в заочные сектора при стационарных юридических институтах или в филиалы ВЮЗИ при наркоматах юстиции союзных республик.

с 1 июня по 20 августа 1938 г.

Подробные правила приема и справки можно получить в канцелярии ВЮЗИ (Москва, ул. Герцена II), в секторах, филиалах и консультационных пунктах ВЮЗИ

Директор ВЮЗИ

ВСЕСОЮЗНАЯ ПРАВОВАЯ АКАДЕМИЯ

ОБЪЯВЛЯЕТ ПРИЕМ

на заочное отделение Всесоюзной Правовой Академии

Заочное отделение Всесоюзной Правовой Академии ставит своей задачей дать высшее юридическое образование ответственным работникам органов суда, НКЮ, прокуратуры, следствия, госарбитража, членам коллективов защитников и юридическим работникам советских учреждений и организаций.

На Заочное отделение принимаются члены ВКП(б) в возрасте не старше 40 лет, имеющие общеобразовательную подготовку в объеме не ниже 7 классов средней школы.

Лица, поступающие на Заочное отделение Правовой Академии, должны иметь командировку с места работы и согласие Райкома или областного (краевого) Комитета ВКП(б).

Заявления о приеме на Заочное отделение Правовой Академии подаются на имя Директора Академии с приложением следующих документов:

- 1) Заполненная анкета по учету кадров.
 - 2) Заверенная автобиография.
 - 3) Справка о рождении.
 - 4) Удостоверение об образовании.
 - 5) Партийная характеристика первичной партийной организации с указанием партстажа.
 - 6) Справка об отношении к военной службе.
 - 7) Отзыв с места работы с указанием стажа работы.
 - 8) Справка о согласии Райкома или Обкома (крайкома) ВКП(б).
 - 9) Справка о состоянии здоровья.
 - 10) Три фотографические карточки.
- Срок подачи заявления по 15 июля 1938 г.
Начало занятий 1 сентября 1938 г.
- За всеми справками обращаться в Учебную часть Заочного отделения по адресу: Москва, 69, Всесоюзная Правовая Академия, Продольный пер., д. № 3.

ДИРЕКТОР ВСЕСОЮЗНОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ